

Отдел по делам молодежи
Комитета по делам горожан администрации г. Иркутска
Байкальский государственный университет экономики и права

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ: ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Материалы научно-практической
студенческой конференции

Иркутск
Издательство БГУЭП
2006

УДК 338.43(57)(09)

ББК 65.9(2)49

А 25

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Редакционная коллегия

проф. В.М. Левченко (гл. ред.), проф. Г.А. Цыкунов,
проф. А.В. Шалак, доц. Ю.П. Вахрушев, доц. Н.Н. Быкова,
доц. Е.В. Рощупкина, доц. Т.А. Яковлева,
ст. преп. А.М. Курышов (отв. секр.), ст. преп. А.А. Распопина

А 25 Аграрная история Сибири: традиции и модернизация:
Материалы научно-практической студенческой конфе-
ренции. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. — 176 с.

ISBN 5-7253-1341-7

Представлены материалы научно-практической сту-
денческой конференции, посвященной 100-летию на-
чала аграрной реформы П.А. Столыпина, проходившей
24 марта 2006 г. в Байкальском государственном универ-
ситете экономики и права.

ББК 65.9(2)49

ISBN 5-7253-1341-7

© Издательство БГУЭП, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 6

ИСТОРИЯ АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

<i>Амостаева Е.</i> Проблемы переселенческой политики в Иркутской губернии в начале XX в.	8
<i>Богданова А.</i> Оценка переселения в Сибирь в начале XX в. в трудах отечественных историков	11
<i>Бодяк В.</i> К вопросу об итогах переселенческой политики П.А. Столыпина	14
<i>Боронина О. Н.А.</i> Рожков об аграрных преобразованиях начала XX в.: взгляд из Сибири	15
<i>Бырсану Е.</i> Аграрный вопрос в Сибири на страницах журнала «Сибирские вопросы»	19
<i>Воротова Ю.</i> Сельское хозяйство Сибири в условиях НЭПа	21
<i>Дикун А.</i> «Без лишнего казенного расхода» (К вопросу аграрной колонизации Сибири).....	24
<i>Дубровская Е.</i> Проблема продовольственной безопасности Сибири в XX столетии: исторический аспект	28
<i>Иванова Е.</i> Колонизация Россией Сибири как естественноисторический процесс	30
<i>Кармина А., Королькова М.</i> Земледельческие традиции бурят	32
<i>Касперович А.</i> Поиск модели устойчивого развития сельского хозяйства Сибири в первой трети XX в.	36
<i>Катаева И., Рыкова И.</i> Проблемы аграрных преобразований в Прибайкалье в первой трети XX в. в освещении региональных газет	39
<i>Кокорина Н.</i> Переселение в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. в оценке региональной печати	41
<i>Кородюк Я.</i> Разработка переселенческого законодательства в России на рубеже XIX–XX вв.	46
<i>Кузнецов А.</i> Развитие земледельческого хозяйства у бурят Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.	48
<i>Лисина А.</i> Влияние переселенческой политики П.А. Столыпина на дальнейшее освоение Сибири	51
<i>Морозов Б.</i> Взгляды Н.А. Рожкова на аграрные отношения в Сибири в период реализации столыпинской реформы	54
<i>Мункуева Н.</i> Сравнительная характеристика земледелия русского и бурятского населения Иркутской губернии в конце XIX в. (по материалам исследований 1887–1889 гг.).....	57

Пастернак А. Столыпинская аграрная реформа и корейский национальный вопрос на востоке Российской империи	59
Петрушин А. Методы и результаты переселения начала XX в. в Иркутской губернии (на примере Ока-Тагнинского переселенческого подрайона)	62
Сахаровская Т. Вопросы переселения крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы в трудах В.Г. Тюкавкина	66
Татарникова Н. О преобразовании сибирской деревни в послеоктябрьский период	69
Тизенберг А. Изменения в традиционном хозяйстве якутов в конце XIX–начале XX вв.	72
Штупоис М. Особенности восприятия аграрных реформ начала XX в. в Иркутской губернии (по материалам газеты «Сибирские вести»)	75

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

Баловацкая О. Социальная история российской преступности в конце XIX–начале XX вв.: экономические преступления	78
Безруков А. Основные факторы развития сибирского предпринимательства (на материалах династии Сибиряковых)	82
Белоусова А. Культурно-просветительская работа в сибирском селе в послевоенный период	86
Буруханова А. Развитие золотодобывающей и угольной промышленности Восточной Сибири в начале XX в.	88
Волкова О. Из истории экономической печати Иркутска: «Народное хозяйство Восточно-Сибирского края»	91
Закаблуконская О. Страницы истории экономической печати Иркутска: «Материалы Иркутского губернского статистического бюро»	96
Ивлева Т. Экономический фактор в истории сибирских немцев	100
Изосимова О. Политические технологии начала XX в.: выборы 1912 г. в Государственную Думу в Иркутской губернии (по материалам местных газет)	103
Комарова Е. Социально-экономический статус как основа избирательной системы Советской России.....	104

<i>Логвинова А. Н.М.</i> Ядринцев об особенностях сибирского характера.....	108
<i>Маскаева И.</i> Развитие ярмарочной торговли в г. Иркутске	110
<i>Мешкова Е. И.И.</i> Серебренников — ученый-бессребреник	113
<i>Перегудова А.</i> История просвещения дореволюционной Сибири.....	116
<i>Соколов И.</i> История освоения Россией Нижнего Приамурья ...	119
<i>Субботина Ю.</i> Становление и развитие Иркутского острога....	123
<i>Шабалина Е.</i> Численность и состав населения Иркутской губернии в конце XIX в.	127
<i>Шаламов В.</i> Орденское землевладение в Российской империи (1797–1801 гг.).....	129

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

<i>Балаклеева А.</i> Энергетика Иркутской области — источник развития Сибири	134
<i>Безъязыкова А., Борхонова М.</i> Дело ЮКОСа и перспективы развития Восточной Сибири	136
<i>Гавенко А.</i> Сибирь–Китай: перспективы сотрудничества	140
<i>Глобенко Н.</i> Иркутская область в экономике современной России	143
<i>Елфилова Ю.</i> Хозяйственные связи Сибири и Юго-Восточной Азии.....	146
<i>Ермашова Е.</i> Газовая промышленность Иркутской области... ..	150
<i>Каморников Н., Писарев А.</i> Современная демографическая ситуация в Иркутской области	152
<i>Ли Н.</i> Деятельность иностранных некоммерческих организаций на территории Иркутской области	155
<i>Мальцев А.</i> Основные проблемы земельных отношений в современной России.....	158
<i>Скажуткина Л.</i> Перспективы развития экономических отношений между Иркутской областью и Китаем.....	163
<i>Схулухия К.</i> Инвестиции в человеческий капитал как фактор развития Прибайкалья	166
<i>Тугарина Е., Шевчук Е.</i> Иркутск–Монголия: политические, экономические и культурные связи.....	169
<i>Федорова М.</i> Сибирь и Европа: перспективы экономического взаимодействия.....	172

К ЧИТАТЕЛЮ

Вашему вниманию предлагается сборник материалов научно-практической студенческой конференции, посвященной 100-летию начала аграрной реформы П.А. Столыпина. Реформа П.А. Столыпина — знаковое событие в Отечественной истории вообще и в истории Сибири — в частности. Переселенческая политика, как составная часть реформы, напрямую повлияла на развитие восточных окраин России. До сих пор не утихают споры по поводу результативности мероприятий П.А. Столыпина, их необходимости, методов проведения реформы. Но бесспорно то, что она изменила коренным образом облик Сибири, посредством организации переселения способствовала укреплению связей сибирских территорий с Европейской Россией, их экономическому и культурному развитию. Именно поэтому нельзя обойти вниманием столь знаменательную дату. Тем более что, как и сто лет назад, перед Сибирью снова стоят проблемы, связанные с освоением ее пространств и богатств.

Прошедшая 24 марта сего года студенческая научно-практическая конференция примечательна не только своей тематикой, — это первая областная историческая конференция, проведенная в стенах БГУЭП. Традиция проведения открытой для студентов других вузов конференции зародилась в 2005 г., — тогда в форуме приняли участие студенты семи вузов Иркутска. В этом году конференция вышла на областной уровень — помимо студентов Байкальского государственного университета экономики и права, а также студентов иркутских вузов (Иркутского государственного педагогического университета, Иркутского государственного университета, Восточно-Сибирского института МВД РФ, Иркутской государственной сельскохозяйственной академии, Иркутского государственного университета путей сообщения, Иркутского филиала Российского государственного торгово-экономического университета), в ней приняли участие представители Ангарской государственной технологической академии и Братского государственного университета. Также были представлены доклады из Новосибирского и Красноярского государственных университетов. Всего в работе конференции приняли участие почти шестьдесят студентов из одиннадцати высших учебных заведений.

Большая часть докладов, представленных на конференции, посвящена вопросам аграрной истории Сибири. Ряд участни-

ков заинтересовался различными аспектами социально-политического и экономического развития Сибири в прошлом. Эти материалы в настоящем сборнике сгруппированы в отдельную рубрику. И еще одна рубрика содержит материалы докладов, посвященных современной Сибири и перспективам ее социального и экономического развития. Редакционная комиссия посчитала необходимым включить их в сборник, поскольку таким образом читатель может увидеть, во-первых, какие социально-экономические проблемы стояли перед Сибирским регионом в прошлом, и какие стоят сейчас, а во-вторых, проследить, как изменяется отношение студенческой молодежи к тем или иным актуальным проблемам общественных наук.

Организаторы конференции выражают благодарность всем участникам и надеются на продолжение сотрудничества с вузами Иркутска, Иркутской области и Сибирского региона в целом. Особая признательность отделу по молодежной политике Комитета по делам горожан администрации г. Иркутска за помощь в организации и издании сборника материалов студенческой научно-практической конференции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Е. Амостаева
ИГПУ*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Несмотря на некоторое оживление промышленности, экономика Иркутской губернии в начале XX в. продолжала оставаться отсталой. Причиной такого положения была политика правительства, которое всегда считало, что Сибирь должна оставаться сырьевой базой. Это подтвердил глава правительства страны А.П. Столыпин, посетивший Сибирь в 1910 г. Он считал, что «Сибирь — страна сырья и вывоза, развивать промышленность в ней не выгодно... Наша экономическая политика в Сибири должна быть основана на признании той истины, что Сибири еще на много лет предстоит быть страной, главным образом, сельскохозяйственной, добывающей и поставляющей на мировой рынок сырье» (Бок М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М, 1992. С. 134).

Составной частью столыпинской аграрной реформы явилось содействие переселенческому движению крестьян из центра страны на окраины, в Сибирь, где были свободные земли. Большинство переселенцев осталось в Западной Сибири, но часть их добралась и до Иркутской губернии. На развитие сельского хозяйства большое влияние оказало развернувшееся переселение в Сибирь. За период с 1896 по 1905 гг. в Восточную Сибирь переселилось 154,8 тыс. чел. В начале оно было стихийным и не носило широкого размаха, но добровольных переселенцев становилось с каждым годом все больше. В 1906–1916 гг. в Сибирь уехало 3,1 млн чел.

Наибольшая часть переселенцев, приехавших в Иркутскую губернию, осела в Прибайкалье. Переселенцы осваивали новые земли, «поднимали» заброшенные. Особенно много таких земель было введено в оборот в Балаганском уезде, что, кстати, вызвало недовольство бурятского населения, в традициях которого было нормой оставлять на определенный срок земли для «отдыха».

В Иркутской губернии действовали 244 переселенческих участка, значительная часть которых впоследствии стала крупными селами и деревнями. В их числе село Шеберта в Нижнеудинском

районе, села Икей, Шерагул — в Тулунском. Выросло население сел Куйтун, Кимильтей. Переселенцы своим упорным трудом обживали и осваивали новые земли, овладевали ремеслами и промыслами коренного населения, привносили в быт и нравы осваиваемых территорий свою культуру, находя компромисс с местными жителями. Переселенцы освоили в Сибири выращивание льна, кукурузы, конопли. Особенно хорошие доходы деревенским хозяйствам давал лен. Стали заниматься здесь пчеловодством, разводить сады, в огородах выращивать различные овощи (Тюкавкин В.Г. Переселение в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Иркутск, 1958. С. 85). В результате расширения крестьянской запашки посевные площади в Иркутской губернии увеличились на 50,5 тыс. десятин земли, соответственно поднялись урожаи, возросло поголовье скота (Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, С. 247).

В связи с вовлечением крестьянского хозяйства в рыночные связи ускорило расслоение деревни. На одном полюсе все больше выделялась группа бедняков, хозяйства которых имели 2–3 десятины посевов, лошадь и корову. На другом полюсе находилась группа зажиточных крестьян, которых называли кулаками. Их хозяйства имели от 15 до 20 десятин земли и по 5 и более лошадей и коров. Удельный вес таких хозяйств составлял 15–20% от их общего числа (Косых А.П., Рабецкая З.И. История земли Иркутской. Иркутск, 2002. С. 63). Кроме того, в 1911–1912 гг. проводилось обследование переселенческих семей Иркутской губернии. Оказалось, что из 4223 семей около 25% не имели посевов или имели менее одной десятины, 30% — от 1 до 3 десятин (Тюкавкин В.Г. Переселение в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Иркутск, 1958. С. 88).

Что касается зажиточных переселенцев, то они сразу распахивали десятки десятин земли, заводили паровые и водяные мельницы, открывали лавки и т.д. В 1913 г. проходил конкурс на лучшее, «образцовое» крестьянское хозяйство. Первую премию по Иркутской губернии получил крестьянин села Шерагул Нижнеудинского уезда И. Лыткин. У него было 76 десятин пашни, 15 рабочих лошадей, 200 голов крупного скота, он имел сноповязалку, жатку, четырехконную молотилку, сенокосилку, сеялку, сортировку, сепараторы, маслобойки и другие машины. Он удобрял землю навозом, покупал сортовые семена, проводя травосеяние, в результате чего добился высоких урожаев. В 1912 г. он получил по 120 пудов ржи и 150 пудов пшеницы с

десятины, или в три раза выше, чем в среднем по губернии. Хозяйство И. Лыткина было типичным зажиточным хозяйством. Таких хозяйств в губернии было 15–20%.

Бедняцкие же дворы не могли свести концы с концами, их доходов не хватало для питания семьи и уплаты налогов, в результате накапливались недоимки. В 1917 г. в губернии из 103 тыс. крестьянских дворов 17 тыс. не имели рабочего скота, почти столько же не имели посева. Это были уже совершенно разоренные крестьяне, которым приходилось наниматься на работу к кулакам. В деревнях было около 40 тыс. батраков и 40 тыс. полупролетариев (крестьяне, которые часть времени работали в своем хозяйстве, а остальное время занимались ремеслом) (Тюкавкин В.Г. Переселение в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Иркутск, 1958. С. 89).

Несмотря на помощь, которую оказывало переселенцам государство, многие приезжали в Сибирь совершенно без денег, так как средства, вырученные от продажи земли и имущества, уходили на переезд, продолжавшийся по месяцу и больше. Весь первый год до получения урожая новоселы должны были покупать хлеб, а на это уходило примерно 70–80 р. Им нужно было приобретать лошадь, корову, плуг. Только одна лошадь стоила 60–80 р. По подсчетам переселенческих чиновников, для первоначального устройства требовалось 450–500 р., а размеры ссуд, которые получали новоселы, составляли 50–60 р. Переселенцам ничего не оставалось делать, как наниматься в батраки к зажиточным крестьянам. Часто им приходилось писать жалобы губернатору, в которых отражались все их невзгоды и отчаяние. Так, переселенцы участка Волчьи Броды Нижнеудинского уезда отмечали: «Живем в шалашах, построенных из деревянной коры, где по случаю наступления холодного времени приходится пропадать с малыми детьми, а также по случаю недостатка не имеем средств покупать себе лошадей, чтобы распахать себе земли». Некоторые крестьяне вынуждены были возвратиться обратно в Европейскую часть России (в течение 1906–1911 гг. — более 500 тыс. чел.), другие — шли в город, на железную дорогу.

Обеспокоенный этим, Столыпин в 1910 г. совершил поездку в Сибирь. Ознакомившись на месте с переселенческим делом, он понял, что оно находится под слишком жестким бюрократическим контролем. По инициативе Столыпина был начат пересмотр законодательства о переселенцах, но до Первой мировой войны эта работа не была завершена. Численность обратных

переселенцев ежегодно возрастала. В Сибири новоселы стали самым необеспеченным и беспокойным элементом деревни. Правительству так и не удалось полностью разрушить общину и создать многочисленный и устойчивый слой крестьян-собственников. В конечном итоге реформа потерпела неудачу.

Итак, переселение крестьянства из центральных губерний в Иркутскую оказало положительное влияние на развитие сельского хозяйства: расширялась площадь освоенных земель, повышалась культура земледелия, развивалось сотрудничество коренного населения с переселенцами, утверждались рыночные отношения.

А. Богданова
БГУЭП

ОЦЕНКА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В НАЧАЛЕ XX В. В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Переселение начала XX в., связанное с аграрной реформой П.А. Столыпина, безусловно, имело важную роль в освоении Сибири. Однако по вопросу оценки этого переселения отечественной исторической наукой не выработано общего мнения. Интересно в этой связи, в частности, сравнить точки зрения некоторых современных исследователей и известного историка советской эпохи — специалиста в обозначенной области — Л.Ф. Склярова.

Л.Ф. Скляров (Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962) отмечает, что переселенческое движение в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы существенно отличалось от переселения в предшествующий период капиталистического развития России — с 1861 по 1905 гг. Различались условия выхода переселенцев из общины в Европейской России и водворения на новых местах, несравнимы были размеры движения и его воздействие на аграрные отношения в сибирской деревне, разной была и переселенческая политика царского правительства в сопоставляемые периоды. Однако при всей специфике переселенческое движение 1907–1914 гг. имело и много общего с переселением в предшествующее сорокапятилетие. В основе переселений до и после революции 1905–1907 г. лежали экономические причины, которые возникли в первое десятилетие после отмены крепостного права и продолжали действовать с нарастающей силой и в конце XIX в. и после 1905 г. По мнению Склярова Л.Ф., важнейшей причиной

переселения крестьян черноземных губерний на протяжении всей капиталистической эпохи было малоземелье.

Л.Ф. Скляров утверждал, что, организуя массовое переселение крестьянской бедноты в Сибирь, царское правительство преследовало исключительно политические цели. Оно стремилось поднять на переселение наиболее опасную часть крестьянства и тем самым разрядить революционную атмосферу в центре страны. Правительство создало такие условия, при которых переселенцы продавали по заниженным ценам свои земельные наделы, скот, инвентарь и прочее имущество богатым однообщинникам и кулакам-хуторянам. Значительная часть продавших свое имущество и притоговившихся к выезду еще зимой устремлялись в Сибирь, имея на руках только паспорта. Гонимые нуждой, эти крестьяне не задумывались над тем, что ожидало их впереди. Правительство лишило крестьян даже тех прав и льгот, которые предоставлялись законным переселенцам. Тяжелые лишения испытывали переселенцы в пути. Правительство не организовало планомерной и своевременной перевозки их в заселяемые районы. Провал стольпинского переселения и землеустройства в Сибири означал крах последней попытки самодержавия направить развитие капитализма в сельском хозяйстве не только вглубь, но и вширь по прусскому пути. Крестьянские волнения в Сибири не прекращались, только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла народу доступ к природным богатствам Сибири. За годы Советской власти бывшая отсталая окраина царской России превратилась в индустриально-колхозную Сибирь.

По мнению Л.А. Муравьевой (Муравьева Л.А. Аграрный вопрос в России в конце XIX–начале XX вв. // Финансы и кредит. 2002. № 4. С. 34–41), аграрный вопрос в пореформенной России был постоянной головной болью правительства. Главные споры велись по вопросу ликвидации общины и введения частной собственности на наделную землю. Столыпин был уверен, что единоличная крестьянская собственность приведет к подъему сельского хозяйства и послужит «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве». Именно в мелком, а не в крупном (помещичьем) землевладении — сила России. Нужна была революция 1905 г., чтобы Николай II стал понимать, что больше откладывать решение о земле невозможно. 9 ноября 1906 г. Столыпин подписал указ, освободивший крестьян от власти общины.

По данным Л.А. Муравьевой, наиболее активно крестьяне ехали в Сибирь после окончания революции с 1907 по 1910 г. (1,5 млн

переселенцев). Для переселенцев правительство устанавливало значительные льготы, но возникали непредвиденные сложности. Оказалось, что численность переселявшихся и темпы переселения превышали темпы подготовки участков к заселению. Имели место и взяточничество и коррупция. Процесс выживания был сложным. Переселенцы встретились с непривычными для них климатическими и погодными условиями. Перед переселенцами, которым удалось освоиться на новом месте, встала другая проблема — прокормить себя и свою семью. Начинает развиваться сельское хозяйство. Формируется товарное производство, этому способствовало развитие горной промышленности. Железная дорога и переселенчество послужили катализатором для развития рыночных отношений в Сибири. Рынок труда начал резко расширяться по мере нарастания темпов переселения. Так формируется новый регион России, не окраина, не колония, а неотъемлемая ее часть — Сибирь.

М.А. Рогачевская в своей статье (Рогачевская М.А. П.А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь // Эко. 2002. № 9. С. 140–168) приводит вывод, сделанный французским обозревателем Эдмоном Тэри. Тэри в работе «Россия в 1914 г.» отмечает: «Возрастание государственной мощи создается тремя факторами экономического порядка: 1) приростом коренного населения, 2) увеличением промышленной сельскохозяйственной продукцией, 3) средствами, которое государство может вложить в народное образование и национальную оборону». Все это наблюдается в России начала XX в., и во многом это было следствием освоения сибирских просторов. М.А. Рогачевская положительно оценивает переселенческую политику Столыпина и позитивно определяет попытки Столыпина и Кривошеина (Главноуправляющего землеустройством и земледелием) распространить реформу, подразумевавшую разрушение общины, на Сибирь.

Таким образом, наблюдается явная трансформация взглядов исследователей на переселение начала XX в. в Сибирь. Современные исследователи, в отличие от ученых советской школы, связывают само переселение с деятельностью П.А. Столыпина, хотя переселенческая политика российского государства имеет глубокие корни, о чем говорил Л.Ф. Скляр. Современные исследователи говорят, главным образом об экономических предпосылках реформы, в то время как Л.Ф. Скляр настаивал на ее политической подоплеке. Сама личность П.А. Столыпина современными исследователями идеализируется и представляется эталоном реформатора, пекущегося о благе Отечества. Характер переселе-

ния также оценивается по-разному современными и советскими учеными, — последние чаще указывали на то, что переселение технически не было подготовлено должным образом. Однако все отечественные историки сходятся во мнении, что переселение непосредственным образом повлияло на увеличение темпов экономического развития Сибири и способствовало более тесному ее сближению с историческим центром страны.

*В. Бодяк
ИГСХА*

К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА

Правительство на протяжении всего XIX в. пыталось решить серьезную проблему малоземелья в Центральной России. После отмены крепостного права за 35 лет в Сибирь переселилось примерно 800 тыс. чел. За 18 последующих лет (1896–1913 гг.) — 3054 тыс. чел. Самое большое количество переселенцев приходится на время проведения аграрной реформы П.А. Столыпина (2,5 млн чел.). Переселенческая политика тогда заняла главное место в деятельности правительства — с 1906 по 1914 гг. из десяти вопросов по аграрной проблеме, рассмотренных в Совете министров, шесть касались переселений. Сибири отводилась роль «отдушины», куда в массовом порядке отправлялись безземельные и малоземельные крестьяне.

Специальные Управления переселенческими районами, созданные в Тобольске, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске и Хабаровске по праву называли сибирскими земствами, так как они, рационально размещая всех прибывших в Сибирь, оказывали им необходимую помощь, строили дороги, школы, больницы, создавали агрономические отделения с опытными станциями и полями, распространяли через свои склады сельскохозяйственные машины.

Активная переселенческая политика государства привела к стабильному и быстрому увеличению численности сибирского населения. Наибольший приток переселенцев шел в южные районы Сибири, прилегающие к железной дороге. Итоги обследования хозяйств переселенцев в 1911–1912 гг. показали, что у бедняков, составлявших около 20% всех переселенцев, площадь посевов уменьшилась в 3 раза по сравнению с тем, что они имели на родине. Вместе с тем небольшая группа хозяев (около 8%), имев-

ших на родине больше земли, чем остальные, увеличила посевы в 5 раз, а площадь сенокосов — в 12 раз. Переселенцы, которые имели больше земли на родине, продав ее перед отъездом, имели некоторые средства. Это позволило им лучше устроиться на новом месте. Бедные на родине, в Сибири стали еще беднее. Трудности устройства на новом месте вынуждали многих в первые годы существовать за счет заработков, для других работа по найму стала постоянным занятием. Рынок труда сельскохозяйственных рабочих создавался в сибирской деревне в основном за счет новоселов. Приток большого количества переселенцев в Сибирь привел к делению крестьянства на старожилов и новоселов, причем вторые зачастую оказывались лишенными некоторых прав (поскольку лучший земельный фонд был уже занят, новых переселенцев селили отдельно и выделяли лишь по 15 десятин земли на семью).

Благодаря росту населения происходит более интенсивное хозяйственное освоение края. Сибирь перестала быть малонаселенной и слабо освоенной окраиной России. Значительно увеличились земельные площади, находившиеся в пользовании крестьян (в течение последнего десятилетия XIX и первого десятилетия XX в. их размеры возросли с 20 млн до 46 млн десятин; кроме того еще более 1 млн десятин сибирской земли находились в частной собственности и также были вовлечены в сельскохозяйственное производство). Крестьяне-старожилы и некоторые новоселы развивали свои хозяйства по фермерскому пути, что позволяло использовать новую сельскохозяйственную технику, технологии и получать высокие урожаи. На долю сибирских крестьян приходилась покупка около 25% всех сельхозмашин, продаваемых в России.

Столыпинская аграрная реформа не решила своей задачи — ликвидации аграрного перенаселения в Европейской России, но для Сибири она имела прогрессивное значение: произошел рост численности населения, увеличение посевных площадей, распространение наемного труда, появление передовых методов хозяйствования.

*О. Боронина
БГУЭП*

Н.А. РОЖКОВ ОБ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ НАЧАЛА XX В.: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ

Известный русский историк первой четверти XX в., приват-доцент Московского университета Николай Александрович Рожков

(1868–1927) после ареста весной 1908 г. по делу Московской организации большевиков и более чем двухлетнего тюремного заключения сослан был на поселение с лишением прав в Сибирь, в Иркутскую губернию. В ссылке неизбежно сместились акценты в его деятельности: ученый-историк, преподаватель, уступил место публицисту, живо откликающемуся едва ли не на каждое значимое международное событие, внимательно отслеживающему перипетии внутривнутриполитической жизни России, тенденции в ее экономическом развитии и не упускающему из виду события жизни провинциальной. Н.А. Рожков продолжает активно публиковаться в столичных изданиях, участвует в периодических изданиях четырех сибирских городов — Иркутска, Читы, Томска, Ново-Николаевска — в качестве их создателя, редактора или автора.

При этом Рожков — не только журналист, ведущий хронику текущих событий, пересказывающий читателю чужую точку зрения, но и эксперт, аналитик, стремящийся использовать свои глубокие познания в области истории, философии, экономики для того, чтобы вскрыть для читателя существо проблемы (см.: Майдачевский Д.Я. «Дело, не лишенное тайной прелести» // Библиография. 2004. № 2).

Одна из таких проблем — набирающие темп преобразования, призванные решить наболевший «аграрный вопрос» в России. Уже вскоре после приезда в Иркутскую губернию, Рожков публикует на страницах газеты «Восточная заря» обширную статью «К современному положению аграрного вопроса в России», в которой попытался продемонстрировать читателям природу реформ, инициированных Указом 9 ноября 1906 г. и поставивших целью аграрной политики разрушение общины и выделение крестьян на хутора и отруба.

Н.А. Рожков помещает идущие в стране реформы в широкий исторический контекст, демонстрируя тот факт, что они не были чем-то присущим исключительно России. Аграрный вопрос, на его взгляд, был решен в Англии в XVII в., во Франции — в конце XVIII в., а в Германии и Австрии — в первой половине XIX столетия. В России точкой отсчета стал 1861 г. После чего все указанные страны приступили, с целью создания основ грядущего капиталистического сельского хозяйства — крупного, среднего и мелкого, к уничтожению остатков крепостнического хозяйства с его характерными признаками — арендой земли, примитивной техникой, крайним обеднением крестьянских масс.

Все страны Западной Европы продемонстрировали разные способы уничтожения пережитков крепостнического хозяйс-

тва: в Англии — демократический путь, без высоких материальных и социальных потерь со стороны крестьянства. Во Франции — посредством получения по невысоким ценам значительной массой крестьян земель эмигрировавшей аристократии и церкви. В южной и западной Германии пошли на сохранение мелкого крестьянского владения, земельной общины. В Пруссии — путем обезземеливания основной массы и создания крупных хозяйств зажиточных крестьян.

Правящие классы в России, по мнению историка, сознательно встали на прусский путь решения вопроса. Правительство провозгласило идеал богатого, «крепкого» крестьянина-собственника, являющегося прочной опорой порядка и спокойствия. Указ 9 ноября (превратившийся после утверждения его верховной властью в Закон 14 июня 1910 г.), подобно австрийскому закону 1768 г. и прусскому положению об общинных разделах 1821 г., направлен был на ликвидацию крестьянской земельной общины, давая право выделиться из общины практически каждому домохозяину.

Каковы же перспективы создания слоя «крепкого», зажиточного, обладающего достаточным наделом земли крестьянина? — задается вопросом Рожков. Ведь не менее 10% выделившихся из общины крестьян к моменту написания статьи продали свои земли, в силу чего их можно исключить из числа будущих «крепких крестьян». Оставшиеся более 600 тыс. дворов или 18% их общего числа и есть основа будущего зажиточного крестьянства. Из 32 млн — шесть «крепкие» крестьяне. А какова судьба остальных 26 млн?

Ученый возлагает надежду на «Положение о землеустройстве», дополнявшее Закон 14 июня 1910 г. и имевшее задачей уничтожение чересполосицы, как между крестьянскими землями, так и между крестьянскими и некрестьянскими владениями. «Благодаря этому из 26 млн крестьян от чересполосицы избавятся несколько миллионов. Остальные найдут заработок в крупных экономиках, у «крепких» крестьян. На фабрику надежда плоха (находится далеко, много своих рук). При существующих законодательных мерах по аграрному вопросу выхода нет. Вывод: необходимо дополнительно наделять малоземельных крестьян землей, без материальных жертв» (Рожков Н.А. К современному положению аграрного вопроса в России // Восточная заря. 1910. 29 июня. С. 2).

Поскольку только в земледельческих губерниях России необходимо было наделение крестьян несколькими миллионами десятин

земли, цели ликвидации малоземелья должно было содействовать крестьянское переселение в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток. И ученый оказался в самом эпицентре переселенческого процесса, получил возможность наблюдать его изнутри, отмечая все сложности и противоречия. «Сибирь, — на его взгляд, — не подготовлена к принятию столь большого количества переселенцев. Число не приписанных к обществам и не получивших земельных наделов исчисляются тысячами семей». И дело не только в том, что нет свободных земель, хотя не стоит и преувеличивать их количества, как нередко делают реформаторы. Узким местом стало землеустроительное дело в Сибири, которое испытывает острый недостаток квалифицированных специалистов. В статье «Кризис переселенческого движения» Рожков писал: «Работа идет энергично и быстро. Но мало сил. Чтобы сдвинуть дело вперед, понадобится увеличить расход на землеустроительное дело в Сибири в раз пять, увеличивать количество опытных землемеров. Это чрезвычайно трудно и немыслимо. Где найти деньги и достаточное количество умелых работников, отсюда и неустройство переселенцев, обнищание и возвращение назад» (Рожков Н.А. Кризис переселенческого движения // Восточная заря. 1910. 21 июля. С. 2).

Год спустя Рожков вновь возвращается к этой проблеме. Немногочисленные хутора и отруба, созданные в Иркутской губернии за эти годы, крайне мало походят на настоящие. Большая часть из размежеванных поселков являются таковыми лишь на бумаге. Нередко произведенное межевание стало не более чем очередным поравнением общинной земли. Насаждают хутора и отруба в Сибири, — делает вывод историк, — приходится на пустом месте. «Хуторское и отрубное владение и хозяйство не подготовлены сибирской действительностью» (Рожков Н.А. Фактические предпосылки хуторского и отрубного землевладения в Сибири // Сибирская мысль. 1911. 19 июня. С. 1).

«Сдвинута ли страна с мертвой точки аграрными мероприятиями?» — задается вопросом ученый, и утвердительно отвечает на него. Разложение общины идет вперед быстрыми шагами. Результаты землеустроительной политики, вне всякого сомнения, способствовали уменьшению чересполосицы. Резко сокращается аренда земли крестьянами у лиц, принадлежащих к другим условиям, вследствие чего крестьянский надел редко когда состоит более чем из трех участков. Улучшается и техника сельскохозяйственного производства. Еще более впечатляют социальные последствия: слой среднего крестьянства значительно уменьша-

ется, и растут крайности. «Там, например, где до землеустройства процент крупных крестьянских хозяйств доходил до 16-ти, а мелких немногим превышал 14, так что на среднее хозяйство приходилось около 70%, после землеустройства оказывалось только 59% средних хозяйств, процент же хозяйств крупных повысился до 25,5, а мелких до 15,5% (Рожков Н.А. Аграрный вопрос и землеустройство // Современный мир. 1915. № 3. С. 53–60).

Историк не сомневается — налицо очевидная тенденция в движении крестьянского хозяйства к сельскохозяйственному капитализму под влиянием землеустроительной политики правительства. Вопрос заключался лишь в том, хватит ли правительству времени для создания нового буржуазного, собственного, «крепкого» крестьянства. История, на его взгляд, дала ответ на этот вопрос: «Русские помещики опоздали с попыткой перевода массы крестьянства на буржуазные рельсы: война и революция не дали закончить это дело» (Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 12. Л.-М., [Б.г.]. С. 158–159).

Е. Бырсану
БГУЭП

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ВОПРОСЫ»

Переселение крестьян из Европейской части России в Сибирь в конце XIX–начале XX вв., активизировавшееся после начала реформы П.А. Столыпина сделало злободневным аграрный вопрос и в Сибири, и это обстоятельство оживленно обсуждалось на страницах печати, в частности, в журнале «Сибирские вопросы». Особенный интерес авторов журнала вызывали методы проведения землеустроительных работ, проводившихся с целью отведения участков переселенцам.

Д. Зайцев в статье «К аграрному вопросу в Сибири» (№ 2 за 1906 г.) делает следующие замечания: «Подчиняясь руководящей министерской политике упрощения землеустроительных работ и зная, что последние оцениваются главным образом, количеством пройденных инструментальных линий, измеренных углов и размером площадей нарезанных участков, поземельно-устроительные партии работали настолько спешно и настолько

в качественном отношении неудовлетворительно, что в Сибири возник аграрный вопрос на почве абсолютного малоземелья». Автор отмечает, что, например, в тех волостях Минусинского уезда, где прошли и закончились землеустроительные работы, образовался ряд малоземельных селений и даже одно совершенно безземельное с населением свыше 700 душ. Рядом с этим поселком, носящим название Ивановского, расположен Николаевский, с населением около 600 чел., по преимуществу новоселов. Этот поселок принадлежит к категории селений абсолютно малоземельных. При землеустройстве населению Николаевского поселка нарезали только по 5–6 дес. на душу (норма — 15 дес.), причем половина этих наделов — «неудобища». Весной 1905 г. крестьяне Николаевского поселка постановили на сходе: если чиновники не прирежут им в наделы землю, то они с будущего года начнут обрабатывать ее самовольно. Как отметил автор: «Сеяли систему безответственности и пожинайте аграрное движение!». В землеустройстве Сибири, считает Д. Зайцев, должны принять ближайшее участие местные органы народного правительства — свободное и компетентное земство, организованное на началах всеобщего, равного, закрытого и прямого избирательного права.

В статье В. Григорьева (№ 2 за 1906 г.) «К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири» освещаются проблемы, связанные с землеустройством коренного населения. Автор приходит к выводу, что в поземельно-устроительный закон необходимо внести изменения, учитывающие специфику хозяйства «инородцев», или же нужно землеустройство последних отложить на неопределенный срок. Автор обращает внимание на то, что отменить дело урегулирования «инородческого» землевладения на сколько-нибудь продолжительное время становится невозможным, так как русское население оттесняет «инородцев» в их пределах, каждый год захватывая все новые и новые земли.

В статье В. Васильева (№ 5 за 1907 г.) «Опасные опыты с поземельным устройством и колонизацией в Сибири» идет речь о том, что правительство не останавливается перед «крайней рискованностью» «освобождения излишков земель» из пользования старожильческого русского населения до его поземельного устройства, благодаря чему, как показал «уже довольно-таки продолжительный и печальный опыт», у старожилов складывается негативное отношение к переселенцам.

В одном из номеров журнала за 1908 г. была опубликована статья С. Катунского, в которой подвергается критике полити-

ка властей по размещению переселенцев на новых землях. Автор отмечает, что колонизация происходит таким образом, что переселенцы размещаются там, где уже существуют подготовленные участки, где «при водворении переселенцев встречается меньше всего сопротивления». Власти не заботятся о том, что эта земля весьма мало пригодна для земледелия.

Таким образом, авторы «Сибирских вопросов» сходятся во мнении, что переселенческая политика правительства была плохо организована и непродуманна. Не выступая против переселения и аграрной реформы в принципе, большинство критиков переселенческой политики указывают на несовершенство ее методов, не учитывавших интересы коренного и старожильского русского населения Сибири. Итог такой политики иллюстрируется сведениями по переселению, опубликованными в № 31–32 за 1910 г. (статья «Кризис канцелярского переселения») — за десять месяцев 1910 г. из Сибири в Европейскую Россию возвратилось 27% переселенцев. Это самая большая цифра за период 1896–1910 гг.

Вместе с тем, за период с 1897 по 1914 гг. за счет переселенцев население Сибири увеличилось на 73%, посевные площади увеличились в два раза. Производственный потенциал Сибири значительно вырос. Сибирь стала русской, что обеспечило ее прочное закрепление за Россией.

Ю. Воротова
БГУЭП

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

После гражданской войны сельское хозяйство переживало глубокий кризис. В Сибири он протекал гораздо дольше, чем в Европейской России. Серьезный урон понесли наиболее крепкие хозяйства. Повсеместно отмечались стихийные выступления крестьян, недовольных политикой «военного коммунизма». И, чтобы удержать власть, было необходимо, во-первых, накормить голодных, во-вторых, продолжить промышленное производство, в-третьих, в целом снять социальное напряжение в стране. Поэтому было решено перейти к новой экономической политике, которая позволила бы быстро получить ресурсы для восстановления разрушенного хозяйства, а также для содержания Красной Армии и нового государственного аппарата.

В марте 1921 г. правительство повсеместно заменило продразверстку стабильным продналогом. Переход к продналогу

позволил крестьянам свободно распоряжаться излишками своей продукции. Но следует отметить, что продналог в Сибири был выше, чем в других регионах страны (в Сибири он составлял 20%, а по РСФСР — 12%) (История Сибири: В 5 т. Т. 4. Л.: Наука, 1968. С. 178). Вновь допускалась частная собственность и свобода торговли. Вследствие новой экономической политики сравнительно быстро стабилизировалась политическая ситуация в деревне. Прекратились крестьянские мятежи и восстания. Хозяйственная жизнь оживилась.

Одной из причин затянувшегося кризиса сельского хозяйства Сибири являлись повышенные продовольственные заготовки 1920–1922 гг. От решения продовольственного вопроса зависела жизнь миллионов голодающих. Поскольку переход к продналогу в Сибири произошел позднее по сравнению с другими районами, то это отразилось на и продовольственном положении страны. В результате того, что В.И. Ленин потребовал развернуть хлебные заготовки путем товарообмена и указал на необходимость строжайшей экономии хлеба в Сибири, Сибревком строго ограничил нормы потребления хлеба, из-за чего страна в марте-июне 1921 г. дополнительно получила 6,5 млн пудов сибирского хлеба. В этом же году продналог в Сибири на мясо, хлеб и другие продукты был определен в 53 млн пудов, что составило половину объема выполненной разверстки. В связи с затянувшейся продразверсткой сбор налога начался позже, чем в центре страны, и к 1 октября дал лишь 800 тыс. пудов. Приказом от 5 октября Сибпродком потребовал выделить новые силы на организацию хлебозаготовок. В результате мобилизации интенсивность хлебозаготовок возросла, но к началу 1922 г. их темпы опять снизились.

Только к апрелю 1922 г. сбор продналога закончился (Сибирь дала около 49 млн ржаных единиц, или 28% всего продовольствия). В результате за выполнение плана и помощь голодающим Поволжья правительство объявило благодарность трудящимся Сибири.

Наступает второй период сбора продналога, который отличался от первого тем, что вместо продуктов, сдаваемых в 1921–1922 гг., взимался единый натуральный налог. При его уплате крестьянам предоставляли до 10 льгот. Величина второго продналога была примерно на 10% ниже первого, что сократило сроки его сбора.

Результаты первой и второй продналоговой кампании убедили крестьян в выгоды новой экономической политики, уже весной 1923 г. наблюдался быстрый и неуклонный подъем сельского хозяйства Сибири.

Для восстановления сельского хозяйства в мае 1922 г. был утвержден «Основной закон о трудовом землепользовании», который позволил закрепить за крестьянами наделные земли и предоставил свободу в выборе форм землепользования. Земельный кодекс имел огромное значение. Он создавал благоприятные условия для развития единоличного крестьянского хозяйства. Также государство оказывало большую финансовую помощь крестьянам. В 1923 г. в Новониколаевске открылось Сибирское общество сельскохозяйственного кредита, где крестьянам предоставлялись как краткосрочные, так и долгосрочные ссуды (только в 1924–1926 гг. долгосрочных кредитов выдано более 12,5 млн р., середнякам — 44,5 млн р.). Основная часть кредитов использовалась для приобретения сельскохозяйственных орудий. Так, например, за три года крестьяне Дальнего Востока получили кредитную помощь в размере 6,2 млн р. (История Сибири: В 5 т. Т. 4. С. 181).

Важнейшим показателем восстановления сельского хозяйства в период НЭПа являлся рост обеспеченности деревни машинами. В 1923–1925 гг. крестьяне Сибири получили сельскохозяйственной техники на сумму 24 млн р. Принципиально новым явлением было появление в сибирской деревне тракторов. До 1924 г. было завезено 72 трактора иностранных фирм, а в 1925 г. Сибирь получила 183 машины.

Еще одним важным показателем восстановления хозяйства являлось то, что государство предоставляло крестьянам семенные и хлебные ссуды и, тем самым, способствовало подъему их хозяйств. В результате за три года крестьянские хозяйства Сибири получили 9,4 млн пудов семенной ссуды.

Благодаря подъему агрономии и ветеринарного дела, в массовом масштабе проводилась очистка и протравление семян, борьба с сельскохозяйственными вредителями. Все это способствовало дальнейшему развитию и процветанию сельского хозяйства.

Важнейшим рычагом подъема сельского хозяйства являлась налоговая политика, которая была направлена на развитие товарности крестьянского хозяйства. Часть налога крестьяне могли вносить натурой, а часть — деньгами. Заслугой этой политики являлось то, что крестьяне могли вносить налог в той форме, в которой они могли на данный момент, то есть по желанию. Это облегчало его уплату и создавало большую свободу в развитии хозяйства. И уже с 1925 г. налог стал взиматься только в денежной форме.

Таким образом, в период НЭПа восстановление сельскохозяйственного производства в Сибири осуществлялось несколь-

ко быстрее, чем в среднем по стране и к 1926 г. сельское хозяйство Сибири было восстановлено. В этом году посевные площади в Сибирском крае возросли примерно на 12% по сравнению с 1913 г. К началу коллективизации валовая сельскохозяйственная продукция здесь достигла 90–120% дореволюционного уровня (выше, чем в среднем по стране). А в животноводстве она даже превысила дореволюционный уровень на 40–50% (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 2. Иркутск: Изд-во ИГЭА. 1999. С. 201).

В результате мудрой экономической политики большевикам удалось удержать власть, экономика страны была восстановлена, в том числе сельское хозяйство Сибири получило стимулы к дальнейшему развитию.

*А. Дикун
ИГПУ*

«БЕЗ ЛИШНЕГО КАЗЕННОГО РАСХОДА» (К ВОПРОСУ АГРАРНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ)

Переселенческое движение в Сибирь начиналось стихийно в середине XVII в. Малоземелье, жестокий гнет государства, помещиков, церковный раскол, преследование беглых — причины заставлявшие русского крестьянина, традиционно привязанного к родной земле, сниматься с места и переселяться в необжитые районы страны. Отсутствие путей сообщения делало беглецов недоступными для власти, а для работающего народа хватало земель, охотничьих угодий, рек для ловли рыбы. Заселение Сибири шло медленно, бесконтрольно со стороны государства. Сибирский писатель, общественный деятель Н.М. Ядринцев писал: «Сибирь по своему происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества, результат порыва русского народа к миграции, к переселениям и стремлению создавать новую жизнь в новой стране». Это вывод об итогах колонизации Сибири за три века!

Используя вывод Ядринцева Н.М., как основополагающий, следует согласиться, что заселение Сибири, осуществлявшееся в середине XVII в. и до середины XVIII в., было «продуктом самостоятельного народного стремления» за исключением того, что правительство использовало Сибирь как место ссылки преступников. Таким образом, выделяем основные потоки

переселенцев, ставших крестьянами в Сибири: а) партии преступников, шедшие по проторенной дороге со звоном кандалов; б) свободные переселенцы, беженцы, тайком пробиравшиеся незаметными тропами в одном направлении с преступниками. Кандальный Московский тракт вел в Сибирь эти потоки.

В Иркутской провинции при учете населения во время ревизии 1744 г. было выявлено, что 40% среди «пришлых из разных губерний» составляли беглые, которые не имели никаких документов, оправдывавших их передвижение. Случаев возвращения беглых из Сибири не известно. Центральные правительство и местные сибирские власти устраивало, когда при выявлении беглых по новому месту жительства на них просто возлагались государственные денежные и натуральные повинности в полном объеме. Кроме ссыльного и вольного народного потока был еще один — принудительное правительственное переселение. Оно имело далеко идущие цели: обеспечение горнометаллургических предприятий Урала и Сибири рабочей силой, получение дохода от крестьянского труда в казну и закрепление территорий Сибири в составе России.

Начиная с Петра I, проявляется озабоченность землями, что «лежат впусе», но проекты обживания Сибири были рассчитаны на решение вопроса «без лишнего казенного расхода».

Вот что сообщает «Летопись» города Иркутска, составленная В.А. Кротовым (запись от декабря 1760 г.): «Велено принимать крепостных крестьян для населения в Сибири с зачетом их владельцам рекрутов и с платежом из казны на жен и детей».

Указ Сената от 13 декабря 1760 г. в правительственной колонизации Сибири в XVIII в. сыграл важную роль, так как в соответствии с ним разрешается насильственный перевод крестьян из европейской части России. Помещикам предоставлялось право «за предерзостные поступки» отправлять дворовых людей и крестьян семьями на поселение в Сибирь в зачет рекрутов. За членов семьи помещик получал от казны денежное вознаграждение. Сосланные в Сибирь попадали в группу поселенцев. Эта группа переселенцев получала материальную помощь, деньги для обзаведения хозяйством, на три года освобождались от уплаты всех податей, на двадцать лет от рекрутской повинности.

По истечению трех лет «посельщик» должен был создать хозяйство, распашать пашню, после чего его зачисляли в государственные крестьяне с условием выполнения всех государственных повинностей. Через пять лет с них начинали взыскивать деньги, выданные на покупку лошади — по одному рублю в год. Расселе-

ние происходило вдоль линии сухопутного тракта от Тобольска до Иркутска. Больше всего их осело на западно-сибирском участке — до Енисея, дальше — до Иркутска — редкая цепочка деревень.

С 1761 по 1784 гг. в Сибирь прибыло около 35 тыс. крестьян. Мужчин было больше, женщин — 78–80% от числа мужчин. Следовательно, за 20 лет в Сибирь было переселено примерно 60 тыс. крестьян в зачет рекрутов.

Правительство предпринимало попытки приобщить к земледельческому труду всех ссыльных. Таким образом, решался вопрос о заселении мест, где наблюдались недостаток податного состояния. В 1819 г. в Иркутской губернии были основаны 62 казенных поселения, из них 34 — в Нерчинском округе Забайкалья. Для ссыльных строили дома, предоставляли ссуду, но одни ссыльные бежали из поселений, другие уходили на заработки. Деревни оставались полупустыми.

Таким образом, государство в XVII–XVIII вв. не было заинтересовано в землеустройстве Сибири, если судить по способам решения переселенческого вопроса.

Вторая половина XIX в. ознаменована отменой крепостного права. В связи с чем усиливается приток переселенцев. В 1861–1891 гг. в Иркутскую губернию прибыло 20 тыс. чел. Как и в прежние годы, переселенцы из центральных губерний «оседали» в Западной Сибири, на Алтае. Их останавливало отсутствие средств для дальнейшего продвижения — государство вновь в финансовом плане не поддержало переселенцев, железной дороги не было. Многие из семей, снявшихся с мест, просто повернули обратно.

Климатические условия более способствовали занятию земледелием и огородничеством на Алтае. Но именно в эти годы проявляется внутрипереселенческий конфликт: между старожилами и переселенцами послереформенного периода. Сторожилы сохраняли свой уклад, переселенцы приходили со своими правилами жизни. Кроме того, им требовались земли. Происходило ущемление интересов сторожилов. Это создавало почву для конфликтов.

Переселение в начале XX в. получило законодательную базу. Указ 9 ноября 1906 г. был утвержден царем, 14 июня 1910 г. вошел в историю как «Столыпинская аграрная реформа».

Была обещана финансовая поддержка, в том числе переселенцам, но вновь она оказалась недостаточной. В задачу переселенческого управления входило преодоление земельной тесноты в центральных губерниях России, где малоземелье и безземелье были особенно остры. Основными районами переселения

считали Сибирь, Северный Кавказ, Среднюю Азию. Важную роль в решении переселенческого вопроса сыграло строительство Транссиба. Теперь у переселенцев был выбор. Они могли остаться крестьянами, свыкнуться с конфликтными ситуациями в старожильческих селах, а еще хуже, вообще без земли. Так как средства для разработки «новины» нет, то они могли уйти строить железную дорогу. Во втором случае тяжелая работа давала заработок. Кроме того, правительство требовало ставить новые поселения вдоль полотна железной дороги: это облегчало строительство (крестьяне несли повинности, связанные со строительством железной дороги) и обеспечивало снабжение сельскохозяйственными продуктами строителей и пассажиров. С другой стороны, обустройство железной дороги устраивало зажиточных крестьян: они доставляли часть продукции быстрее и на более отдаленные рынки, что давало ощутимую прибыль.

В основу переселенческой политики в начале XX в. был положен принцип П.А. Столыпина: «Свободно переселяться и прочно обосновываться». Важно отметить, что переселенческая политика не была оторвана от жизни реальной и поддерживалась конкретными делами: строились больницы, агрономические склады, опытные станции. Но негативного было больше: от 10% до 30% переселенцев не закрепились на новых местах, разрастались конфликты между старожилками и новопоселенцами. Для освоения труднодоступных районов не было средств. Правительство пыталось предоставить льготы, но их было недостаточно. П.А. Столыпин, побывав в Сибири, знакомясь с ходом выполнения программ, настаивал на увеличении льгот переселенцам, но их было мало. Переселенческая политика особенно наглядно продемонстрировала методы и итоги столыпинской аграрной реформы. В 1908–1909 гг. за Урал двинулось огромная масса крестьян — 1,3 млн. Большинство их там ожидали, начиная с переезда в знаменитых «столыпинских» вагонах и кончая прибытием на место, полное разорение, смерти, болезни, неслыханные мучения и издевательства чиновников. Главным итогом стало массовое возвращение на родину, но уже без денег и надежд, ибо прежнее хозяйство было продано. За 1906–1916 гг. из-за Урала возвратилось более 0,5 млн человек, или 17,5%; в 1910–1916 гг. доля возвратившихся составила 30,9%, а в 1911 г. — 61,3%.

Российское государство не имело четко разработанной, а главное финансово обеспеченной программы по переселению в Сибирь крестьян. Формула, принятая во времена Петра I — «без

лишнего казенного расхода» — оказала негативные воздействие на весь ход аграрной колонизации Сибири. Несмотря на попытки П.А. Столыпина и ряда прогрессивных деятелей XIX–XX в., Сибирь осталась с неразвитой сельскохозяйственной структурой, что не дает возможности обеспечивать и сегодня необходимыми сельскохозяйственными товарами население края.

Е. Дубровская
АГТА

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИБИРИ В XX СТОЛЕТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На протяжении всей истории Российского государства проблема стабильности продовольственного обеспечения населения была одной из самых важных, так как именно от нее зависела и национальная безопасность.

С началом проведения столыпинской аграрной реформы Сибирь стала объектом пристального внимания в решении данной проблемы. Столыпинские преобразования были обусловлены объективным ходом капиталистического развития России. В основу аграрной политики был поставлен крестьянин-собственник. В сельском хозяйстве Сибири в 1906–1914 гг. под влиянием аграрной реформы произошли значительные изменения. Подъем сельскохозяйственного производства в стране охватил и этот регион, что дало мощный толчок развитию торгового земледелия и скотоводства. Наметились значительные изменения сельскохозяйственного производства: специализация, рост товарности, концентрация и кооперирование капиталов, проявление монополистических тенденций, быстрый рост применения сельскохозяйственных машин и наемного труда. Доля Сибири в валовой сельскохозяйственной продукции России в разные годы составляла: в 1900 г. — 6%, а в 1914 г. — 9%. (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 125). Это позволяет сделать вывод о том, что столыпинская аграрная реформа для нашего региона имела прогрессивное историческое значение.

Тенденции, заложенные в период Столыпинской аграрной реформы, получили некоторое развитие в период НЭПа. Восстановление сельского хозяйства в Сибири проходило гораздо быстрее, чем в среднем по стране. Сельскохозяйственное производство ре-

гиона к 1928 г. вышло на рубеж 90% от довоенного уровня, в то время как промышленность достигла 70% довоенного уровня.

В период 1930–80-х гг. в основе аграрной политики лежали принципы колхозного хозяйствования. Произошло огосударствление, централизация и концентрация сельскохозяйственного производства. Например, развернувшиеся в 1950–60-е гг. процессы укрупнения колхозов, преобразования их в совхозы, сселения «неперспективных» деревень ускорили трагедию раскрестьянивания. Колхозники, наряду с рабочими промышленных предприятий, стали получать заработную плату из государственного бюджета, что оказалось важным фактором в условиях отказа от внешнеэкономического принуждения, которым государство пыталось удерживать население в деревне. Все это привело к отчуждению крестьян от собственности, превращению их в наемных рабочих.

В 1970-е гг. развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции считалось важным направлением сближения различий между городом и деревней. Начинается сокращение сельского населения. За десятилетие оно уменьшилось на 20%. Естественным образом данная ситуация подорвала экономику аграрного сектора, возник и уже не исчезал хронический недостаток рабочих рук, в результате чего развитие сельского хозяйства стало неудержимо падать до уровня кризиса. В данный период был потерян контроль правительства над производством и развитием аграрного сектора Сибири. Темпы прироста сельскохозяйственной продукции не могли оказать существенного влияния на рост душевого потребления.

С 1990-х гг. наблюдалось возвращение к идеям П.А. Столыпина. Правительство Российской Федерации провозгласило проведение аграрной реформы. Но исследования показали, что преобразования в сложившихся экономических условиях не способствовали повышению продуктивности сельскохозяйственных угодий, хотя именно это и являлось первоочередной целью земельной реформы. Аграрный сектор продолжал находиться в глубоком кризисе. Но новые тенденции все-таки появились. Среди важных изменений следует назвать рост числа земельных собственников и созданных на базе колхозов и совхозов новых форм хозяйств.

К сожалению, реформа не только не ликвидировала главные причины, сдерживающие развитие агропромышленного производства в течение длительного времени, но и обострила многие из них. Валовая продукция сельского хозяйства Сибири в 1996 г. по сравнению с 1990 г. уменьшилась на 33%. При этом производство

зерна упало на 46%, мяса — на 40%, молока — на 29% (Сибирь в геополитическом пространстве XX в. Новосибирск, 1998. С. 84). Такого падения производства продуктов сельского хозяйства в регионе не было даже в военные годы. В результате непродуманного реформирования аграрного сектора страна перешла из состояния частичной продовольственной зависимости по отдельным видам продукции к потере продовольственной безопасности.

В настоящее время зерновое хозяйство составляет основу агропромышленного комплекса Иркутской области. Уровень плодородия почв является определяющим фактором повышения урожайности. Поэтому сохранение и воспроизводство почвенного плодородия — одна из основных задач современного земледелия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что наиболее актуальными в нашем регионе остаются те же вопросы что и 100 лет назад. Это, прежде всего, вопросы рационального использования и охраны земельных ресурсов для обеспечения продовольственной безопасности.

Е. Иванова
БГУЭП

КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИЕЙ СИБИРИ КАК ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Прежде чем дать небольшую характеристику колонизации Сибири, следует обратиться к работе известного историка-этнографа Николая Михайловича Ядринцева «Сибирь как колония», в которой дана яркая оценка происходившего переселения в Сибирь. Он замечал: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических потребностей мирового населения, точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа. Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири» (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000. С. 176).

С приходом русских начинался принципиально новый этап истории Сибирского края. В столь недолгий период успевали про-

исходить радикальные преобразования. Жители Сибири во всем своем этническом разнообразии вливаются в многонациональное родство российских народов, и ее огромная территория становится обязательной частью единого Российского государства. Как только началось укрепление Московского государства, освоение окраин стало чуть ли не основным направлением его внешней политики, которое обеспечивало решение двуединой задачи: обретение естественных государственных границ, обеспечение безопасности рубежей и объединение русского народа. Здесь следует заметить, что внешняя политика России того времени формировалась в том же русле, что и политика европейских государств.

Но это — политическая сторона вопроса, однако есть и экономическая. Заселение русскими масштабной территории было обусловлено чисто экономическими соображениями. В начальный период освоения Сибирь была известна как неисчерпаемый источник ценнейшей пушнины. В Москву неоднократно поступали сведения о несметных богатствах края, неограниченных запасах драгоценных металлов: серебра, золота, платины. Эти сведения не давали покоя многим, заставляли торговых и промышленных людей продвигаться к новым богатым землям. Причем происходило это на фоне того, как во внешней политике России также начали затрагиваться мотивы экономической выгоды. Развитие товарно-денежных отношений, формирование всероссийского рынка подталкивали к установлению прямых внешнеэкономических связей. Царские власти еще задолго до Петра Великого всеми силами добивались выхода к морям и искали новые рынки. При этом сибирские первопроходцы представляли собой не отдельные разрозненные группы, а организованную силу, за которой стояло уже могучее государство.

На начальном этапе русские переселенцы двинулись за Урал вместе с казачьими дружинами, но бывало и такое, что они их порой опережали. Как правило, первыми переселенцами становились промышленные и торговые люди, привлеченные богатствами сибирских земель. Они прокладывали новые пути, обустроивали первые поселения, устанавливали торговые отношения с местным населением. Переселение приобрело наиболее массовый характер к концу XIX в. В конце XIX — начале XX вв. среднегодовой приток переселенцев оценивался в 276 тыс. чел. Если при этом учесть, что за Уралом оставалось 85% всех вновь прибывших, а 15% возвращалось назад в Европейскую Россию, то получается, что население Сибири увеличивалось только за счет миграции на 230 тыс. чел. ежегодно (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 178).

Мощный импульс экономике Сибири дало переселение, проходившее в период строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и столыпинской аграрной реформы. Это переселение вовлекло в хозяйственный оборот богатейшие сибирские земли, создало основу для более динамичного развития всей российской экономики — особенно с началом движения по Транссибу. Посевные площади и поголовье скота в районах нового освоения увеличивались почти вдвое быстрее, чем численность населения. Уже на третий, а иногда и на второй год переселенцы начинали поставлять на обширный российский рынок и за рубеж излишки своей сельскохозяйственной продукции. Переселенческие семьи поставляла на рынок в среднем по 150–200 пудов зерна, причем без всякого ущерба для своего личного потребления (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. С. 56–57).

Переселенческое движение дало импульс не только сельскому хозяйству. Развивались лесная и горная промышленность, продукция которых до прокладки сибирской железной дороги не находила рынков сбыта. Потребность железной дороги в угле стимулировала освоение целого ряда месторождений минерального топлива, таких как Судженское, Мугунское и др. Возникали и быстро развивались новые города. Из небольшого поселка на берегу Оби вырос Новониколаевск. В некогда пустынной Кулундинской степи Барнаульского уезда возник Славгород. Появлялись другие города и поселения. (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. С. 65–67).

Таким образом, колонизация Сибири Россией была процессом естественным, подготовленным всем историческим развитием Российского государства. Сибирь стала неотъемлемой частью России, способствуя ее экономическому развитию и упрочению геополитического статуса.

*А. Кармина
М. Королькова
БГУЭП*

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ БУРЯТ

Буряты — самый крупный из коренных народов Сибири. Исторически большинство бурят вело скотоводческий образ жизни.

ни. Лишь небольшая их часть занимались преимущественно охотой, а также земледелием.

Многие ученые рассматривали бурятское земледелие как реликтовое, как пережиток древней земледельческой культуры, некогда весьма развитой в Прибайкалье. В Забайкалье первые земледельцы появились в конце XVII в. Это были крещеные буряты, жившие на монастырских землях. Они освобождались от уплаты оброка, получали от монастыря небольшие ссуды на обзаведение земледельческим хозяйством (семена, орудия производства). Забайкальские буряты первыми стали применять орошение пашен, а от них научились этому селившиеся там русские. В их посевах первое место занимала ярица (яровая рожь). Наблюдались частые колебания урожайности, которая была ниже, чем у западных бурят.

Главным и распространенным земледельческим орудием была соха, «состоящая из рассохи с одной кривой оглоблей и прямым рогалем, двух сошников весом от 13 до 20 фунтов и деревянного отвала, отчищаемого от земли при пахоте деревянной лопатой. Кроме сохи во многих районах Иркутской губернии употреблялась колесуха. От обыкновенной сохи колесуха отличалась тем, что иногда укреплялась на тележной оси с колесами, применяемой для облегчения труда пахаря. Главное преимущество колесухи — быстрота и относительная глубина вспашки» (Асалханов И.А. Влияние вхождения Бурятии в состав России на хозяйственное и общественное развитие бурят. Улан-Удэ: Изд-во тр. БКНИИ СО АН СССР, 1959. С. 29).

В Забайкальской области пользовались более усовершенствованными орудиями местного производства — сабаном и плугом. Сабан был более приспособлен, чтобы бороздить землю, нежели срезать и переворачивать дерн, как это делалось плугом. В качестве тягловой силы буряты использовали рабочих быков зрелого возраста, от трех до восьми лет.

После подготовки пашни к приему семян производился посев. «Он осуществлялся вручную, неравномерным разбрасыванием зерна из берестяного лукошка. Сеяльщик крепил его на грудь, перекидывая лямку через плечо. Он старался строго выдерживать ритм шагов, подчиняя ему плавные взмахи обеими руками то в правую, то в левую сторону» (Михайлов В.А. Земледелие бурят в XVII–первой половине XIX вв. Улан-Удэ, 1958. С. 48).

Выращенный хлеб жали серпами, которые мало отличались от русских орудий. Только отсутствие зубцов на рабочем крае

говорило об их местном происхождении. Бурятская коса, в отличие от русской, была снабжена коротким косовищем, сильно изогнутым внутрь, в сторону лезвия. Ряд сельскохозяйственных орудий имел двойное применение: для сенокосения и для земледелия — серп, коса, грабли, вилы и др.

Сжатые стебли складывали аккуратными пучками, соломинка к соломинке, постепенно образовывался сноп. Последние в конце рабочего дня укладывали в суслоны — копны. Снопы составляли стоймя по пять-девять штук, устанавливая последний наверху.

По окончании жатвы снопы перевозились на хозяйственный двор, где их сушили, готовили к обмолоту. Молотили двухколесными цепями-молотилами, в которых цеповище (длинная палка) и валеk (короткая палка) соединялись кожаным вертлюгом.

Для просеивания обмолота, отделения зерна от плевывы применяли широкие деревянные лопаты, которыми подбрасывали сырье вверх, и, используя дуновение ветра, очищали хлеб от разного мусора.

Отсортированное зерно в дальнейшем шло на производство муки и круп. Для этого применялись разнообразные дробильные и мелющие устройства: ступы с пестами, ручная мельница зернотерка, конная мельница, водяная мельница, ветряная мельница.

Крупные ступы делали из ствола березы большого диаметра и снабжались массивными пестами в виде тяжелых чурбанов, подвешиваемых к противоположному концу подвижного рычага, который приводился в движение руками или ногами. Опусканием свободного конца рычага обеспечивался подъем другого конца, чем достигалось измельчение либо снятие кожуры с зерна, насыпанного в ступу.

Зернотерки состояли из двух плоских круглых камней, накладываемых друг на друга. На верхнем камне пробивали два отверстия: одно побольше: в центре круга — для засыпания в него зерна, другое поменьше — у самого края жернова — для закрепления в нем круглой ручки, приводящей его во вращательное движение.

Обработку полей и посев буряты производили весной и осенью. Весенняя вспашка была по существу повторной обработкой почвы после осенней. Она была составной частью паровой системы земледелия, существовавшей в XVIII в. по всей Сибири.

Паровая система агротехники, основанная на отдыхе яровых пашен до полутора лет, нуждалась в двухпольной форме земледелия с периодической сменой возделываемых участков.

Для них выбирались открытые солнцу равнинные места в долинах рек и сухих распадках. К этому подталкивали естественные суровые условия Прибайкалья с его обычными перепадами температур, поздними и ранними заморозками, частым дефицитом атмосферных осадков. Они способствовали и отбору наиболее жизнестойкой культуры — яровой ржи.

Искусственное орошение полей было известно бурятам с глубокой древности. Горный характер местности Забайкалья, множество поперечных падей рек и речек — все это значительно облегчало устройство ирригации.

Большинство ирригационных сооружений были несложными. Наиболее распространенным типом оросительных сооружений считалась канава шириною около 1,5 аршина и глубиною от $\frac{3}{4}$ до 1 аршина. Длина таких канав была различной — до 10 и более верст. Орошение пашен производилось весной один раз и в редких случаях повторялось летом.

После вхождения Бурятии в состав российского государства, старые традиции мотыжного, примитивного земледелия были утрачены, а хлебопашество, примерно с середины XVIII в. явилось основой земледелия.

Развитие земледелия и товарно-денежных отношений привело к большим изменениям материальной культуры и быта в целом. Влияние русской деревни сказывалось в том, что у бурят появились новые земледельческие культуры и орудия.

Основная причина слабого распространения заводских земледельческих орудий в крае заключалась в том, что «на месте их не производили, и негде было их достать». В конце XIX в. и, особенно, в начале XX в., после проведения Транссибирской железной дороги, получили распространение усовершенствованные орудия заводского производства: косилки, механические грабли, плуги, молотилки, веялки.

Буряты не ограничивались простым восприятием орудий и приемов земледелия у русских крестьян. Они старались усовершенствовать их и в этом деле достигли неплохих результатов. Несомненным достижением следует считать удобрение и орошение ими покосов. В улусах появились мастера по «водопроводной части», которые брали подряды на устройство больших и малых каналов, на поднятие воды запорами и т.д.

В развитии земледелия буряты отдельных ведомств добились значительных успехов и нередко превосходили своих русских учителей. Эти успехи были отмечены на публичной выставке,

организованной в 1868 г. в Иркутске. Выставочная комиссия наградила тогда многих бурят медалями и похвальными листами за хорошие образцы пшеницы, ярицы, ржи и овса, которые они культивировали на своих полях.

А. Касперович
АГТА

ПОИСК МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Основой эффективного функционирования государства является устойчивость развития аграрного сектора. Его нестабильность в России стала одним из главных факторов возникновения кризисов и революций. Попытаемся дать ретроспективную оценку моделям устойчивого развития аграрного сектора Сибири, предложенных в первой трети прошлого века.

Начнем с того, что к началу XX в. аграрный строй региона характеризовался определенной социально-экономической устойчивостью. Его базовой ячейкой являлось семейное крестьянское дворохозяйство. В Сибири имелись огромные массивы неосвоенных сельхозугодий, широкие возможности для самовосстановления плодородия почв. Наиболее динамично в Сибири развивалось промышленное маслоделие. Темпы развития зернового хозяйства сдерживались из-за низкой пропускной способности Транссиба, неэффективной тарифной политики государства, наличия кабинетного землевладения, несовершенной налоговой системы. Повысить эффективность сельского хозяйства можно было лишь путем изменения аграрного строя.

Существовало два варианта его преобразования: революционный и реформистский. Революционный путь предполагал разрушение помещичьего землевладения и создание российского варианта социалистического общества. Реформистский вариант был возможен в результате капитализации помещичьих хозяйств и выделения мощного слоя зажиточных крестьян, которые должны были гарантировать социальную стабильность в деревне. Эти идеи были заложены в аграрной реформе П.А. Столыпина. Ожидаемого результата она не дала, но переселение крестьян в восточные районы ускорило развитие сельского хозяйства. В Сибирь переселилось порядка 2,5 млн чел. Значительно укрепилось положение так называемых кулацких хозяйств.

К 1916 г. в Восточной Сибири (Енисейская и Иркутская губернии) общий урожай зерна возрос до 68 млн пудов. Из них около 50% составляла рожь. На долю пшеницы, овса и прочих культур приходилось соответственно 25, 18 и 7%. Общий сбор зерновых в Сибири за период проведения столыпинской аграрной реформы (1906–1913 гг.) вырос примерно на 150 млн пудов. Посевные площади в Восточной Сибири увеличились на 0,3 млн десятин. поголовье крупного рогатого скота в Сибири составляло 7 млн голов, из них 38% приходилось на Восточную Сибирь. Производство сливочного масла возросло в 3 раза. (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 125, 127, 141). Из этого можно сделать вывод, что столыпинская реформа крайне благоприятно повлияла на экономику региона и ускорила его развитие.

В 1920-е гг. стал актуальным вопрос о перспективах экономического развития региона. Наиболее распространенные среди сибирских аграриев взгляды были объединены в концепции Н.П. Огановского. По его мнению, перспективным направлением являлось развитие животноводства, заграничный спрос на продукты которого в послевоенный период должен был сильно возрасти. К рентабельному виду производства относилось маслоделие. Второй по значимости отраслью могло стать тонкорунное овцеводство. В растениеводстве следовало постепенно заменять зерновые более ценными культурами — льном и свеклой, а также многолетними травами. Дальнейшая проработка вариантов развития сельского хозяйства Сибири была прервана установлением Советской власти.

В 1921–1922 гг. сельское хозяйство региона переживало глубочайший кризис. Его восстановление началось лишь с 1923 г. При этом молочное животноводство восстанавливалось медленнее, чем зерновое хозяйство. В итоге, в период НЭПа специализация Сибири закрепилась на производстве зерновых культур.

В виду того, что аграрный строй нэповской России не обеспечивал решения задач модернизации страны, встала проблема выбора пути дальнейшего развития сельского хозяйства. Было предложено три основных варианта. С точки зрения экономистов либерального направления Н.Д. Кондратьева и Л.Н. Литошенко необходимо было снять ограничения пределов роста крестьянских хозяйств. По их мнению, в крупных хозяйствах широко применяющийся наемный труд достигалась более высокая производительность труда, товарность производства и степень накопления

капитала. Аграрники-марксисты (Я.А. Анисимов, И.Н. Ужанский и др.) также считали, что крупные хозяйства эффективнее мелких. Но в связи с неприемлемостью использования наемного труда они предлагали провести коллективизацию деревни. Третий путь был принципиально отличен от выше упомянутых. Его представители А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев и другие считали лучшей формой организации сельхозпроизводства семейно-трудовые крестьянские объединения, кооперирующие свои усилия на различных этапах аграрно-производственного цикла (Сибирь: проекты XX в. Новосибирск, 2002. С. 240–241).

Итогом интенсивной плановой работы в середине 1920-х гг. стал Перспективный план развития сельского хозяйства сибирского края, опубликованный в 1926 г. Сельское хозяйство должно было сосредоточиться на производстве продукции на экспорт. Основным продуктом аграрного экспорта должно было стать животное масло. Второй по значимости отраслью могло стать производство зерновых (рожь, овес, ячмень) для создания надежной кормовой базы свиноводства. Перспективными направлениями считались льноводство и переход к травопольной системе земледелия.

Осторожно отвергалась необходимость коллективизации деревни. Основным объектом деревни становились индивидуальные крестьянские хозяйства. Предполагалось расселить общину на мелкие поселки из 10–30 дворов. Значительное место в Перспективном плане отводилось кооперации, которая должна была сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства.

Для проведения модернизации крестьянских хозяйств требовались значительные капиталовложения. Их можно было сократить за счет установления выгодного для села соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Данная работа в сочетании с созданием благоприятных экономических условий должна была привести к реорганизации всех крестьянских хозяйств уже через 25 лет. Предполагались значительные темпы роста аграрного производства, что, в свою очередь, обостряло транспортную проблему, заключавшуюся в низком развитии инфраструктуры путей сообщений. Ее можно было решить за счет вывоза уже переработанных сельхозпродуктов. Исходя из этого, предлагалась широкая программа строительства предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности.

Таким образом, Перспективный план предусматривал превращение Сибири в район интенсивного развития сельскохозяйствен-

ного производства, ориентированного на экспорт. Но он подвергался резкой критике из-за отсутствия доказательств достижения запроектированных объемов производства сельхозпродукции. Будущая модель рассчитывалась на основе условных цен и норм, а также немотивированной урожайности и продуктивности и т.п.

Принятый правительством курс на коллективизацию крайне негативно сказался на развитии сельского хозяйства. Были перечеркнуты все результаты предыдущих реформ, уничтожен слой зажиточных крестьян. Отсутствие стимула для производства, а также насильственные методы коллективизации, привели к крайне низкой производительности труда. Объемы сельхозпроизводства значительно сократились. Аграрный сектор Сибири не стал основой для социально-экономической стабильности региона.

И. Катаева

И. Рыкова

ВГУЭП

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПРИБАЙКАЛЬЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

Среди важнейших социально-экономических задач развития России в XX в. приоритетное место занимал аграрный вопрос. Унаследовав из предшествовавшего столетия неразрешенность многих ключевых проблем сельского хозяйства, руководители России на всем протяжении XX столетия многократно пытались их разрешить.

Первой в ряду этих попыток была аграрная реформа П.А. Столыпина. Региональная печать активно обсуждала методы проведения столыпинской реформы. Проблему малоземелья в европейской части России предполагалось решить за счет переселения крестьян в Сибирь, где «громадные пространства пригодной для обработки земли ныне пустуют». При этом «попытаться решить аграрный вопрос путем переселения, можно лишь в том случае, если сразу двинуть в Сибирь массу людей и немедленно устроить их на местах» (Аграрный вопрос и переселение в Сибирь // Сибирский листок. 1906. № 2).

Чтобы решить эту проблему, депутаты Государственной Думы предлагали на местах создать комитеты, избранные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного

права, для необходимой подготовительной работы, как-то: выработки, применительно к местным условиям, потребительной и трудовой норм землепользования, определения количества удобной земли и т.п. «Ввиду необходимости возможно более полного приспособления земельного закона ко всему разнообразию местных условий, целесообразно, чтобы эти комитеты приняли живейшее участие в общем обсуждении самых основ земельных реформ, изложенных в различных внесенных в Думу проектах» (В Государственной Думе // Сибирский листок. 1906. № 2).

По мнению журналистов, дебаты в Государственной Думе показывают, что решение аграрного вопроса по одной общей схеме и одному рецепту на всю империю является, по-видимому, невозможным (Выход из затруднений при решении аграрного вопроса // Сибирский листок. 1906. № 2).

С 1910 г. обнаружился кризис официального реформизма. В стране начался новый революционный подъем. Двух десятков лет спокойствия, на которые рассчитывал Столыпин, он не получил. Наиболее реакционные силы правящих кругов все более разочаровывались в Столыпине. В итоге реформа так и не была завершена до 1917 г., а в части ликвидации малоземелья в Европейской части России не удалась совсем, что явилось одной из причин революции 1917 г.

Программа Иркутского Губернского Крестьянского Союза, принятая в Иркутске 13–16 мая 1917 г. и единогласно подтвержденная вторым крестьянским съездом 12–15 августа 1917 г., провозгласила: «Российская земля должна отныне управляться Верховной волей самого державного народа, а, следовательно, осуществляться через своих депутатов Гос. Думы... Учредительное собрание должно обязательно разрешить земельный вопрос на благо народу. Наемный труд допускается, если он не носит эксплуатационный характер». В печати на первый план выдвигается не проблема собственности на землю, а степень государственного участия в улучшении крестьянского хозяйства и условий сельского быта, размещении переселенцев из Европейской части России, ищущих в Сибири лучшей доли (Забайкальский рабочий. 1917; Наша деревня. 1918; Наша жизнь. 1918).

После утверждения в Восточной Сибири Советской власти в газетах начинают подниматься вопросы охраны труда в сельском хозяйстве (Иркутский рабочий. 1921), а также вопросы научной организации труда в аграрном секторе. Так, например, в статье «Что посеешь, то и пожнешь» (Красный пахарь. 1924)

указывается на важность использования хороших семян, определения всхожести семян, соблюдения параметров глубины посадки семян, густоты и времени посева. Обращается внимание на необходимость знания болезней растений (Наша жизнь. 1921. № 35). «Изобилие земли это еще не земельное хозяйство, для этого необходимо еще и умение ею пользоваться так, чтобы она приносила доход, т.е. рациональное использование земли» (Сибирь. 1921). В этот же период становится важным кадровый вопрос, которому посвящается ряд статей в местных газетах.

В 1930-е гг. большинство газетных статей посвящается не столько проблемам сельского хозяйства, сколько пропаганде колхозного строя и социалистического соревнования в деревне. Пресса перестает быть трибуной, с которой высказывались различные точки зрения на аграрные проблемы. Вместе с тем, газеты стали печатать множество материалов, посвященных простым крестьянам — механизаторам, дояркам и т.д.

Н. Кокорина
БГУЭП

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Пожалуй, ни одно из событий XIX–XX вв., не считая сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали, не оказало такого всеобъемлющего воздействия на Сибирь, как массовые переселения сюда в конце XIX–начале XX вв.

Некогда историком А.П. Щаповым было отмечено, что отечественная история «есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации». (Щапов А.П. Великорусские области в Смутное время // Щапов А.П. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1906. С. 648). Важную роль в колонизации сыграло присоединение и основание Сибири, начавшееся одновременно с проникновением европейцев в Северную Америку. Коренное отличие в реализации этих двух грандиозных проектов заключается в том, что заселение английских колоний осуществлялось частной инициативой европейцев при минимальной поддержке государства. В российском же варианте за землепроходцами стояло государство. Оно всей своей мощью и ресурсами обеспечивало быстрый рывок на восток и вплоть до конца XX в. контролировало приток населения сюда.

Конец XIX–начало XX вв. — пик переселения в Сибирь. Ни до, ни после этого страна не знала таких масштабов организованной миграции, потребовавшей существенного напряжения усилий государственных учреждений и приведшей, наряду с естественным приростом, к удвоению численности населения Сибири с 1897 по 1916 г. (с 5,8 до 11,0 млн чел.). Правительство при организации переселения столкнулось с необходимостью контроля и регулирования столь массового процесса, проблемы, с которыми сталкивались переселенцы на местах в Сибири, и возможные негативные последствия в случае краха переселенческой политики заставили чиновников всерьез заняться реформированием. Не только реформированием порядка переселения, но и проблем, связанных с получением льгот, водворением и землеустройством и землепользованием в Сибири. Неоднократно в региональной печати обсуждалась проблема землеустройства переселенцев в Сибири, обусловленная переселенческой политикой царского правительства.

Через прессу до населения доводились основные правительственные постановления и другие нормативные акты, регламентирующие процесс переселения. Это «Правила о переселении на казенные земли», Закон от 19 апреля 1909 г. о порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев, «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях», утвержденные в 1881 г. «Временные правила для переселения крестьян» и пр. С 1871 г. шла разработка нормативного акта о сибирском землеустройстве, которая завершилась 23 мая 1896 г. утверждением императором Николаем II соответствующего закона, на основании которого проводилось поземельное устройство на территории Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губернии до 1917 г.

Одной из главных побудительных причин переселения, по мнению газеты «Сибирская мысль», была патриархальная психология сельских обывателей, стремившихся решить проблему малоземелья за счет экстенсивного фактора, сохраняя низкий уровень агротехнической культуры своего хозяйства.

Широкий резонанс вызвала «Записка» Председателя Совета Министров и министра земледелия и землеустройства, написанная после визита правительственной делегации во главе с П.А. Столыпиным в Сибирь в 1910 г., живо обсуждавшаяся как местными, так и столичными газетами.

«Если «Новое время» оптимистически рисует будущее Сибири, обещает реформы и изменение земельной политики, — утверждает газета «Сибирская мысль» в 1910 г. в статье «Нужды переселения», — то «Речь», иронизируя, уверяет, что поездка в Сибирь была вызвана опасением крушения переселенческой политики». В этом же году в газете «Сибирские огни» в статье «Сибирские очерки» утверждалось, что целью поездки министров в Западную Сибирь было «ознакомление на месте с нуждами переселенческой политики», и «желание правительства разрешить аграрный вопрос в Европейской части, не затрагивая части помещичьих земель».

Более полные сведения о «Записке» были предоставлены газетой «Сибирская мысль» (1910 г., № 6), которая и изложила основные ее положения: «Записка председателя совета министров, — пишет она, — имеет огромное значение для Сибири, т.к. является предвестником многих коренных преобразований в переселенческом деле, нововведений и реформ в Сибири. Записка состоит из 7 глав. Глава первая посвящена современному положению движения переселенцев — здесь отмечена отрицательная сторона этого вопроса и намечены меры, улучшающие и регулирующие движение. Глава вторая «Сибирские земли и переселенческие участки» рисует картину тех общественных, бытовых, климатических и других условий, которые встречаются переселенцев на новых местах; между прочим, в этой главе доказывается необходимость местами перейти от бесплатной раздачи земель переселенцам к ее продаже. Наиболее обширная, третья глава, рассматривает следующие вопросы: «водворение переселенцев и крестьянская собственность». По первому вопросу признается необходимым поставить шире и глубже хозяйственную помощь переселенцам, к числу которой относятся сельскохозяйственные склады, ссуды, мелкий кредит, продовольственная помощь и особенно агрономическая помощь. Вопрос о крестьянской собственности разбит на две основные части: 1) устройство старожилов и 2) отвод земель для переселенцев. Записка говорит: «нужно теперь же покончить с утратившим значение титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в надел старожилам и переселенцам; необходимо и в Сибири столь же твердо, как и в Европейской России, стать на путь создания и укрепления частной собственности».

В 1911 г. в сибирской прессе появилось много статей, посвященных «походу против сибирской общины». Правительством предполагалось распространить на Сибирь действие закона 14 июня

1910 г. (имеется в виду вести сибирское землеустройство по типу землеустройства в Европейской России). «Сибирские огни» отмечают принудительный характер выдела из общины, а также делают упор на отличие сибирской общины от общины в других районах России: «С одной стороны нет оснований отрицать, что существование общины в свое время может облегчить крестьянству добровольный переход от старого к новому, с другой — было бы большой ошибкой утверждать, что земельная община вообще, независимо от конкретных форм, несовместима с развитием капиталистических отношений, обречена на погибель. В ней сохранилось слишком много крепостных, несвободных традиций, не подходящих к существующим и развивающимся условиям. В настоящее время эта примитивная форма общинных отношений, требующая чрезвычайного многоземелья, уже не типична для Сибири. Типична иная форма, характеризующаяся свойствами: общим пользованием лесами и выгонами, переделом сенокосов и беспередельным (постоянным) пользованием пахотными заимками, т.е. раз занятыми определенными домохозяевами полевыми участками». Газета говорит и об «увеличивающемся малоземелье». «Даже рутинное трехполье, — пишет она, — не имеет шансов долго укорениться в Сибири: есть здесь уже и машины, начинается применение удобрений, образцы интенсивной культуры не заставят себя ждать и окажут свое влияние в надлежащее время». Несмотря на все это, председатель совета министров, П.А. Столыпин, в общине видит исключительно «корень всех общественных бед». В интервью одной из зарубежных газет, освещавшемся «Сибирскими огнями», на вопрос о том, что, по его мнению, «задерживает развитие Сибири», он ответил: «Остаток общинного владения».

В 1911 г. пресса обнародовала основные положения «Законопроекта о насаждении частной земельной собственности в Сибири», в котором величина нормы земельного надела была поставлена в зависимость от административного усмотрения землеустроителей. Кроме того, неопределенность указаний о пользовании казенными оброчными статьями и рыболовными угодьями, равно и совершенное умолчание о неприкосновенности мирских оброчных статей не давало никаких гарантий, что при землеустройстве эти статьи и угодья не отойдут в казну. Землеустроительным чинам законопроект давал право уменьшения существовавшего землепользования даже тогда, когда на душу мужского пола приходилось меньше 15 десятин, что противоречило Закону 1896 г. Главной целью данного законо-

проекта», по мнению газеты «Сибирская мысль», было провести урезку земель у сибирского крестьянства, в целях удовлетворения земельной политики министерства.

Переселенческая практика не замедлила обнаружить, что мнение о миллионах десятин сибирских земель в большей своей части оказались мифом, и что вопрос о земельной тесноте в Сибири не за горами. «Все, что можно было выкроить без особых затрат капитала, — пишет «Сибирская мысль», — выкроили: урезали старожилов, отбирали у киргизов... Все это отразилось и на проценте обратного движения новоселов из Сибири, а в 1909 и 1910 гг. и абсолютное число прибывших переселенцев сократилось».

«Земельная неурядица» — так была озаглавлена статья в одном из номеров «Сибирских огней» за 1911 г., в которой говорилось о втором действии аграрной драмы, связанной с ликвидацией общины. Суть конфликта между общинниками и стражами порядка заключался в том, что «крестьяне не желали сеять на разверстаных участках, а стражники не допускали их сеять на черноземных общинных землях, таким образом, 10 000 десятин оставались не засеянными, и около 1000 крестьян с их семьями, остались без посевов с перспективой голодовки текущей осенью».

Таким образом, министерство Столыпина оказалось в необходимости считаться с переселенческим, а местами и земельным кризисом в Сибири. Знатоки переселенческого вопроса, а также сибирская печать предсказывала это еще раньше, чем успели обнаружиться результаты переселенческой политики; несоразмерность претензий министерства с наличным запасом годных для заселения земель в Сибири. Так, например, «Сибирская мысль» в № 10 за 1910 г. опубликовала «Итоги ходачества по Иркутскому переселенческому району». В этой статье отмечаются как положительные, так и отрицательные аспекты группового ходачества. К числу положительных относится тот факт, что группа ходочков из одного села, (будь то родственники, или просто соседи) осваивалась и устраивалась на новых землях быстрее, чем ходочки индивидуалисты. К одной из отрицательных сторон данного вида ходачества относится, прежде всего, стеснение ходочков в правах свободного выбора участков по своему вкусу. «Идя в строго определенную местность, — поясняет газета, — ходок мог рассчитывать на выбор земли только среди небольшого числа участков, большею частью одного типа, зачастую, совсем для него не привлекательного». В результате ходочки отказывались от предоставляемых участков. Причинами отказа от зачисления долей

ходыки указывали, в большинстве случаев, удаленность участков от линии железной дороги и трудность разработки почвы.

Таким образом, видение переселенческой политики местными журналистами по многим пунктам отличалось от точки зрения правительственных чиновников. Безусловно, нельзя однозначно оценивать результаты переселенческой политики. Анализ региональной печати, в которой активно обсуждались проблемы переселения, может оказать специалистам существенную помощь в определении положительных и отрицательных сторон этого вопроса с точки зрения местной интеллектуальной элиты того времени.

Я. Кордюк
БГУЭП

РАЗРАБОТКА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Проведение крестьянской реформы 1861 г. и ликвидация крепостничества, завершение формирования границ России на Востоке, постройка Сибирской железной дороги, — все это способствовало разработке переселенческого законодательства в России. Развитие переселенческого законодательства шло долго и мучительно, преодолевая шаг за шагом — на основе практического опыта — опасения породить неуправляемый, стихийный процесс миграций.

Вторая половина XIX в. характеризуется постепенным отказом от преобладающего взгляда на приоритетность принудительного переселения, признанием возможности и целесообразности развития его вынужденных форм, а также использованием переселения в качестве инструмента не только административного, но и хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока.

С 1881 по 1889 гг. в России продолжалась выработка концепций переселенческого законодательства. Обсуждались функции переселения, права на него различных сословий, роль государства в организации переселения, методы стимулирования. Этими вопросами занималась специально созданная в 1881 г. комиссия П.П. Семенова, затем — Совещание сведущих людей. Итогами работы совещания явились следующие чрезвычайно важные для России выводы. Во-первых, закон не должен был более молчать о переселении как об одном из важных явлений

народной жизни; во-вторых, в основу законодательства о переселении должно было быть положено признание права каждого лица на переход на новые места; в-третьих, означенное право должно было быть определено и ограничено законами лишь в такой мере, чтобы нормы, установленные этим правом, не препятствовали правильному и свободному течению жизни.

Результатом дискуссий явился принятый в июле 1889 г. переселенческий закон, предусматривавший возможность заселения казенных земель с их отводом новоселам в постоянное пользование, предоставление переселенцам льгот по налогообложению и воинской обязанности, по отпуску леса, а также денежных пособий «на прокормление» в пути.

Закон 1889 г. и введение в 1890 г. удешевленного проезда по железным дорогам дали новый импульс переселенческому движению на Восток, причем не только организованному, но и самовольному. Последовавший за этим в 1892 г. запрет на выдачу разрешений на переселение не привел к желаемым результатам. Самовольное движение крестьян за Урал продолжалось, к тому же в значительно больших масштабах.

Неорганизованное движение значительных масс населения породило целый ряд крайне отрицательных последствий, в частности, — высокую заболеваемость и смертность переселенцев во время продолжительного по времени переезда. По данным за 1894 г. при продолжительности пути до 6 недель умирало 7,4% переселенцев, 7–8 недель — 11,3%, 9 и более недель — 12,3%. Последний показатель соответствовал уровню смертности в период холерных эпидемий. К этому следует добавить и трудности водворения.

Уже в 1894 г. запрет на переселение был отменен. Более того, в этом же году были приняты важные решения, касавшиеся организации переселений: признано право посылки ходоков для ознакомления с условиями на новом месте и занятия участков со льготами по передвижению, введены ссуды для оплаты путевых расходов и хозяйственного устройства на новом месте (не более 200 р. на семью). Эти меры стимулировали не только рост масштабов переселения, но и повышение уровня его «легальности». Если за 1892–1894 гг. объемы переселения в Сибирь сократились с 87,6 до 65,7 тыс. чел., то уже в 1895 г. достигли 105,5 и в 1900 г. — 191,9 тыс. чел. Отмена запрета привела к увеличению объемов переселения на Дальний Восток. При этом доля самовольных переселенцев стала довольно устойчиво сокращаться — с 60% в 1894 г. до 38,7% в 1897 г., достигнув 23% в 1900 г.

Удельный вес самовольного, неорганизованного переселения на Дальний Восток был в 1,2–1,6 раз ниже, чем в Сибири в целом.

Современной России необходимо использовать отечественный опыт переселенческой политики, с учетом потребностей общества и личности, общества и отдельных социальных, демографических и этнических групп населения, государственных и региональных, отраслевых интересов. Ситуации, при которых миграционные процессы, нарушая нормальное течение общественной жизни, превращаются в самостоятельный фактор формирования широкомасштабных общественных конфликтов, зачастую сопровождающихся жертвами, насилиями (например, конфликты местного и пришлого, особенно этнически иного населения), особенно нежелательны.

А. Кузнецов
ИГСХА

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У БУРЯТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX ВВ.

В период освоения территории Сибири в начале XVII в. русские познакомились с бурятскими племенами, у которых обнаружили не только скотоводство, но и все признаки примитивного земледелия. Сообщения служилых людей свидетельствовали о том, что верхоленские, а отчасти, и приангарские буряты знали земледелие, производя в небольших размерах посевы проса, гречихи, ячменя. Упоминания о земледелии у бурят имелись и в записках членов академических экспедиций XVIII в.

Необходимо отметить, что известный историк-археолог А.П. Окладников в своих работах рассматривал бурятское земледелие как реликтовое, то есть как пережиток древней земледельческой культуры, некогда весьма развитой в Прибайкалье. Остатки ее были обнаружены не только в археологических памятниках, но и в разрушенной ирригационной системе долины Баргузина.

Потребность в хлебе, хотя и в минимальных количествах, имела у всех кочевников, и она частично удовлетворялась за счет их собственного производства. У бурят земледелие не только обеспечивало их скромное потребление, но и давало некоторые излишки для обмена на другие необходимые в хозяйстве продукты. Так, И.Г. Георги в своей работе о западных бурятах говорил, что они «не будучи, как другие, богаты скотом, должны более,

нежели живущие к востоку, пособлять сибирской овсянки, белой сараны, сердечной травы и прочее. Некоторые употребляют также и во весь год приготовленную из муки пищу, сиречь саломату, капицу, пресные лепешки». Бурятский крестьянин, лишенный возможности продавать большое количество мясных продуктов, вследствие сокращения стад, искал другой товар, который проложил бы ему путь на городской рынок. Постоянный дефицит в хлебе в Восточной Сибири, с одной стороны, и возможность использовать производственный опыт русского крестьянина — с другой, подсказывали ему решение.

В Забайкалье первые земледельцы появились в конце XVII в. Это были крещеные буряты, жившие на монастырских землях. Эти буряты сыграли особую роль в развитии хлебопашества. Монастырские вотчины в определенной степени содействовали распространению хлебопашества у бурят. В трех вотчинах Троицко-Селенгинского монастыря (Хилоцкой, Тимлюйской, Кударинской) в 50–70-х гг. XVIII в. насчитывалось 529 душ крестьян, среди которых проживало 22 крещеных бурята, занимавшихся земледелием. В монастырские житницы поступали рожь, ярица, пшеница, ячмень, овес, горох, семя конопляное. В 1750–1762 гг. в монастырские закрома засыпали от 15 до 20 тыс. пудов зерна, муки, крупы, толокна. Значительную часть хлеба употребляли в еду, часть обменивали на кожу, отдавали как натуральную плату за работу наемным крестьянам и бурятам, на посев, в ссуду водворенным крестьянам и т.д. В среднем в 1730-х–начале 1760-х гг. монастырь продавал ежегодно более 2 тыс. пудов хлеба.

Распространена была выдача монастырем хлеба вперед за будущую работу в поле, особенно «за жнитво», уборку и перевозку сена. Крестьяне, и, прежде всего, буряты, брали монастырский хлеб в самое тяжелое время: в январе-феврале, закабалия себя на летние работы, которые стоили дороже выданных продуктов более чем в два раза.

Буряты, живущие около Балаганского острога, начали заниматься земледелием в 30-е гг. XVIII столетия. Как известно, у определенной части западных бурят существовали посевы гречихи и проса, однако более устойчивое земледелие, в основе которого лежали новые культуры, принесенные в Прибайкалье русскими (рожь, пшеница, овес), начинает развиваться только в XVIII в.

Нужно отметить, что само правительство принимало ряд мер для развития земледелия в регионе. Так, в 1792 г. к хоринцам прибыли доверенные чиновники императрицы Екатерины II,

чтобы «обучать ведению хозяйства», «выделили из казны бесплатно семенное зерно ярицы, ржи, пшеницы, овса и ячменя, а также сохи, серпы и другие и обучали и наставляли различным способам сеяния тех различных злаков». Так здесь было положено начало сеянию хлеба. В 80–90-х гг. XVIII в. земледелием уже занимались 1200 хоринцев, а в 1802 г. они привезли в Иркутск 15 тыс. пудов муки.

Хлеб сеяли ежегодно, но посевы из-за холодов вымерзали. Вследствие этого, в течение нескольких лет, невозможно было вырастить хлеб, и хоринцы несли большие убытки. Они обратились к властям с просьбой об освобождении их от сдачи гарнца (вид натурального хлебного налога). С 1817 г. население было избавлено от этой повинности.

В 1837 г. посевная площадь у хоринцев достигла около 22 тыс. десятин. Распашка залогов и паров производилась одноконными сохами. Хлеб шел преимущественно на удовлетворение собственных потребностей. Небольшие избытки реализовывались в своем районе. В урожайные годы хлеб продавали в казну, вывозили на продажу в г. Верхнеудинск и другие места. Сеяла хлеб приблизительно третья или четвертая часть хоринских скотоводов. Позже земледелие стало проникать и к агинцам.

Западные буряты, за исключением ольхонцев и тункинцев, превосходили забайкальских в отношении темпов роста земледелия. В 1812 г. земледелием занималась приблизительно третья часть балаганских, идинских, аларских, кудинских бурят. Они имели удобные для земледелия местности по притокам Ангара — Иде, Осе, Уде, Унге.

Судя по архивным данным Балаганского и Идинского ведомств, пионерами земледелия становились родовые начальники, к чему их всемерно побуждали власти. К земледелию переходила по преимуществу социальная верхушка улуса, располагавшая достаточной тягловой силой и иными экономическими возможностями, необходимыми для развития новой отрасли хозяйства. Тем не менее, росла запашка и в неимущих хозяйствах, уже не способных прокормиться за счет одного скотоводства. А потребность в деньгах, в которых нуждались представители всех социальных групп бурятского общества, особо способствовала развитию новой отрасли хозяйства.

В 80-х гг. XVIII в. в Иркутске была создана должность экономии-директора, который должен был наблюдать за развитием земледелия среди бурят. Приемы земледелия бурятское на-

селение перенимало от окружающего русского крестьянства и своих соплеменников, ранее приступивших к земледелию. Рост же его вызывался необходимостью дополнительных ресурсов к скотоводческому хозяйству и увеличением спроса на хлеб на рынках Восточной Сибири. В донесении экономии-директору Дешнину от 4 апреля 1786 г. главный шуленга Кудинского ведомства Хабтагай Бутуканов сообщал: «...Абаганацкого роду брацкие Малан Имыкеев с товарищи, всего десять человек, прописывали, что имеют они хлебопахотную землю и сенных покосов с удовольствием, а по недостатку их распахивают к посеву весьма малое количество, потому что имеется как лошадей, так и на посев семян и инструментов крайне малое количество...».

В 80-х гг. XVIII в. буряты Иркутской губернии стали поставлять на рынок хлеб, хотя и в небольшом количестве. Первый Буяновский род продал Николаевскому винокуренному заводу 100 пудов ржи и ярицы по 26 к. за пуд. По ведомости 1787 г. о посеве озимого и ярового хлеба, на 3430 ревизских душ всех кудинских родов приходилось 222 десятины ржи, 352 десятины ярицы, 16½ десятины пшеницы, 6 десятин ячменя, 9 десятин овса. Впоследствии в этом ведомстве земледелием занималось около 3 тыс. бурят.

Таким образом, на протяжении XVIII–XIX вв. земледелие у бурят постепенно превратилось в одну из важнейших отраслей хозяйства. Переняв традиции земледелия у русских, сам бурятский народ накопил определенный опыт в ведении хлебопашества, что способствовало увеличению среди бурят земледельцев, расширению показателей урожайности, и выходу бурятского крестьянина с излишками земледелия на рынки Сибири.

*А. Лисина
ВГУЭП*

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ П.А. СТОЛЫПИНА НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

История освоения и заселения сибирских просторов насчитывает более 300 лет. Однако значительное массовое переселение крестьян из европейских районов России в Сибирь произошло в результате знаменитой столыпинской аграрной реформы, сущность которой сводилась к ликвидации общины, насаждению хуторских и отрубных хозяйств и, в том числе, переселению части крестьян на периферию.

Переселение крестьян в Сибирь преследовало ряд задач: во-первых, ослабление политического и социального напряжения в центральной России, во-вторых, экономическое развитие окраин.

Главная заслуга в хозяйственном освоении Сибири принадлежала крестьянам. Для желающих выехать в Сибирь действовали льготные железнодорожные тарифы, в три-четыре раза удешевляющие переезд к новому месту жительства. Также по всей Транссибирской железной дороге были созданы переселенческие пункты с бесплатным питанием и медицинским обслуживанием. А к прибытию очередной партии переселенцев проводились землеустроительные работы. Организацией переезда переселенцев и наделением их участками земли занимались чиновники Переселенческого Управления.

Переселение способствовало увеличению посевных площадей, развитию торгового земледелия, скотоводства. «В начале XX в. переселенцы ввели в культурный оборот около 30 млн десятин различных угодий» (Горюшкин Л.М. Американские буржуазные историки о сибирской деревне в дооктябрьский период. Новосибирск, 1984. С. 18). Известно, например, что в Иркутской губернии «к 1915 г. под участки переселенцев было отведено около 2 млндсятин земли» (Золотуева Е.Ю. Переселение в Иркутскую губернию в годы столыпинской реформы // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000: Материалы чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева (30–31 марта 2000 г.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 92).

В первые 2–3 года переселенцам отводили земельные участки на наиболее освоенных территориях, вдоль транспортных дорог — Транссибирской железной дороги, Московского тракта. Затем переселенческие организации стали перемещать землеотводные работы в северные районы. В целом в оборот были вовлечены новые угодья, при этом посевные площади и поголовье скота в районах нового освоения увеличивались почти вдвое быстрее, чем численность населения. Большое количество крестьян, заселивших новые районы Сибири, значительно увеличило площади посевов, создало основу для получения большого количества хлебных излишков. Постепенно сибирская деревня теряла свой полунатуральный характер и переходила к товарным формам хозяйства. Кроме того, русские переселенцы принесли с собой навыки льноводства, пчеловодства, огородничества, и эти направления успешно стали развиваться на сибирской земле.

Сибирь не знала крепостного права, здесь не было частного и помещичьего землевладения, отсутствовали типичные для центральной России обязательные и уравнивательные наделы. Сибирские крестьяне не покупали и не арендовали земельные участки, а просто выбирали свободные и пригодные для земледелия территории, селились и возделывали их. Ведь не даром существует представление о бескрайних сибирских просторах. Поэтому «в среднем на одно хозяйство приходилось до 30 га пашни, но были хозяйства, где возделывалось по 100 и более гектаров» (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 2. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 196). Известны факты, что до революции «наиболее трудолюбивые и самостоятельные крестьяне могли иметь до 200 и более десятин земли, держать по 500 лошадей. Один из таких крестьян, по фамилии Новоселов, считался одним из богатейших в Восточной Сибири. Он владел извозом по Якутскому тракту (от Иркутска до Верхнеленска)» (Суходолов А.П. Из истории земледельческого освоения Приангарья // Иркутский историко-экономический ежегодник: 1999: Материалы чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева (25–26 марта 1999 г.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 51). Именно на таких крепких крестьян делал ставку П.А. Столыпин, проводя аграрную реформу. И эта политика оказалась правильной, что было подтверждено временем. Так, если в годы первой мировой войны, Октябрьской революции и гражданской войны наблюдается значительный спад производства зерна по всем земледельческим районам Европейской России, то спад производства в аграрном секторе Сибири был значительно ниже.

Большой приток самостоятельных людей не всегда был обеспечен свободными (удобными) землями. Поэтому некоторая часть переселенцев представляла собой дешевую рабочую силу, которая нанималась на сезонные сельскохозяйственные работы, либо вынужденно уходила в города. И это, в свою очередь, способствовало развитию промышленного производства и торговли.

Со временем стали создаваться мощные предприятия. Так, в 1916 г. в Сибири было около 2000 предприятий, на которых работало 59,5 тыс. чел. Большинство рабочих были заняты в горной и горнодобывающей промышленности. Кроме того, развивалась черная и цветная металлургия, солеваренная промышленность, лесопильное производство.

Перед Октябрьской революцией промышленность только Иркутской губернии «была представлена 119 предприятиями, на

которых работало 18 тыс. чел. Наиболее крупным было Ленское золотопромышленное товарищество («Лензолото»), объединившее десятки приисков и 8 тыс. старателей. Достаточно большими, даже по сибирским меркам, считались 11 угледобывающих предприятий Черемховского углепромышленного района, на которых было занято 6 тыс. горнорабочих. Своими масштабами выделялись также Усольский, Усть-Кутский и Илимский солеваренные, Камышетский цементный и Тальцынский стекольный заводы, Хайтинская фарфоро-фаянсовая фабрика. Широкою известностью получили две большие кожевенные фабрики: одна — в Иркутске, другая — в Усолье. Давали прекрасную продукцию дрожжевой и пивоваренный заводы в Иркутске, винокуренные Илимский и Никольский заводы, Тельминская суконная и Усольская спичечная фабрики, четыре большие лесопильни в крупных городах вдоль Транссибирской железной дороги, а также некоторые другие предприятия» (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 2. С. 17).

Кроме того, для людей, переселенных в новые районы Сибири, требовалось строительство новых дорог, школ, больниц, церквей, без чего была невозможна их дальнейшая жизнь.

Так же существует еще один важный аспект, связанный с переселением — это строительство. Было построено много новых школ, больниц, церквей, проведены дороги, т.е. это были самые необходимые, жизненно важные объекты для «новых сибиряков».

Таким образом, в результате новой переселенческой политики население Сибирского региона увеличилось примерно на 1 млн чел. Эти люди нашли свое применение в освоении новых земель, в развитии мощного промышленного потенциала Сибири.

*Б. Морозов
БрГУ*

ВЗГЛЯДЫ Н.А. РОЖКОВА НА АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

Проблемы аграрных отношений, политика правительства в крестьянском вопросе в начале XX в. являлись предметом пристального внимания российской общественности, политических партий. Каждая партия имела собственный взгляд на решение самого острого вопроса в России. В условиях подавления

первой русской революции царское правительство приступило к реализации аграрной реформы, предложенной премьером П.А. Столыпиным. Социал-демократы, оказавшиеся в ссылке, внимательно следили за ее ходом в Сибири. Интересными представляются взгляды члена РСДРП, известного русского историка, бывшего приват-доцента Императорского Московского университета Николая Александровича Рожкова.

В 1905 г. Н.А. Рожков включился в политическую борьбу, примкнув к социал-демократам. Постепенно он эволюционировал от большевиков к меньшевикам. Окончательно его переход на большевистские позиции произошел в сибирской ссылке. Имея огромный опыт организаторской и пропагандистской деятельности, Рожков стал редактором и корреспондентом газет в Иркутске, Чите, других сибирских городах. В ряде его публикаций анализируются аграрные отношения в Сибири.

Н.А. Рожков отмечал, что Россия не сможет проводить успешную внешнюю политику до тех пор, пока в стране не будут разрешены внутренние проблемы. Указывая на рост сельскохозяйственного производства на 32% по итогам 1911 г. (в сравнении с 1910 г.), он подчеркивал, что одновременно правительство потратило 118 млн р. на борьбу с голодом (Иркутское слово. 2 января 1912 г.).

Н.А. Рожков подверг критике переселенческую политику самодержавия, подчеркнув, что Сибирь не готова к приему переселенцев. Данные «Справочника Иркутского переселенческого района», по мнению Рожкова, имели однобокий характер. Он указывал, что на деле не все так хорошо, как пытаются представить власти. Особенно Рожков отмечал, что отсутствие дорог (точнее, их состояние — *Б.М.*) сильно осложняет жизнь переселенцев, а те же дороги, которые есть, находятся в ужасном состоянии и не могут покрыть все нужды переселенцев (Иркутское слово. 12 декабря 1911 г.).

Н.А. Рожков был обеспокоен положением дел в связи с проектом нового землеустройства, предложенным правительством для Сибири. Он критиковал насильственное насаждение хуторов и отрубов для старожилов, указывая, что такие меры возмущают людей, что это может привести к социальным потрясениям. Рожков подчеркивал: «Формы владения землей должны определяться хозяйственными (выделено Н.А. Рожковым) потребностями и условиями вне юридического давления со стороны господствующих классов» (Иркутское слово. 30 января 1912 г.).

Н.А. Рожков указывал на необходимость развития местного самоуправления, которому предлагал передать все переселенческие и земельноустроительные дела, что в интересах, прежде всего, крестьянства. Но, оговаривался Рожков, эта мера целиком зависит от решительных государственных реформ.

Рассуждая о переустройстве сельского хозяйства, Н.А. Рожков много статей посвятил кредитной кооперации, считая ее катализатором реформы и социально-экономического развития общества в целом. Он отмечал, что кооперация приносит пользу в хозяйственном плане, способствует социальной организации сибирского крестьянства, которое только в начале XX в. начинало вливаться в рыночные отношения. Рожков указывал, что на базе кредитов возникают новые предприятия, что благодаря кредитам понижается стоимость продукции, повышается ее качество. Кредитная кооперация учила людей самостоятельности, самодеятельности, подталкивала население к сознательной защите своих интересов.

Н.А. Рожков проанализировал социальный состав участников кредитной кооперации: в основном, это были состоятельные крестьяне. Если кредитом пользуются бедняки, то делают это они из-за крайней нужды. Рожков отмечал значительный рост числа кооперативов, однако темпы его роста отставали от европейских. Среди задач кооперации Рожков выделял удешевление кредита и его демократизацию, рост числа кредитных коопераций, расширение государственного кредита (Иркутское слово. 9 января 1912 г.).

Н.А. Рожков указывал на проблемы развития кооперации. Крестьяне, в отличие от рабочих, меньше стремились к созданию кооперативов, так как они, привыкшие к постоянной нужде, имели склонность к накопительству.

Рожков предлагал создать союз крестьянских кооперативов всех видов, который позволит объединить значительные массы крестьянства в экономический союз — подобие партии. Деревня пробуждается, отмечал Рожков, и такой союз необходим для крестьянства. Это будет способствовать воспитанию масс (Иркутское слово. 23 января 1912 г.).

Демократизацию аграрной реформы и развитие всех форм кооперации, Н.А. Рожков рассматривал как составную часть своей теории «культурного капитализма», которую активно пропагандировал на страницах сибирских изданий. Взгляды Н.А. Рожкова на проблемы землепользования и аграрные отношения в Сибири соответствовали позиции меньшевиков и их программе «муниципализации земли».

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
РУССКОГО И БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1887–1889 ГГ.)**

В 1887–1889 гг. в Иркутской губернии, в преддверии землеустроительной реформы было проведено комплексное исследование сельского хозяйства. Данные этого исследования являются основным историческим источником по аграрной истории губернии, в частности — позволяют провести сравнительный анализ уровня развития земледелия коренного бурятского и русского населения. Попытка такого краткого анализа и представлена в данной работе.

В общем, по четырем округам губернии из пяти (Иркутский, Верхотенский, Балаганский и Нижнеудинский, — именно в этих округах проживали буряты) средняя обеспеченность землей иногородцев и русских приблизительно была одинакова. В Иркутском и Нижнеудинском округах первенствующую роль принадлежит русскому населению, а в Балаганском и Верхотенском округах — инородческому, т.е. бурятскому (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Том II. Иркутская губерния. Вып. 3. М., 1890; Вып. 4. М., 1890; Вып. 6. Иркутск, 1892).

Система полеводства и севооборота. По этому критерию исследуемые округа можно разбить на два более или менее различающихся между собой района. Первый, где, наряду с главенствующим значением двуполья, существует еще заметное влияние исчезающей переложной системы, и второй, где, наряду с тем же главенствующим значением двуполья, уже достаточно ясно намечены условия перехода к трехполью. К первому району относят почти бурятские ведомства округов и часть русских волостей Нижнеудинского и Балаганского округов (Усть-Удинская, Новоудинская, Заларинская и Зиминская). Здесь это обусловлено тем, что для бурятского населения с преобладанием скотоводства являются необходимыми земли с залежами под покосы. Как переходную ступень ко второму району, можно указать на земли приангарские Балаганского и Иркутского округа, в них русским населением было уже положено начало

навозному удобрению полей, а также ведомства Иркутского округа (Китойское и Капсальское), в них почти совершенно отсутствовали посевы на жниве, а система полеводства близка к чистому двуполью. Второй район — с зачатками трехполья — составлялся из волостей Балаганского и Иркутского округов (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Том II. Иркутская губерния. Вып. 3, 4. М., 1890).

Земледельческие орудия. Земледельческие орудия русского и бурятского населения мало отличались, использовались колесухи, рогалюхи для распашки земель, деревянные и железные сохи, косы-литовки, серпы и другие орудия. У бурят можно отметить орудие для обработки угугов — катку. Усовершенствованные орудия были применяемы в русских хозяйствах, такие как косилки заводского производства.

Посевы и урожайность. Озимая и яровая рожь, пшеница, ячмень, картофель, просо, гречиха — все это сеяло русское и бурятское население в конце XIX в., но основной культурой для бурят являлась яровая рожь (ярица). Это было обусловлено традициями употребления в пищу культур и бытовыми особенностями кочевого населения Сибири. У русского населения преобладали посевы озимой ржи. Также необходимо отметить то, что буряты картофель садили на поле, а русское население преимущественно на приусадебном участке (Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Том II. Иркутская губерния. Вып. 4. М., 1890; Вып. 6. Иркутск, 1892).

Урожайность русского и бурятского земледелия была примерно одинакова, но у русских — более стабильна. У русского населения посевы были равномерно распределены по всей Иркутской губернии, и они давали стабильный урожай. У бурятского населения уровень урожайности поддерживался в основном за счет Балаганского округа, почва которого была плодородна и не требовала дополнительных искусственных удобрений. Урожайность Иркутской губернии в целом соответствовала показателям Европейской части России.

Соотношение площади запашки по всем округам. Площадь запашки у русского населения в среднем составляла около 60 десятин на хозяйство, тогда как у бурят более 65 десятин на озимую и яровую рожь. То есть, земельные площади бурят, используемые для занятия земледелием, были обширнее аналогичных земель русского населения.

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что земледелие русского населения шло по интенсивному пути развития, а бурятского — по экстенсивному пути. Хотя и здесь уже заметны положительные тенденции. Не вызывает сомнения тот факт, что большая часть западных (иркутских) бурят к концу века занимались главным образом земледелием, а не скотоводством.

*А. Пастернак
ВСИ МВД*

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И КОРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Отношения к корейской миграции со стороны российской администрации менялось в XIX в. постоянно. Если в 60–70-х гг. XIX в. российские власти покровительствовали корейской иммиграции, то в 80-х гг. XIX в. первый Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф (1884–1892) был ее противником. Отношение генерал-губернаторов С.М. Духовского (1893–1898) и Н.И. Гродекова (1898–1902) к корейской иммиграции было более положительным, чем у А.Н. Корфа. Эти генерал-губернаторы были сторонниками использования корейцев для колонизации края и приема их в российское подданство с наделением землей. Они неоднократно принимали в российское подданство всех желающих корейцев. Кроме того, региональные власти покровительствовали тогда внешней миграции корейцев в Россию. В результате численность корейского населения Приморья выросла с 12 857 чел. в 1891 г. до 32 380 чел. в 1902 г. (Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск: ИГПИ, 1994. С. 71–74). Приамурский же генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер (1906–1910) заработал в корейской и отечественной литературе статус необычного для российской администрации чиновника — «кореененавистника» и даже расиста. Так, И.А. Хегай отмечал, что П.Ф. Унтербергер отличался от других генерал-губернаторов негативным отношением к корейцам (Хегай И.А. Корейская политическая эмиграция в годы Первой Мировой войны // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск: ИГУ, 1998. С. 256). Б.Д. Пак назвал один из параграфов своей монографии «Корейцы в Российской империи» — «Унтербергер и его антикорейская политика». Во многом вышеназванные

ученые повторяли оценку, данную П.Ф. Унтербергеру уполномоченным министерства иностранных дел В.В. Граве. Дореволюционный автор, рассматривая антикорейские мероприятия, проводившееся российской администрацией, напрямую связывал их с «мнением» генерал-губернатора края (Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 238).

Почему именно П.Ф. Унтербергер стал проводить политику по ограничению корейской миграции и труда во вверенном ему крае? Н.А. Соловьева в статье «Корейцы в России» видит причины антикорейской политики П.Ф. Унтербергера в нежелании ассимилироваться (Соловьева Н.А. Корейцы в России // Россия и АТР. 1993. № 2. С. 102–103). С.Г. Нам предпочла говорить об особом «германизме мышления» П.Ф. Унтербергера и назвала его «предшественником нацизма на дальневосточной окраине Российской империи» (Нам С.Г. Российские корейцы. История и культура (1860–1925). М.: ИВ РАН, 1998. С. 61). Подобная трактовка личности Унтербергера характерна и для зарубежной историографии. Так, Ю Хе Джон в своей работе «Европейский город в Азии. Владивосток», пишет, что антикорейская политика П.Ф. Унтербергера определялась его «мышлением» (Ю Хе Джон Европейский город в Азии. Владивосток // Россия и АТР. № 1. 2000. С. 46–47).

Вероятно, историки напрасно связывают антикорейскую политику с личностью П.Ф. Унтербергера, а не с социально-экономической политикой государства в регионе в целом. Когда П.Ф. Унтербергер исполнял обязанности военного губернатора Приморской области (1888–1897), его мнение о корейцах было не столь недоброжелательным. Он отмечал, что корейцы, в частности, живущие в Посъетском участке, приносят краю большую пользу как производством зерна и других сельскохозяйственных продуктов, так и выполнением земских повинностей — ремонтом дорог, представлением гужевого транспорта для перевозки казенных грузов. Фактически с его подачи было приостановлено отселение корейцев из Посъетского участка, ибо, по его мнению, исполнение данной меры в то время принесло бы «скорее вред, чем пользу».

Однако в начале XX в. отношение к корейцам у П.Ф. Унтербергера резко изменилось. Во всеподданнейших отчетах Приамурского генерал-губернатора за 1908, 1909 и 1910 гг. П.Ф. Унтербергер высказывался за выдворение корейских чернорабочих, против пребывания иностранцев в Чукотской области, иностранного труда на

частных золотых приисках и против аренды корейцами казенных земель (Всеподданнейшие отчеты Приамурского генерал-губернатора за 1908–1910 гг. Хабаровск: Тип. Приам. Ген.-губ., 1911).

Прежде всего отметим, что время управления краем П.Ф. Унтербергом (1906–1910) — это период массовых внутренних (российских) и внешних миграций в регион корейского населения. За годы столыпинской аграрной реформы (1906–1911) в Приморскую область, где в основном проживали корейцы, прибыло из центральных районов России 259 470 чел. Новоприбывших надо было размещать. Многие же земли оказались заняты корейцами, активно мигрировавшими в край после русско-японской войны. Общая численность корейского населения в Приморской области в период 1906–1910 гг. увеличилась с 34 399 чел. в 1906 г. до 50 965 чел. в 1910 г.

Вызывает интерес динамика численности той части российских корейцев, которые официально считались подданными России, в период губернаторства П.Ф. Унтербергера. Начиная с 1905 г., (не считая 1906 г. когда в Приморье прибыли корейские политэмигранты, запятнавшие себя перед японскими властями помощью российским войскам в годы русско-японской войны 1904-05 гг.), происходит сокращение числа корейцев-русскоподданных на Дальнем Востоке. Поскольку никаких внутренних миграций тогда не было, как и эпидемий, приходится признать, что корейцы-русскоподданные с 1905 г. стали покидать Приморье и оседать в богатой и плодородной Маньчжурии, где действовала КВЖД. Подобная миграция, в период резкого ослабления военного потенциала и политического веса России на Дальнем Востоке, могла положительно оцениваться российскими властями. Глава края просто не желал нести финансовые затраты ради населения с неопределенной политической ориентацией.

Стоит правда отметить, что бегство корейцев-русскоподданных из России объясняется главным образом их низким материальным уровнем, который не смогла обеспечить местная администрация.

В среднем корейцы имели менее 15 десятин земли и были самой малообеспеченной землей социальной группой на российском Дальнем Востоке. В результате корейцы были вынуждены брать землю в аренду у русского населения. Так, в начале XX в. в Посьетском участке только в двух селениях крестьяне сами обрабатывали землю, а в восьми пользовались услугами арендаторов-корейцев (Песочкий В.Д. Корейский вопрос в Приморье. С. 120; Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи.

С. 99–100). П.Ф. Унтербергер видел нищету корейцев и их нежелание рисковать жизнью ради России. Кроме того, П.Ф. Унтербергер подчеркивал, что социальное положение корейцев в крае ведет к тому, что они провоцируют русских к сдаче земель в аренду. Последнее же, в свою очередь, ведет к тунеядству российского населения. Также П.Ф. Унтербергер писал, что корейцы, иммигрируя, захватывают наиболее плодородные земли, а россияне вынуждены осваивать малопригодные для ведения сельского хозяйства почвы (Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 97, 99).

Таким образом, можно предположить, что необходимость предоставить земли россиянам-новоселам вызвала антикорейские иммиграционные меры генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера. Обострение «корейского вопроса» на Дальнем Востоке России стало прямым следствием столыпинской переселенческой политики.

А. Петрушин
ВСИ МВД

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАЧАЛА XX В. В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ ОКА-ТАГНИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ПОДРАЙОНА)

Вехой в истории России XX в. стала столыпинская аграрная реформа. До настоящего времени не утихают споры ученых-обществоведов о ее целях и результатах. В данной работе предпринята попытка рассмотреть результаты ее проведения на примере трех волостей Балаганского уезда Иркутской губернии, вошедших в состав Ока-Тагнинского переселенческого подрайона.

Решение созданию подрайона было принято после обследования в начале XX в. территории уезда поземельно-устроительной партией во главе с инженером Валицким. Партия, состоявшая из агрономов, землемеров, делопроизводителей и инженера, составила подробный генеральный план волостей, определила качество земли и степень ее водообеспеченности, составила полный реестр пустующих и занятых тайгой земель и планы предполагаемых участков, разметила подъездные пути. В итоге Ока-Тагнинский подрайон объединил Тагнинскую, Тыретскую и часть Холмогойской волостей Балаганского уезда. Начальником подрайона был назначен Адам Адамович Райнерт, проявивший себя на этом поприще как способный администратор.

На территории подрайона спешно была развернута работа по постройке дорог на указанные переселенческие участки. Но проводилась она некачественно, а иногда только на бумаге. В результате уже через год-два многие из дорог становились непригодными. Например, о дороге на участок Сачки А. Райнерт сообщал в губернское управление: «Существующая в настоящее время дорога труднопроезжая вследствие сильной лесистости, отсутствия гатей и мостов через небольшие болота — в чем лично убедился во время посещения участка, дорога эта требует массы труда».

Основной поток переселенцев хлынул в подрайон в 1907–1908 гг. При этом Ока-Тагинский подрайон не относился к разряду легких для обустройства. Переселенцам приходилось раскорчевывать большие площади, буквально отвоеывая у тайги каждую десятину. А разработать, сделать пригодной для сельскохозяйственного производства землю требовало огромных затрат сил и средств. Многие из переселенцев едва сводили концы с концами. Часть из них превратилась в сельских пролетариев — батраков, а многие просто вернулись. По данным за 1912 г. на поселение в подрайон прибыло более 400 семей, а водворилась (т.е. обосновалась и поставила свои дома) только 251. Но, несмотря на все трудности, большая часть переселенцев, приложив немалые усилия, все-таки прижилась.

Основным занятием населения было сельское хозяйство. Наиболее распространенными посевными культурами были озимая и яровая рожь, яровая пшеница, ячмень, овес, картофель, гречиха и др. Средний урожай составлял: озимой ржи — 2 сама; яровой ржи — 3; яровой пшеницы — 3; ячменя — 3,5; овса — 4,5; картофеля — 6; гречихи — 3. Площадь пахотных земель заметно увеличилась и составила: в Тагинской волости — 837 дес., в Холмогуйской — 5264 дес., в Тыретской — 3962 дес. Площадь сенокосов составляла: в Холмогуйской — 1076 дес., в Тыретской — 2064 дес., в Тагинской — 870 дес. Междуречье рек Оки и Тагны отличалось особым мягким микроклиматом, здесь полностью вызревали зерновые культуры, что удерживало многих поселенцев.

Переселенческое управление оказывало материальную помощь и выдавало вновь прибывшим ссуду. Чтобы дать возможность переселенцам получить дополнительный заработок, начальник переселенческого подрайона заключил договор на заготовку дров для Троицкого винокуренного завода и поставку шпал для железной дороги. Только за 1910 г. общая сумма этих работ составила 60–65 тыс. р., что дало возможность переселенцам иметь дополнительный заработок от 40 до 50 р. на семью.

Вопросы промышленного развития также оказались в сфере внимания А.А. Райнерта. Первоначально он лично договаривался с руководителями предприятий о работе для переселенцев. Затем А.А. Райнерт пришел к выводу, что необходимо самому управлению создавать предприятия или поддерживать наиболее предприимчивых переселенцев. Так, в 1910 г. к нему поступило прошение от крестьян-переселенцев участка Хохловский Тагнинской волости Я.Е. Строганова и П.Г. Кудрявцева, в котором говорилось: «С момента нашего водворения мы стали мечтать об улучшении нашего хозяйства в столь захолустном угле. Подумаю, порешили между собой застроить дегтярный двухкотельный заводик для изготовления чистого парового дегтя по Российской системе, которым мы в России занимались несколько лет и надеясь, что таковой деготь пойдет в потребу, потому что такового не встретишь в здешней местности, и он потребуется для кожевенных заводов и каждого домохозяина». Строганов и Кудрявцев закупили котлы и бересту для дегтя. Но средств для развертывания производства им не хватило. Поэтому предприимчивые переселенцы обратились за ссудой к А.А. Райнерту. Ссуда составила 300 р. и была после обследования имущественного положения просителей выдана переселенческим комитетом.

В 1912 г. переселенческий комитет устраивает близ села Тагны Балаганского уезда смолокуренно-скипидарный завод. Завод приносил небольшой, но стабильный доход, но самое главное — обеспечивал работой крестьян-переселенцев. В планах заведующего Ока-Тагнинским переселенческим подрайоном А. Райнерта было дальнейшее развитие своего подрайона. В деловой переписке он сообщал: «В дальнейшем имеется в виду развитие целой сети небольших кустарных заводов». Однако начавшаяся мировая война и последовавшие за ней бурные события не позволили осуществить эти планы.

Большинство переселенцев стремилось на участки, лежащие недалеко от железной дороги, населенных пунктов или более легкие для разработки. К началу мировой войны основной поток переселенцев был водворен. К концу 1915 г. на территории Ока-Тагнинского подрайона обосновалась 2281 семья (6202 души мужского пола).

Кроме экономических вопросов переселенческое управление финансировало строительство школ, медицинских пунктов и церквей. Из всех школ, построенных в подрайоне, более половины строились переселенческим управлением. В 1914 г. только в Тагнинской во-

лости действовало 9 министерских школ, а в Тыретской — 5 (без учета церковно-приходских). Всего же к 1912 г. в министерских и церковно-приходских школах в Холмогойской волости обучалось 196 детей (33% от общего числа детей в возрасте от 8 до 12 лет), в Тыретской — 451 (53%), в Тагнинской — 111 (14%). В среднем же получал образование только каждый третий. При этом образование было только начальным. Ни одного учебного заведения, дававшего среднее или 4-х классное образование, в это время не было.

До начала XX в. на территории подрайона не существовало медицинских учреждений. Ситуация изменилась в 1905 г., когда на государственные средства началось строительство больницы в с. Тагна. По тем временам этот больничный комплекс был одним из крупнейших. Он состоял из 3 корпусов для стационарного лечения, дома для персонала и хозяйственных построек. Тагнинская больница обслуживала жителей 4 волостей: Заларинской, Тыретской, Холмогойской и Тагнинской. С началом активного переселенческого движения в каждом из волостных сел открылись фельдшерские пункты. Таким образом, в районе складывалась система здравоохранения.

Переселенческое управление профинансировало строительство 4 церквей для удовлетворения духовных потребностей вновь прибывших. В 1912 г. была построена Хор-тагнинская Николаевская церковь. Первоначально она считалась походной и размещалась в приспособленном помещении, и лишь в конце 1912 г. для церкви построили отдельное деревянное здание. В 1911 г. началось строительство церкви на участке Петровском. Средства на строительство выделили: 6000 р. — Иркутский епархиальный «комитет по удовлетворению нужд переселенцев» и 3000 р. — А.А. Райнерт. Проект включал в себя деревянную церковь, колокольню, дом священника и дом для причетников. В 1912 г. к планируемой церкви подобрали причт, и уже в 1913 г. начались регулярные богослужения. Строительство было окончательно завершено в 1915 г. В 1913 г. для переселенцев открыли церковь на участке Бессарабском. Бессарабская Дмитриевская церковь не имела собственного здания и размещалась в помещении церковно-приходской школы. Со временем название участка — Бессарабский — было забыто, а село стали называть по имени церкви — Дмитриевским, а после революции — просто Дмитриевкой. В 1913 г. началось строительство церкви на участке Верхний. Строительство было закончено незадолго до революции. А причт определили к церкви только в конце 1916 г.

Таким образом, результатом переселения в Ока-Тагнинский подрайон стало хозяйственное освоение этой территории. Более 2000 семей, что составляло более 12 тыс. чел., было обустроено на новом месте. За короткий период на карте появились новые населенные пункты. Решались бытовые вопросы вновь прибывших.

*Т. Сахаровская
ИГПУ*

ВОПРОСЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ТРУДАХ В.Г. ТЮКАВКИНА

Во второй половине XX в. исследованием темы переселения крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы занимался В.Г. Тюкавкин.

Виктор Григорьевич Тюкавкин (1928–2002) — доктор исторических наук, профессор, заведовавший кафедрой истории СССР Иркутского государственного педагогического института, а затем кафедрой истории России Московского педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Он родился в забайкальском селе Александровский Завод Читинской области. Мать будущего ученого была из семьи участника польского восстания, сосланного в Сибирь. Отец был коренным сибиряком, выходцем из крестьянской семьи, сумевшим получить образование и стать служащим. В 1952 г. Тюкавкин В.Г. закончил ИГУ (Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин — ученик и продолжатель дела В.И. Дулова // Учителя, ученики... (Мат. регион. науч.-теорет. конф., посв. 90-летию В.И. Дулова). Кн. 1. Иркутск, 2003. С. 16).

В 1958 г. В.Г. Тюкавкин защитил кандидатскую диссертацию на тему, которая в то время была мало изученной — переселение крестьян в Восточную Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы. В план этой работы были включены такие разделы, как переселение крестьян в Восточную Сибирь с конца XIX в. до 1906 г., социально-экономические условия переселения крестьян в Сибирь в начале XX в., переселенческая политика и организация переселения в Восточной Сибири (1906–1914), влияние переселения на ее экономическое положение. Также автор упоминает о том, что в советский период о переселении крестьян в Сибирь в период столыпинской аграрной реформы не написано

ни одной монографии, общие вопросы переселения в этот период рассматриваются только в учебной литературе, в книге В.В. Покшишевского «Заселение Сибири» (Иркутск, 1951), а также в общих работах по столыпинской реформе (Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958. С. 2–3). В этом же году Тюкавкиным В.Г. была написана статья «Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг.». В ней автор рассматривает организацию переселения крестьян не в Сибирь в целом, а лишь в Енисейскую и Иркутскую губернии и Забайкальскую область. Также в этой работе он делает вывод, что исследование вопроса об организации переселения и о проведении переселенческой политики в жизнь в 1906–1910 гг. подтверждает, что главной ее целью было выселение как можно большего количества крестьян из Европейской России, чтобы ликвидировать в ней аграрный кризис. Такая политика вызывала целый ряд недостатков в организации переезда и устройства переселенцев и неудовлетворительную постановку переселенческого дела в целом. Царский государственный аппарат не был способен организовать переселение в таких широких размерах, которые могли бы влиять на аграрные отношения в центре страны (Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Ученые записки ИГПИ. Выпуск XVI. 1958. С. 140).

В 1966 г. В.Г. Тюкавкин защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма». Ему было всего 38 лет, но это не помешало взяться за исследование очень сложной и малоизученной темы — истории сибирской деревни периода империализма. Крупнейшие ученые-историки страны на защите диссертации в Институте истории АН СССР отметили «смелость, оригинальность и обоснованность выводов автора» (Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин — ученик и продолжатель дела В.И. Дулова... С. 18). В.Г. Тюкавкин, в частности, писал в своей работе: «Изучение истории развития капитализма на окраинах и, в частности, в Сибири, дает материал для постановки проблем о типе буржуазной аграрной эволюции, о темпах развития капитализма, о степени его проникновения в сельское хозяйство, о его уровне» (Тюкавкин В.Г. Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1966. С. 6–7).

В последние годы жизни Виктор Григорьевич Тюкавкин вновь обратился к истории столыпинской аграрной реформы. В 2001 г. вышла в свет монография ученого «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа», которая является значительным вкладом в исследование истории нашей страны, поскольку автор с присущей ему глубиной изложил в ней все свои знания, полученные в результате длительнейшей работы в архивах страны, представил современное видение изучаемой проблемы (Занданова Л.В. В.Г. Тюкавкин — ученик и продолжатель дела В.И. Дулова... С. 19).

В своей работе «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа» Тюкавкин В.Г. рассматривает переселение за Урал (историографические заметки). В IV главе автор пишет: «Переселение крестьян в Азиатскую Россию в период столыпинской аграрной реформы привлекало внимание исследователей еще в дореволюционный период (А.А. Кауфман, Г.К. Гинс, В.П. Воцинин, И.Л. Ямзин, Н.П. Огановский и другие). Все эти работы были основаны на опубликованных источниках и представляют интерес только с точки зрения анализа фактического материала, а не его полноты, поскольку этот материал постоянно пополнялся» (Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 221).

В разделе о переселенческой политике царизма Тюкавкин В.Г. упоминает, что «Закон о переселении 6 июня 1904 г., хотя и сохранил сложную процедуру получения разрешений, но впервые объявил свободным переселение без льгот: каждый желающий мог ехать за свой счет (продолжал действовать закон 1896 г. о предварительной посылке ходока, но проверить это было невозможно и принудительного возвращения, как ранее, не существовало). Таким образом, легализировалась самовольное переселение. Какое это имело значение, можно судить по его роли в прошлом. За триста с лишним лет владения Сибирью из трех основных видов колонизации: правительственного заселения, ссылки на поселение и «вольнонародного» переселения (так историки и писатели называли самовольные миграции) — значительно преобладало последнее» (Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство... С. 223). Много внимания он уделяет положению 10 марта 1906 г., статистическим данным по движению самовольных переселенцев в Сибирь, а также причинам переселения. Он ссылается на А.А. Кауфмана, который называл главную причину переселения — относительно малоземелье (Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство... С. 227).

В работе В.Г. Тюкавкин выделяет следующие разделы: организация переезда переселенцев, количество переселенцев, подготовка колонизационного фонда за Уралом, водворение переселенцев по районам, устройство переселенцев на местах поселения, денежные ссуды переселенцам и многие другие.

Виктор Григорьевич Тюкавкин относится к ученым, которые имеют особое значение в исторической науке. Его труды содержательны и интеллектуальны. Он был одним из авторов учебников «История СССР. 1861–1917 гг.» (1990) и «Новейшая история Отечества. XX в.» (1998). Он являлся автором своего последнего, авторского, учебника «История России. XIX в.» (2001). Исследования В.Г. Тюкавкина дают толчок для дальнейшего рассмотрения такой темы, как переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы.

Н. Татарникова
БГУЭП

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Начало экономическим преобразованиям в деревне положил Ленинский декрет о земле, принятый Вторым Всероссийским съездом Советов 26 ноября 1917 г. Все земли с их недрами и леса безвозмездно передавались в общенародную собственность. Помещичьи, монастырские, церковные и частновладельческие имения вместе со всем «живым и мертвым» инвентарем переходили в распоряжение волостных и уездных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Земли и инвентарь трудящихся крестьян и рядовых казаков конфискации не подлежали.

Все главные положения Декрета и принципы его осуществления нашли дальнейшее развитие в «Основном законе о социализации земли», принятом ВЦИК 27 января 1918 г. и одобренном III Всероссийским съездом Советов. Закон подтверждал уравнительный принцип распределения земель между крестьянами и в то же время обязывал Советы содействовать возникновению и развитию в деревне коллективного социалистического земледелия. Уездные крестьянские съезды, созванные в конце 1917–начале 1918 гг., подавляющим большинством голосов высказались за немедленное проведение его в жизнь.

В деревне возникли различные органы учета и распределения земли. В Омском уезде из представителей крестьян, казахского населения и казачества было создано 13 районных комиссий землеустройства, работавших под руководством Омского уездного Совета, в некоторых уездах Тобольской губернии организованы комиссии из членов уездных земельных съездов. На Алтае, в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях действовали земельные комитеты. В январе–марте 1918 г. дело непосредственного осуществления аграрных преобразований в большинстве районов взяли в свои руки земельные отделы, созданные при Советах.

Всеобщего учета земель в 1918 г. не было. Учету подлежали свободные внеадельные земли, запасные и арендные участки, некогда принадлежавшие казне, Кабинету и казачьим войскам. Аграрные преобразования разворачивались по мере установления Советской власти, и в отдельных районах Сибири к лету 1918 г. находились на различной стадии подготовки и осуществления. Они стали проводиться в жизнь там, где острее чувствовался недостаток земли, раньше сложились бедняцко-средняцкие Советы и сильнее было большевистское влияние в деревне, преимущественно это — районы, близкие к железной дороге и рабочим центрам, а также местности с кабинетским землевладением. Здесь началось дополнительное наделение безземельных и малоземельных крестьян за счет свободных земель по нормам, установленным самими крестьянами в зависимости от числа едоков или трудоспособных. В некоторых районах ограничивалось кулацкое землепользование, но в целом кулачество еще сохранило свою силу. В ходе осуществления Декрета о земле в общенародную собственность перешли частновладельческие имения. При этом был взят на учет, а затем конфискован живой и мертвый инвентарь имений, земств, частных складов и складов переселенческого управления. Енисейский губисполком предоставил право сельским и волостным Советам самостоятельно распоряжаться живым и мертвым инвентарем для оказания помощи бедноте, отчуждать излишки хлеба у кулаков в счет семенного фонда.

Принципиально новым явлением, положившим начало социалистическому преобразованию деревни, было образование коллективных хозяйств. Первые сельскохозяйственные коммуны в Сибири создавали рабочие Петрограда и Москвы, местные крестьяне-бедняки. Первую трудовую сельскохозяйственную коммуну, организованную петроградскими рабочими в с. Гымыль Черемховского уезда Иркутской губернии, Народный

комиссариат земледелия называл одной из лучших в стране. В Енисейской губернии было создано 20 коллективных объединений-коммун, сельскохозяйственных и промысловых артелей.

На базе частновладельческих имений зародилась и другая форма социалистического хозяйства — совхозы. Один из них был создан в экономии Четверикова (Енисейская губерния), занимавшей 40 тыс. десятин земли и насчитывавшей десятки тысяч овец. Отдел сельского хозяйства Алтайского губисполкома организовал на базе национализированного конного завода Винокурова племенное хозяйство. Славгородский уездный Совет крестьянских депутатов в марте 1918 г. вынес решение об организации сельскохозяйственного училища в бывшем имении Сорокиной. Советские хозяйства создавались и в других местах Сибири.

Проведение аграрных преобразований встретило сопротивление кулаков, руководимых эсерами. Они организовывали кулачество в группы «Крестьянских союзов» и через них агитировали трудящихся крестьян за выступление против Советской власти и Ленинского декрета о земле. Как отмечали крестьяне-делегаты III Западно-Сибирского съезда Советов крестьянских депутатов, агитация эсеров успеха не имела, трудящиеся крестьяне пошли за большевиками, потому что «их программа совпадает с нашими желаниями и нуждами» (История Сибири: В 5 т. Т. 4. Л.: Наука, 1968. С. 81).

Зажиточные крестьяне с трудом отказывались от своих земель. В некоторых случаях они оказывали вооруженное сопротивление. Так, например, в с. Ельцовка Бийского уезда кулаками были убиты 5 крестьян-бедняков, приехавших в село из таежных поселков для перераспределения кулацких земель.

Во время аграрных преобразований усилилось размежевание классовых интересов различных групп крестьянства. Кулаки выдвигали требование: «Кто сколько и как сможет, тот столько и сеет». Середняки к этому добавляли: «Своим трудом» (История Сибири: В 5 т. Т. 4. С. 81). Но когда дело доходило до сдачи хлеба государству, кулаки требовали проводить сдачу хлеба не с десятины посева, а с души. В марте 1918 г. корреспонденты советских газет Енисейской губернии сообщали, что в с. Балахта Ачинского уезда и станице Таштыпской Минусинского уезда крестьяне резко разделились на партии «буржуазии» и «большевистскую», богатей и бедноту, и что между ними идет ожесточенная борьба.

Аграрные преобразования в Сибири проходили в сложных и трудных условиях. В силу более позднего установления власти

Советов во многих сельских районах Сибири к началу аграрных преобразований еще не успели сложиться органы Советской власти или были созданы общекрестьянские Советы, в которых нередко верховодили кулаки. Большие трудности возникали из-за слабости или отсутствия в деревне большевистских партийных организаций. В первой половине 1918 г. во многих уездах Сибири не было партийных организаций даже в уездных центрах.

В целом по Сибири аграрные преобразования затянулись и не были завершены к моменту временного падения власти Советов. Однако крестьяне Сибири все же получили ощутимые материальные выгоды. Национализация ликвидировала сословный характер землевладения. В собственность Советского государства перешли все земли, принадлежавшие ранее казне, Кабинету, частным владельцам, церквам и монастырям. Декрет о земле закрепил за крестьянами участки, захваченные ими еще весной–летом 1917 г. Отношения аренды, существовавшие между казной, Кабинетом и управлением казачьих войск, с одной стороны, крестьянами и трудовым казачеством — с другой, потеряли силу, и арендные участки (в Западной Сибири они составляли более 4 млн десятин) вместе с частновладельческими и церковными землями перешли в пользование крестьян и казаков.

В результате преобразований сибирской деревни сложилось коллективное хозяйство в форме коммун, промысловых артелей. Зародилась форма социалистических хозяйств — совхозы. Эти процессы происходили в обостренной политической борьбе, затянулись и не были завершены.

*А. Тизенберг
ВГУЭП*

ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЯКУТОВ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Якуты — тюркское племя (потомки курыканов), появившиеся на территории современной Якутии в конце XIII в. Основным занятием якутов было скотоводство, главным образом коневодство. Попав на берега Лены с ее огромными рыбными богатствами и в тайгу с ее обилием всякого зверя, они занялись также охотой и рыболовством. До середины XIX в. хозяйство якутов носило замкнутый характер, хозяйственная деятельность якутов была направлена, главным образом, на обслуживание лишь собственных потребностей.

Во второй половине XIX в. районы расселения якутов по-прежнему считались далекой окраиной России. По данным ревизии 1858 г. коренное население Сибири составляло 648 000 чел., а по переписи 1897 г. — 822 600 чел. Среди них якутов было 226 700 чел., по численности они находились на втором месте после бурят (Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири. Т. 1. СПб., 1912. С. 16).

Примерно с шестидесятых годов XIX в. в жизни этих областей происходили большие изменения. Открытие золота и возникновение приисков на реках Витиме, Олекме, Вилюе и Лене послужили причиной резкого изменения хозяйственной деятельности Якутского населения. В горах Верхоленья добывали свинец, а на Вилюе — соль. Прииски с их оживленной жизнью, с притоком большого количества рабочих и просто «охотников за золотом» предъявили огромный спрос на продукты питания. Из якутских улусов и наслегов в большом количестве вывозились мясо, масло, жир, хлеб, рыба, сено. На прииски перегоняли лошадей и рогатый скот. В верховьях реки Лены в то время уже существовал промышленный лов рыбы.

В конце пятидесятых годов XIX в. по Лене начали ходить речные суда; летом вся продукция вывозилась водным транспортом, зимой — на лошадях. В якутских улусах в то время появилось много мелких торговцев и агентов крупных фирм, скупавших пушнину, скот, масло. Денежные обороты от поставки мяса на золотые прииски были в то время значительно выше, чем от продажи пушнины на российском внутреннем рынке. Скот, продукты скотоводства, сено превращаются в товар.

Проникновение капиталистических отношений в те районы, где жили якуты, становится особенно ощутимым в последней четверти XIX в. с открытием Сибирского железнодорожного пути и судоходства по Лене. На месте Якутского острога, основанного в 1632 г. енисейскими казаками для сбора ясака, к концу XIX в. уже вырос город Якутск, в котором к началу XX в. проживало около 6000 жителей. В Якутске ежегодно проходили летняя и зимняя ярмарки. На эти ярмарки из других городов России привозили ткани, одежду, обувь, ружья, табак, свечи, мыло, керосин.

Основу хозяйства якутов составляло скотоводство, которое было развито особенно сильно в Якутском и Вилюйском округах. В Олекминском округе главным занятием было земледелие. В Верхоянском и Колымском округах было развито оленеводство, рыболовство, охотничьи промыслы. Якуты зани-

мались также поиском бивней мамонта. Практически во всех округах, за исключением Колымского, коневодство постепенно отступило на второй план по сравнению с разведением молочно-мясных пород крупного рогатого скота. В 1899 г. Якуты имели примерно 103 000 лошадей и 276 000 голов крупного рогатого скота (История Сибири: В 5 т. Т. 3. Л.: Наука, 1968. С. 91).

Территория Якутии была огромной, свободные земли составляли огромные площади, пастбища и сенокосные участки были разбросаны. Этими факторами объясняется то, что якуты жили очень распыленно, расстояния между юртами порой достигали нескольких километров. Жили якуты в бревенчатых юртах, которые отапливались с помощью чувала, напоминающего европейский камин. К юрте примыкал хотон — бревенчатый загон для скота, в котором животных держали зимой. Летом якуты переводили и лошадей и рогатый скот на пастбищное содержание. Необходимость заготавливать сено в большом количестве вынуждала якутов к оседлости. Сено косили железной косой на кривой рукоятке — горбушей, но в начале XX в. ее заменили русской косой — литовкой. У русских крестьян якуты заимствовали зерновые культуры, орудия труда, способы обработки пахотных земель. К началу XX в. у якутов значительно выросли посевные площади. Богатые якуты обзаводились железными плугами, а позднее — сельскохозяйственными машинами: сеялками, молотилками, веялками. Часть лесов якуты вырубали под пашню, оставляя лес, вокруг полей для защиты от ветров и заморозков. Урожай зерновых были достаточно высоки. Для расширения сенокосных угодий якуты осушали болота, спускали воду из озер, а для орошения сухих долин строили плотины. Благодаря этому якуты увеличивали запасы кормов и расширяли пашню. Новые орудия труда, увеличение сенокосных участков, расширение рынка сбыта сельскохозяйственной продукции способствовали развитию животноводства. За период с 1895 г. по 1917 поголовье крупного рогатого скота у якутов выросло почти в два раза.

Одним из основных промыслов у якутов во все времена была охота. Добывали шкурки соболя, песца, белки, горностая, бобра. Кремниевая винтовка и ловушки — орудия охоты. Пушнину сбывали на ярмарках и приезжим скупщикам. Якутия богата водными ресурсами, поэтому у якутов всегда было развито рыболовство. Ценные породы рыб (нельма, муксун, ряпушка, сиг, таймень, чир) и икра служили не только продуктами питания для местных жителей, но вывозились на прииски и успешно сбы-

вались на ярмарках. Якуты занимались также заготовкой строительного леса и дров, вывозили лес в города и на прииски.

Из ремесел наибольшее развитие у якутов получило кузнечное дело. Якуты занимались добычей железной руды открытым способом и выплавляли из нее железо. С незапамятных времен у якутов была развита «домашняя промышленность»: обработка древесных материалов (изделия из дерева и бересты), выделка меха и кожи. Из дерева якуты изготавливали посуду, домашнюю утварь. Из меха и кожи делали одежду, обувь, ковры, одеяла. К началу XX в. у якутов было неплохо развито гончарное ремесло.

Таким образом, в начале XX в. в хозяйстве якутов, как и всех коренных народов Сибири, происходили значительные изменения. Развивалось земледелие, в связи с этим совершался переход от кочевого образа жизни к полукочевому и оседлому быту. Стоились дома русского типа, амбары, мельницы, магазины. Натуральный обмен уже был вытеснен товарно-денежными отношениями. Укреплялись связи якутов с российским рынком, а ценная пушнина поступала и на внешний рынок. Огромную роль в развитии хозяйства народов Сибири сыграло строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Хозяйство коренных народов Сибири в начале XX в. все больше и больше вовлекалось в общий процесс капитализации и экономического развития России.

*М. Штыопис
БГУЭП*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АГРАРНЫХ РЕФОРМ НАЧАЛА XX В. В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЕ ВЕСТИ»)

Россия вступила в XX в. как страна поздней индустриализации, сельскохозяйственная и земледельческая. В том экономическом росте, который она переживала до 1913 г. в течение примерно 30 лет, ведущая роль принадлежала аграрному производству. Доля сельского хозяйства в народном доходе превышала долю фабрично-заводской промышленности почти в три с половиной раза.

В России крестьянское землевладение преобладало над частновладельческим. Крупные землевладельцы имели в своих руках примерно четверть всех земель сельскохозяйственного пользования, а трудовому крестьянству принадлежало свыше

2/3 удобной земли. Крестьянское хозяйство выступало на первый план как поставщик сельскохозяйственных и интенсивных культур, продуктов животноводства.

Однако аграрное развитие было противоречивым. Наряду с позитивными сдвигами, вызванными реформой 1861 г., продолжала существовать община, в которой многие видели фактор сдерживания развития сельского хозяйства. Крестьянин не был наделен собственностью, и весь строй крестьянской земельной общины выступал не как правовой, а как антисобственнический. Другая отрицательная сторона общины — ограничение инициативы, понижение подвижности населения, его хозяйственной энергии, что диктовалось сущностью общинных порядков землепользования. Все эти проблемы была призвана решить аграрная реформа П.А. Столыпина, которая, однако, в свою очередь породила новые противоречия. Ее ход и результаты активно обсуждались на страницах сибирских газет.

В газете «Сибирские вести» от 26 сентября 1912 г. была опубликована статья «Результаты земельной реформы (разрушение общины)», в которой приводятся факты совершенного уничтожения деревень в Европейской России, ввиду перехода членов общин на хутора. В статье подвергается критике позиция авторов центральных газет, которые с восторгом отзываются о разрушении общины и видят в столыпинской реформе логическое продолжение того «раскрепощения крестьян», которое провозгласил Манифест 19 февраля 1861 г. Статья вскрывает причины указа 9 ноября 1906 г., который «имел в виду не интересы крестьян, а был издан с целью борьбы с революцией путем внесения раздора в крестьянские массы и привлечения на сторону правительства «сильных» из них, то есть мироедов, кулаков и т.д.». Авторы статьи справедливо указывают на то, что число крестьян, вышедших из общины, искусственно завышается: «Число домохозяев, перешедших в личную собственность, должно считаться более 5 ½ миллионов». Но эта цифра сложилась, оказывается, из 1 621 981 домохозяев, укрепивших наделы согласно указу 9 ноября, и 3 ½ миллиона домохозяев общин, непроизводивших переделов и зачисленных в число единоличных владельцев согласно закону 14 июня. Таким образом, даже по утверждению октябристов, перешло в личную собственность только 1622 тыс. домохозяев, т.к. 3 ½ миллиона домохозяев зачислены единоличными владельцами. Но быть зачисленным и перейти в единоличное владение не одно и то же». В номере газеты «Сибир-

ские вести» от 2 октября 1912 г. было опубликовано окончание статьи, в котором дана нелюбимая характеристика методов разрушения общины. По данным газеты, десятки общин прекращают свое существование по вине 3–4 домохозяев и огромное большинство домохозяев оказываются перешедшими в число единоличных владельцев помимо своего желания. «Все это показывает, что земельная реформа благодетельствовала слою крестьян, уже порвавших с земледелием, рядовое же крестьянство не спешит воспользоваться предоставленными ему правами выйти из общины и если это и делает иногда, то под давлением извне». Далее газета подвергает критике порядок продажи надельной земли не членам общины. Вследствие этого крестьянское землевладение обречается на сильное сокращение, а крестьянские массы на пролетаризацию и обнищание, следовательно «...закон 14 июня является действительно раскрепощением крестьян, но только не от общинных уз, а от земли. С изданием указа 9 ноября, а затем и закона 14 июня явилась возможность для крестьян избавиться навсегда от той общинной земли, которая служила им как бы страховкой от безземелия и от окончательного обнищания, и вместе с тем облегчились условия попасть в кабалу к кулакам, может быть из своих же односельчан, посредством этой самой свободной земли».

Таким образом, иркутскую либеральную печать интересовало не только переселение крестьян в Сибирь, как следствие столыпинской реформы, но и непосредственно ее проведение в Европейской части России. При этом журналисты не скрывали своего отрицательного отношения к методам проведения реформы и прямо указывали на то, что она имеет не экономическую, а политическую подоплеку. Возможно, что подъем интереса сибирской печати к процессу разрушения общины был инициирован поездкой П.А. Столыпина в Западную Сибирь, в ходе которой он высказался за распространение законов, разрушающих общину, на сибирские территории.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

*О. Баловацкая
ИГУ*

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уровень преступности является важнейшим показателем социального, экономического и морального состояния общества. В конце XIX в. и до 1920-х гг. российская преступность активно изучалась русскими учеными, в первую очередь статистиками и криминологами. С 1930-х гг. интерес к изучению дореволюционной преступности резко упал, т.к. проблема попала в «черный список». В 1960 г. вышла единственная книга по истории преступности в России, в которой были проанализированы данные, собранные еще дореволюционными криминологами (Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960).

Возобновилось изучение дореволюционной преступности в связи с возросшим интересом историков к социальной истории России, уже в постперестроечное время. Первая работа, в которой была поднята тема преступности периода империи, была монография Миронова Б.Н. «Социальная история России», в которой автор уделил изучению дореволюционной преступности целую главу.

После проведения в 60-х гг. XIX в. демократических преобразований в обществе преступность стала неуклонно расти и в 1911–1913 гг. примерно в 3,4 раза превысила уровень преступности 1850-х гг. (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.): В 2 т. Т. II. Преступность в России в XIX–начале XX в. СПб., 1999. С. 96). Криминальный акцент значительно сместился в сторону экономических правонарушений. Особенно быстро росло число преступлений против собственности частных лиц и в 1909–1913 гг. их доля составляла уже 55% всех преступлений (Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 91).

Представление о преобладающих видах преступлений дает таблица, приведенная в работе А. Трайнина, основанной на данных «Сводов статистических данных по делам уголовным» за

период с 1897 до 1904 гг. (Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7. С. 23):

**Процентное отношение отдельных родов преступлений
к общей сумме**

Место совершения	Кражи	Разбой, грабеж	Мошеничество	Против общественной нравственности	Против порядка управления	Служебные	Убийства / телесные повреждения	Самоуправство
В столицах	52,67	3,68	0,96	8,12	5,50	1,66	2,89/6,25	0,11
В городах	42,35	4,67	0,85	4,36	12,97	2,89	3,92/9,28	0,32
В уездах	21,72	3,05	0,25	5,30	14,07	4,06	6,32/21,07	1,02

Мы видим, что кражи по числу свершений занимали первое место как среди жителей столиц и городов, так и среди жителей уездов.

Кражи, разбой и грабеж — самая распространенная форма экономических преступлений в конце XIX—начале XX в., преобладающая в городах. Разбой и грабежи — спутники низкой культуры, представителей которой в городах было с избытком. В деревнях же они, согласно статистике, реже встречались. С одной стороны — деревенская обстановка не блистала роскошью, способной служить приманкой для разбойников. С другой, — грабеж и кражи в деревнях, в действительности, — не редкое явление, тем не менее, статистики приводили невысокие показатели. Трайнин объясняет это тем, что в представлении крестьянского мира все кражи делятся на две категории: кража мелких вещей и хозяйственной утвари и кража домашних животных. Дела первого рода (до 300 р.) были подсудны волостному суду и потому не входили в приводимый обзор. Кража животного — это уже целое событие деревенской жизни. Если вор был пойман или лишь заподозрен крестьянами, они его судили своим судом, а на скамье подсудимых в государственном суде оказывался не сам вор, а его односельчане по обвинению в самоуправстве. Таким образом, дела о самоуправстве как бы заслоняли собой стоящие за ними кражи.

Служебные преступления занимали по частоте свершений 6–7 места. Из таблицы видно, что самые высокие показатели по служебным преступлениям принадлежали уездам, ниже — городам и самые низкие — столицам. Из чего следует, что условия для свершения служебных преступлений были одинаково благоприятны и в городах и в деревнях. Зато чиновничество в

городах было представлено значительно шире, чем в уездах. К тому же, городское население, благодаря оживленной торговле, значительно чаще сталкивалось с чиновничеством, и на этой почве возможны были случаи служебных злоупотреблений. Собственно, этим видом преступлений всегда грешили чиновники провинциальных городов. В уездах служебные преступления тоже были не редкость и суммы расхищались порой не малые. Служебная дисциплина в столицах была значительно выше, чем в остальной части России. Но был еще один важный момент. В столицах злоупотребляли в особо крупных размерах в основном представители высшей бюрократии (Корелин А.П. *Дворянство в пореформенной России. 1861–1904*. М: Наука, 1979. С. 115–117). Но если злоупотребления и вскрывались, то их старались замять и не доводить до суда, потому как дела такого рода, так или иначе, компрометировали фамилии высокопоставленных особ.

По криминогенности сословий в 1858-1897 гг. первое место принадлежало купцам, второе — мещанам и ремесленникам, третье — дворянам, четвертое — крестьянам, пятое — духовенству (Миронов Б.Н. *Социальная история России...* С. 95). Причем, с 70-х по 90-е гг. XIX в. в два раза увеличился удельный вес купцов в общем числе осужденных (Остроумов С.С. *Преступность и ее причины в дореволюционной России*. М: Изд-во Московского ун-та, 1980. С. 39). За этим кроется бурное развитие промышленности и торговли, что вело к росту числа специфических для купцов и фабрикантов преступлений: фиктивных банкротств, мошенничества, нарушений уставов торговли и промышленности, подкуп чиновников и др.

Среди осужденных всех званий вообще на первом месте стояли кражи, за которые были привлечены к ответственности более 70% всех осужденных. И только в дворянской преступности кража занимала третье место. Первое место в дворянской преступности занимали служебные преступления и преступления против порядка управления, а также чаще чем у остального населения встречались подлоги и хищения правительственных актов, подлоги в актах и обязательствах частных лиц (Тарновский Е.Н. *Статистика преступности лиц дворянского сословия // Вестник права. 1900. № 9. С. 18–20*).

Служебные преступления, естественно, чаще всего были распространены среди дворян, как главного «служилого» сословия. В последней трети XIX в. дворянство находилось в состоянии

экономического кризиса, катастрофически быстро разорялось. После 1861 г. дворянство потеряло многие свои привилегии. Доля дворянского предпринимательства была очень мала. Как один из возможных источников доходов у дворян оставалась государственная служба. К 1897 г. потомственные дворяне занимали более 2/3 всех высших должностей и более 1/3 всех средних (Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 94). С другой стороны в рассматриваемый период наблюдается законодательное стеснение предпринимательской деятельности буржуазии, зависимость капиталистов от правительственных льгот и субсидий (в России активно развивался государственный капитализм). В результате там, где интересы влиятельных чиновников и крупных предпринимателей пересекались, возникали коррупционные связи и взяточничество. В это время возникла целая прослойка дельцов — посредников, которые связывали интересы влиятельных чиновников и буржуазии. Злоупотребления, связанные с предпринимательской горячкой, в министерских канцеляриях приобрели такой размах, что привлекли внимание III отделения. Например, в 1876 г. там разбиралось дело о взяточничестве министра финансов Кобеко (Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М.: Мысль, 1974. С. 67). Известно о взятке в размере 500 тыс. франков от французской банковской фирмы Ротшильда, полученной министром финансов Вышнеградским (Витте С.Ю. Воспоминания. М: Социально-экономическая литература, 1961. Т. I. Гл. 4) и т.д. Существовавшая концессионная система позволяла посредникам наживать многомиллионные состояния. В роли таких посредников выступали как члены императорской фамилии, включая самого царя, как приближенные к ним люди (например, за подряд на строительство Севастопольской дороги брат фаворитки царя М. Долгорукий получил за свое ходатайство перед императором от некоего Губонина 800 тыс. р.) или представители Комитета министров, так и дворянские общества и земства (Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 115).

Мошенничество, равно как и подделка денег и ценных бумаг, не получили в рассматриваемый период широкого распространения. Мошенничество предполагает определенный уровень культуры. Соответственно, внутри русской деревни, где все общественные связи были достаточно просты, где механизм обмена был слабо развит и тоже прост, мошенничеству было мало места. В городах это явление было более заметно. Большой резонанс в конце

1870-х гг. получило дело «Клуба червонных валетов», в котором из 48 обвиняемых 36 принадлежало к высшим слоям общества, в том числе 28 преступников были дворянами. За девять лет существования «Клуба» преступники совершили более 120 преступлений, из которых 42 были квалифицированы как мошенничество.

В заключение отметим, что хотя во второй половине XIX–начале XX вв. преступность постепенно приобретает системный характер, а преступные сообщества — черты стройной организации, окончательному становлению преступности как системы препятствовала мощная государственная машина.

А. Безруков
НГУ

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ДИНАСТИИ СИБИРЯКОВЫХ)

Проблема первоначального накопления капитала — одна из важнейших в экономической истории. Без рассмотрения этого процесса невозможно увидеть закономерностей развития купеческих капиталов. Именно в процессе первоначального накопления сложились основные капиталистические принципы дальнейшего ведения дела.

Как правило, в начале своей деятельности предприниматель еще таковым не являлся, т.е. не извлекал выгоду для того, чтобы получать прибыль как источник личного достатка и дальнейшего наращивания капитала, он всего лишь занимался этим, чтобы прокормить себя (Козлова Н.В. Государственная власть и частный капитал в XVIII в.: характер взаимоотношений // Отечественная история. 1998. № 6. С. 14). Важно понять, какие факторы позволяли ему накапливать средства, из которых он в будущем извлекал выгоду. Мы выделим две группы таких факторов: условные (относящиеся к личности человека) и безусловные (место, время и т.д.).

М. Вебер и В. Зомбарт доказали, что развитие капитализма зависело напрямую от реформированной религиозной системы в Европе. На Западе протестантизм, особенно в кальвинистском варианте, был обращен к земным ценностям и опирался на догмат об избранности к спасению, иначе — безусловном определении. Успех предпринимательской деятельности становился лучшим доказательством собственного спасения.

В России же купцы были православными по своему воспитанию и традициям. Отличительной чертой русского национального менталитета было отсутствие культа богатства (Семенова А.В. Менталитет купечества в период становления российского предпринимательства // Отечественная история. 1998. № 6. С. 21). Обилие поговорок, сохранившихся в русском языке («Деньгами души не выкупишь», «Богатому черти деньги куют», «Грехов много, да и денег вволю» и т.д.), отражают вполне определенное отношение русского человека к этой стороне жизни.

«Греховность» капитала исходила не столько из религиозных постулатов, сколько из способа его первоначального накопления. Фактор личности предпринимателя здесь выходит на первый план. Такие люди не были особо богобоязненными и всегда выделялись особой неусидчивостью и инициативностью, а часто и безнравственностью.

Вышесказанное подтверждается многими фактами из истории предпринимательства относительно к XVIII в. Часто механизмы накопления капитала отражаются уже в более поздних документах. О нравственном облике представителей династии Сибиряковых свидетельствуют документы, относящиеся к концу XVIII в. Наиболее одиозные представители — Михаил Васильевич Сибиряков и его сын Петр.

М.В. Сибиряков стал купцом уже в 17 лет, в 1787 г. был избран первым иркутским городским головой. Его предпринимательская деятельность охватывала всю Восточную Сибирь. Его нравственный облик отражен как в летописях, так и газетах тех лет. Он мог, например, когда ему было необходимо, брать самовольно из общественной кассы деньги, выплаты растягивал на года, а затем и вообще сводил на нет. Сибиряков также использовал свое выборное положение в корыстных целях, за что в 1799 г. был снят с должности городского головы. Обогащался он и за счет известного рыльского купца Шелехова. Сибиряков занимал у него шкурки морских бобров по 25–30 р. при рыночной их цене 100 р. (Душкин А.И. «Держали имя свое грозно...»: иркутские купцы Сибиряковы // Банки. Налоги. Финансы. 1997. № 15). Апофеозом злоупотреблений Сибирякова стала его ссылка в 1809 году в Нерчинск, где он и умер. Сослан он был по знаменитому «делу о Сибирякове и Мыльникове» (Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 461–482).

О его сыне Петре известно меньше. Он занимался отправкой судов со свинцом из Верхнеудинска по доверенности отца. Его

нравственный облик иллюстрирует небольшой полицейский документ (НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 324). Промышленник, увидев своих рабочих в пьяном виде, принялся их бить; за мещанина Шадрина вступилась беременная жена, однако, разъяренный хозяин избил и ее. Позже, в полиции, шло долгое разбирательство, где Сибиряков отрицал избивание беременной. Так или иначе, данный факт показывает жестокий нрав и отсутствие моральных ценностей у купца. Несомненно, такие качества были двигателем успешного дела отца.

Таким образом, налицо наличие преемственности традиций накопления капитала внутри конкретной династии. Очевидно, что они стали поводом к последующему самооправданию Сибиряковых перед обществом: в XIX в. они прославились как одни из самых щедрых благотворителей.

Помимо нравственного облика купца и его поведения немаловажную роль в накоплении капитала играли и безусловные факторы. Сюда относим фактор времени зарождения конкретной династии (в нашем случае Сибиряковых), места, политической и экономической «почвы», на которой капиталу предстояло развиваться.

Интересующее нас семейство Сибиряковых начинало свою деятельность в Посольском монастыре на Байкале, об этом свидетельствует один немаловажный документ (Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 38). Основатель династии — Афанасий Сибиряков — монастырский крестьянин. По сообщению Чулкова «...на сем водяном пути [к китайской границе]... наось через Байкал до Посольского монастыря считается 96 верст, у которого места суда, опоздавшие итти вверх по реке вверх по Селенге пристают и выгружаются, также и обыкновенная зимняя дорога лежит мимо сего монастыря...» (Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. Т. III. Кн. 1. М., 1785. С. 83). Несомненно, что толчком для начала предпринимательской деятельности Сибиряковых послужил фактор расположения монастыря.

Экономическая же «почва» выражалась в мощном развитии торговли с Китаем и увеличением объема перевозок товаров через Байкал. Дело в том, что нельзя рассматривать предпринимательскую прибыль вне вопроса перевозок товаров, иначе говоря, только одну часть купеческого капитала, которую купец авансировал на купли и продажи (Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.,

1953. С. 79). Рассмотрим вторую часть купеческого капитала, которая авансировалась на перевозки и хранение товаров. Дешево или дорого купил купец товар — это ничего не изменяло в стоимости товара, затраты же по перевозкам увеличивали стоимость товаров, только оплату ее производил не купец, а покупатель, переплачивая за товар. Следовательно, на перевозки товаров купец должен был иметь дополнительный капитал. Первоначально купец торговал и транспортировал товары сам. Но и в это время торговля и перевозка были двумя различными сферами применения купеческого капитала. В дальнейшем эти два вида купеческой деятельности разделились: выделились специальные лица, занимавшиеся только транспортировкой товаров, извозом, а купцы стали сдавать перевозку товаров им в подряд. Причем об отделении перевозчиков мы можем говорить уже в начале XVIII в. Характерным примером такой деятельности стала перевозка товаров по Байкалу купцов Сибиряковых, которые воспользовались ей для первоначального обогащения.

Другое документальное свидетельство и сопоставление его со сведениями, которые приводит исследователь Душкин, дают повод говорить еще об одном факторе развития капитала Сибиряковых. Речь идет об «Инструкции из Государственной Коммерц-коллегии инспектору Сибирской Губернии Господину Хрущову» от 24 октября 1722 г.: «Надлежит ему осведомиться... и не лучше ли бы было, чтоб на Байкал море два буера, или другая какие ластовые морские суда по глубине того моря сделать ради переводу людей, писем и товаров с одной стороны моря на другую, из которых один буер может в Иркутске, а другой в Селенгинске... Ежели бы сие за благо изобретено было, тогда надлежит стараться, чтоб обыклых корабельных служителей к тому приискать...» (Инструкции из Государственной Коммерц-коллегии инспектору Сибирской Губернии Господину Хрущову от 24 октября 1722 г. // Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. С. 259). Таким образом, имеет место фактор протекционистской стимуляции государством развития перевозок на Байкале.

Итак, успешное развитие предпринимательской деятельности зависело от двух групп факторов. Накопление капитала не происходило под воздействием лишь одной группы факторов. Они действовали в системе, что нам убедительно иллюстрирует история династии Сибиряковых.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В СИБИРСКОМ СЕЛЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В решении задач по восстановлению и развитию сельского хозяйства Восточной Сибири в первые послевоенные годы (1945–1950 гг.) немаловажная роль принадлежала культурно-просветительским учреждениям. Государство проявляло постоянную заботу об улучшении культурно-просветительской работы, развертывая широкую сеть изб-читален, ДК, красных уголков, клубов, библиотек.

За годы Великой Отечественной войны число культурно-просветительских учреждений в стране значительно сократилось, в частности на селе библиотек на 51%, клубов — на 18,5% и в них киноустановок — на 55%. Такое же положение создалось и в Восточной Сибири. Задачи четвертого пятилетнего плана требовали восстановления и дальнейшего расширения сети культпросветучреждений, совершенствования их воспитательной деятельности. Выполнение этих важных задач могло быть осуществлено лишь с привлечением всех слоев населения, общественных организаций, к подъему культурного уровня крестьянства.

В первые послевоенные годы в развертывании культпросветработы на селе встретились серьезные трудности из-за нехватки помещений под избы-читальни, клубы и библиотеки, их слабой материальной базы. В Читинской области в 1946 г. по этим причинам бездействовали 21 изба-читальня и сельский клуб, 30% сельских клубов не работало зимой из-за нехватки топлива. В Красноярском районе, например, на 31 избы-читальню и 5 сельских клубов приходилось: 1 бильярд, 8 гитар, 10 балалаек, 13 комплектов шашек и 7 партий домино. Такое же положение было и в ряде других культучреждений области. В Красноярском крае 76 районных и сельских библиотек были размещены в непригодных для них помещениях. Например, Ачинская библиотека размещалась в комнате отдела культпросветработы, Сухобузимская — в парткабинете, Иланская — в комнате районного дома культуры. Книжные фонды, сократившиеся в годы войны, слабо пополнялись. Не хватало мебели, стеллажей, каталожных ящиков.

Другим недостатком являлось использование культпросветучреждений под хозяйственные или административные

учреждения, общежития, склады. Наконец, нехватка, частая сменяемость, низкие общая грамотность и профессиональная подготовка кадров являлась еще одним тормозом в подъеме культпросветработы на селе. Например, в Читинской области в 1946 г. 17 сельских библиотек, 7 изб-читален и 2 сельских клуба не работали из-за отсутствия необходимых кадров, а из 88 заведующих сельскими клубами 48 работали около полугода, 39 — в пределах года и только 1 — более 5 лет. По образованию они распределялись следующим образом: с высшим — 1, со средним — 4, незаконченным средним — 37 и начальным — 46. Никакой работы по специальной подготовке работников сельских клубов не проводилось. Недостаточным был уровень подготовки и работников библиотек: из 219 библиотекарей в Красноярском крае 152 имели семилетнее и начальное образование. Кроме того, некоторые советские и общественные организации, недооценивая важность усиления культурно-просветительской работы в деревне, глубоко не вникали в деятельность клубов и библиотек. Все эти причины, безусловно, не способствовали ведению целенаправленной культурно-просветительской работы на должном идейно-теоретическом уровне, что отрицательно сказалось на политической и трудовой активности селян.

Борясь за улучшение культпросветработы в деревне, общественные организации в первую очередь обращали внимание на расширение сети учреждений культуры, используя для этого, наряду с государственным и колхозным строительством, метод народной стройки. В Иркутской области только за 1948–1950 гг. этим методом было построено 108 изб-читален, клубов и библиотек. Большую помощь оказывали в этом депутаты сельских Советов. Например, в Больше-Улуйском районе (Красноярский край) они организовали местное население на восстановление старых и строительство новых клубов. В колхозах «Третий слет ударников», «Красный слет» Удаченского сельсовета строительство клубов возглавили депутаты. На заготовку леса и возведение помещений была привлечена сельская молодежь.

Как было отмечено на VI Пленуме Бурятского обкома партии (октябрь 1949 г.), в послевоенные годы партийные организации провели большую работу по мобилизации коллективов на расширение сети сельских культпросветучреждений. Количество аймачных домов культуры и сельских клубов в республике возросло против 1946 г. с 54 до 79, колхозных клубов — с 243 до 280, киноустановок — с 80 до 116, колхозных радиоузлов — с

37 до 93, аймачных и сельских библиотек — с 46 до 51, книжный фонд в них увеличился на 24 000 томов.

В Иркутской области за 1946–1950 гг. число сельских клубов удвоилось, более чем в два раза увеличился книжный фонд в районных и сельских библиотеках, сеть кинотеатров и кинопередвижек расширилась в полтора раза.

Такая тенденция была характерным явлением и для других районов Восточной Сибири в послевоенные годы. Благодаря всесторонней помощи Советского государства, рабочего класса, большой организаторской деятельности сельских коммунистов, сеть культурно-просветительских учреждений в Восточной Сибири за 1946–1950 гг. была восстановлена.

Таким образом, культурно-просветительские учреждения Восточной Сибири в послевоенные годы восстановили и укрепили свою материальную базу. Используя различные формы и средства культурно-просветительской и агитационно-массовой работы, политическую активность тружеников села, они становились очагами культуры и сыграли большую роль в формировании мировоззрения крестьянства и сельскохозяйственных рабочих.

А. Буруханова
БГУЭП

РАЗВИТИЕ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ И УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. Восточной Сибири интенсивно развивалась золотодобывающая и угольная промышленность.

Золотодобыча является одной из старейших промышленных отраслей в Иркутской области. Она возникла в середине XIX в., с началом разработки богатейших россыпей Восточно-Саянского, Предбайкальского и Лено-Витимского золотоносных районов. В начале XX в. развитие золотопромышленности было связано исключительно с ленско-витимскими приисками, где происходили процессы объединения отдельных золотоискателей и мелких золотопромышленников.

На начальных этапах развития золотопромышленности (примерно до 1870-х гг.) золотодобычу вели главным образом в открытых разрезах, иногда с отводом русла реки путем сооружения водоотводных каналов. Грунт разрабатывался при помощи кайлы и лопаты. На некоторых приисках вечную мерзлоту

оттаивали с помощью костров или посредством заблаговременного удаления растительного слоя. Пустую породу и большие камни вывозили в отвал тачками без промывки. На крупных приисках при разработке песков использовали штольни.

Вырабатывая наиболее богатые и «легкие» месторождения, золотопромышленники забрасывали их и отыскивали новые, оставляя наименее богатые россыпи без разработки.

Крупные золотопромышленные компании вытесняли мелких золотопромышленников или подчиняли их своему влиянию. Мелкие золотопромышленники брали у крупных деньги под высокие проценты для оборудования приисков, найма рабочих и пр. Таким образом, должники попадали в зависимость от кредиторов. Некоторые мелкие предприниматели, расположившись около богатых и многолюдных приисков, только для вида занимались приисковым делом, их главные доходы составляли тайная торговля спиртом и скупка золота у старателей.

Одним из главных преобразований золотопромышленности являлось техническое перевооружение производства добычи золота, внедрение машин (драги и др.), знаменовавшее собой переход от мануфактурной стадии к фабрике. Этот значительный скачок был непосредственно связан с постройкой Транссибирской железной дороги. Переход от мануфактуры к фабрике в области золотопромышленности, начавшийся одновременно с открытием железнодорожного движения, проходил крайне медленно и в высшей степени неравномерно в различных золотопромышленных районах.

Весной и летом 1900 г. были установлены три драги в Мариинском округе и в Южно-Енисейской тайге на приисках компании «Драга», во главе которой стоял известный золотопромышленник Асташов. В 1908 г. на приисках работало 37 драг в Енисейской тайге.

В положении золотопромышленных предприятий, особенно мелких, не было устойчивости. Нередко золотопромышленники разорялись или переходили на золотничный способ добычи золота.

При работе на приисках использовалась паровая энергия для водоотлива, приведения в действие золотопромысловых машин и машин для извлечения золота. Также применялось хорошо заостренные ломы, кирки, кайлы, железные вогнутые лопаты-клинья. Рост добычи золота обеспечивался не столько внедрением машин, сколько увеличением численности рабочих и интенсификацией труда.

Немаловажной отраслью горного дела Восточной Сибири являлась каменноугольная промышленность, которая своим

возникновением и развитием как отрасль всецело обязана железной дороге.

Сибирская каменноугольная промышленность возникла как служебная отрасль железной дороги и развивалась сравнительно быстро. Каменный уголь как наиболее экономичный вид топлива вытеснял дрова в речном пароходстве, цементной и других отраслях промышленности, и, тем самым, способствовал применению котлов и паровых машин, содействуя техническому прогрессу.

В каменноугольной промышленности почти не было мелких предприятий, поскольку организация подземной добычи требовала довольно крупных затрат. Увеличение потребности в каменном угле приводит к привлечению крупных капиталов в эту отрасль. Создаются более мощные предприятия. Но слабо технически оснащенные шахты нуждались в большом количестве рабочих. Высвобождавшиеся строители железной дороги, разорившиеся переселенцы становились шахтерами, обеспечивая рост угледобычи.

Угледобывающая промышленность возникла в Иркутской губернии в конце XIX в., в период строительства Транссибирской железной дороги, затем разработки Забитуйского, Головинского, Владимирского и Нюринского разрезов. Данные месторождения относились к Черемховскому углепромышленному району. Здесь добыча каменного угля возрастала особенно быстро. В 1900 г. было добыто 4 млн 200 тыс. пудов угля, а в 1902 г. — 23 млн пудов, что составляло 2/3 общесибирской добычи каменного угля (История Сибири: В 5 т. Т. 4. Л.: Наука, 1968. С. 183).

Железная дорога открыла путь углю Иркутского бассейна на ранее не доступные рынки, и сама стала крупным потребителем топлива. Угледобыча быстро росла и стала второй по значимости (после золотодобычи) отраслью промышленности губернии.

Основная масса (85%) добываемого угля потреблялась в качестве топлива для паровозов на Транссибирской железной дороге (Среднесибирский и Забайкальский участки), остальная часть (15%) использовалась для нужд промышленности, водного транспорта и местного населения Иркутской губернии и Забайкальской области (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 2. Иркутск: Изд-во ИГЭА. 1999. С. 45).

Средняя выработка горнорабочего в Иркутской губернии перед революцией превышала на 38% показатели Донбасса и была сопоставима с выработкой на угольных копях Франции. В последующий послереволюционный период добыча угля в губернии резко сократилась и в 1925 г. составило только 15% к уровню

1917 г. Черемховская углепромышленность возобновилась лишь в 1930-х гг., когда приступили к постепенному обновлению устаревшего горнопроходческого оборудования (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области. Т. 2. С. 46).

В угольной промышленности XX в. происходили объединительные процессы, характерные и для золотопромышленности. Структурные и финансовые преобразования способствовали объединению разрозненных производителей, концентрации ресурсов и капитала в целях скорейшей модернизации отрасли. На коях устанавливались электронасосы для откачки воды и электрические лебедки для подъема различных грузов. Сооружались специальные сооружения для подземной откатки угля. Строились механизированные эстакады для загрузки угля в вагоны. Механизация угледобычи потребовала большего количества энергии. И в Черемхове быстро построили теплоэлектростанцию. Электроэнергия использовалась также и для освещения горняцкого поселка.

Забайкальские копи Кузнеця, Хилковского, Замятина работали по контрактам с Забайкальской железной дорогой, и уровень их добычи определялся исключительно заказами казны.

Таким образом, развитие золотодобывающей и угольной промышленности достигалось за счет применения новейших технологий, что способствовало повышению производительности труда и увеличению темпов роста золотодобывающей и угольной промышленности.

*О. Волкова
БГУЭП*

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ИРКУТСКА: «НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ»

Издание журнала «Народное хозяйство Восточносибирского края» было предпринято в 1936 г. Восточносибирской краевой плановой комиссией.

Как сообщалось в размещенной на его страницах рекламной информации, «журнал рассчитан на широкий краевой и районный, партийный, советский и профессиональный актив, научных, инженерно-технических работников, работников предприятий, совхозов, колхозов и МТС». Издание было призвано выступить в роли «пропагандиста передового опыта» и органа «большевистской критики недостатков».

На страницах журнала публиковались постановления пленумов Восточносибирского Крайкома ВКП(б), касающиеся установления и выполнения плановых заданий в сфере сельского хозяйства, промышленности, транспорта, рабочего снабжения. С первого номера журнал открыл рубрику «Трибуна стахановца», которая была призвана отражать многогранный опыт, накапливаемый новаторами производства во всех сферах народного хозяйства края. Большое место занимали обзорные материалы по выполнению плановых заданий. В обзорах по «косточкам» разбиралась работа основных предприятий края, указывались положительные и негативные моменты.

В состав редакционной коллегии журнала входили: М.М. Басов, А.Б. Бергер, Г.Р. Глезер, В.М. Лавров, В.С. Коношенков, Д.С. Киреев, И.Б. Маймин (ответственный редактор), А.В. Рудаков, И.Г. Ходос. Авторами статей выступали руководители предприятий (Н.А. Холин, П.А. Антропов, В.Г. Таюрский), инженеры (И.С. Молодых, Д.М. Лемзиков, А.С. Петров), работники научно-исследовательских институтов и вузов (проф. Н.Н. Колосовский), журналисты и работники сферы культуры (Т.Ф. Малеев) и др.

Журнал должен был выходить восемь раз в год, однако уже 1936 г. увидело свет лишь 7 его номеров (6 книжек). Заявленный редакцией тираж в 2 тыс. экз. был лишь у первых четырех книжек, после чего сократился до 1300 экз. Не выдерживался и заявленный объем издания (7–8 печатных листов) — последние книжки содержали лишь 4–6 п.л.

Прекращение издания журнала было вызвано, по всей видимости, развернувшейся в годы сталинских репрессий чисткой партийных, советских и хозяйственных органов. Симптомы проявились уже в пятой книжке журнала, которая открывалась редакционной статьей, в которой редколлегия и ответственный редактор признавали «своей грубой политической ошибкой печатание в номерах 3 и 4 статей Т.Ф. Малеева, ныне разоблаченного контрреволюционера-троцкиста». Репрессии коснулись вскоре не только авторов журнала, но и членов его редакционной коллегии и самого издания.

Содержание вышедших номеров

(составлено по комплекту журналов, хранящихся в фондах научной библиотеки ИГУ и Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского)

1936. № 1.

Задачи Восточной Сибири в борьбе за сталинские 7–8 млрд пудов хлеба (из доклада секретаря крайкома ВКП(б) тов. М.О. Разумова на

краевом съезде председателей колхозов и сельских советов 2 февраля 1933 г.) (С. 3–13); Поделуев С. Лесная промышленность в 1935 г. и задачи 1936 г. (С. 14–17); Трубачейн Б.Ж. Улучшим работу Усольского сользавода (С. 18–21); Микульский А.Ф. Промкооперация в борьбе за выполнение второй пятилетки в 4 года (С. 22–24); Семенов И. Увеличим производство запасных частей к сельхозмашинам (С. 25–27); Калистратов И.А. О перспективах электроснабжения гор. Иркутска (С. 28–30); Самохвалов В. За лучшее использование электропрома края (С. 31–35); Фиге К.Я. Использовать производственные резервы завода им. Куйбышева (С. 36–38); Говорят стахановцы Восточносибирского края: Александров, Макаров, Кокоуров, Магюшевский, Петров (С. 39–45); Бергер А.Б. Итоги сельскохозяйственного года и новые задачи (С. 46–54); Коношенков В. Животноводство края (С. 55–65); Чикиндин В.А. Решительно перестроить опытную работу в сельском хозяйстве (С. 66–71); Маркин В.С. Результаты селекции яровой пшеницы Тулунской краевой опытной станцией (С. 72–88); Яцевич К.А. Первый год работы комбайнов в колхозах МТС края (С. 89–97); Федоренко П.Н. Плодоводство Восточносибирского края (С. 98–102); Молодых И.Ф. Транзитный водный путь р. Ангара — оз. Байкал — р. Селенга (С. 103–107); Холин Н.А. Ангарский мост (С. 108–114); Петри Б. Э. К вопросу транспортного освоения р. Бирюсы (С. 115–118); Дашидондобэ О. Быстро, красиво и дешево построить школы в 1936 г. (С. 119–123); Хамаганов В. Педагогические кадры (С. 124–127); Морозов Н.С. Расширить производство и торговлю культтоварами (С. 128–130); Антропов П.Я. Некоторые итоги геологоразведочных работ 1935 г. (С. 131–133); Верещагин Г.Ю. Комплексное изучение озера Байкал (С. 134–138); Колосовский Н.Н. Прибайкальский энергопромышленный комплекс (С. 139–144); Михайлов Н.П., Жинкин В.Н., Гук М.А. Озеро Угдан как краевой грязелечебный курорт (С. 145–150).

1936 № 2.

План 1936 стахановского года (С. 3–19); Шутихин Н.Н. Местный бюджет края на 1936 г. (С. 20–29); Совещание по вопросам золотой промышленности в Крайкоме ВКП(б) (С. 30–53); Говорят стахановцы Восточносибирского края: Лурье, Погадаев, Русанов, Михайлов, Дорофеев, Юлив, Серебренникова (С. 54–60); Веденяпин Г.В. Земледельческое освоение зоны вечной мерзлоты (С. 61–65); Шерстобоев В.Н. Орошение в условиях Востсибкрая (С. 66–69); Михайловский В.А. Новые сорта ячменя (С. 70–74); Казанцев А.М. Сорта льна для Вост. Сибири (С. 75–78); Кругляков И. Социально-бытовое строительство в 1935 г. (С. 79–82); Арсенов М.В. Строительство в г. Иркутске в 1936 г. (С. 83–84); Сивицкая П.А. Задача дорожного строительства с трудовым участием населения (С. 85–88); Киреев Д.С.,

Яковук Н.С. К вопросу о строительстве Ленской железной дороги (С. 89–94); Молодых И.Ф. К освоению транзитного пути Ангара — Байкал — Селенга (С. 95–98); Проблема Ангары (С. 99–100); Михайлов М.П. О научно-исследовательских проблемах В.-Сибирской бальнеологии (С. 101–104).

1936 № 3.

Об уборке урожая и сельскохозяйственных заготовках. Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по докладам т.т. Чернова, Калмановича, Микояна и Клейнера, принятая 4 июня 1936 г. (С. 3–13); Калюжный Я. Вторая пятилетка Черембасса в 4 года (С. 14–24); Швец М. Новый сользавод в гор. Усолье (С. 25–30); Антропов П. Геолого-разведочные работы в 1936 г. (С. 31–35); Налетов П. Полезные ископаемые системы реки Джиды (С. 36–40); Малеев Т. Себестоимость угля в Черемховском бассейне (С. 41–47); Лесная промышленность Восточной Сибири перед новыми задачами (из стенограммы доклада управляющего Востсиблесом т. Поцелуева на съезде директоров леспромхозов) (С. 48–51); Говорят стахановцы Восточносибирского края: Нанаев, Бабенке, Кокусенко, Горбунов, Плохое (С. 52–55); Левин М. Покажем наш край во всей его красоте и изобилии (С. 56–59); Маркин В. Влияние летних заморозков на развитие культурных растений в условиях Восточной Сибири (С. 60–66); Таюрский В., Маслов Г. На путях перестройки. (С. 67–76); Бекетов А. Десятилетие гражданской авиации Восточносибирского края (С. 77–79); Молодых И., Повлинский В. Топливоснабжение гор. Иркутска (С. 80–88); Камбалин Н. Коммунальное, жилищное и культурно-бытовое строительство гор. Иркутска в 1936 г. (С. 89–91); Корчагин А. Заболеваемость рабочих Черемховского каменноугольного бассейна (С. 92–97); Чураев А. Перепись населения 1937 г. (С. 98–102); Первая треть стахановского года. (Обзор выполнения народно-хозяйственного плана Востосиб-края за 4 месяца 1936 г.) (С. 103–116); Критика и библиография: Молодых И. (Рецензия книги проф. В.М. Малышева «Гипотеза решения Ангарской проблемы») (С. 117–118); Мишура К. (Рецензия на справочник ВСКУНХУ «Восточносибирский край в цифрах») (С. 118–119); Приложение (С. 121–138).

1936 № 4.

Выше большевистскую бдительность, вперед к новым победам (С. I–VI); От редакции (С. 3–4); Об организации уборки урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов (постановление VI пленума Восточносибирского Крайкома ВКП(б) (С. 5–10); Ходос И.Г. Первое полугодие (обзор выполнения народно-хозяйственного плана) (С. 11–23); Малеев Т.Ф. К вопросу о снабжении промышленности и строительства (С. 23–28); Холин Н. А. Новые нормы на строительстве Ангармоста (С. 29–32); Петров А.С. К вопросу о направлении

поисков нефти в Восточной Сибири (С. 33–35); Шерстобоев В.Н. Овощеводство (С. 36–46); Говорят стахановцы Восточносибирского края: К.А. Щербакова, Д.И. Гантимуров, Я.И. Чуб, В.Г. Федоров, А.И. Пинчин, М.С. Маненко, М.И. Парахин, А.И. Максимов (С. 47–55); Таюрский В.Г., Маслов Г.А. Районные и сельские магазины потребкооперации (С. 56–64); Киреев Д.С. Черемховская железнодорожная ветка (С. 65–67); П.А. Антропов, Токарев Н.С. Гидрогеология в социалистическом хозяйстве (С. 68–70); Добровольский А.В. Ондатра и хозяйственное освоение ее (С. 71–75); Зимин Н.А. К работам над планом III пятилетки (С. 76–79); Колосовский Н.Н. Итоги экспертизы Ангаростроя (С. 80–84); Молодых И.Ф., Лемзяков Д.М. Ангаро-Ленский транзитный путь (С. 85–92).

1936. № 5.

От редколлегии (С. 3–4); Морецкий В.А. Хлебопоставки в 1936 г. (С. 5–10); Коношенков В.С. Состояние животноводства (С. 11–16); Маненков Д.Д. Итоги сельскохозяйственного переселения (С. 17–21); Микульский А.Ф. Местная промышленность в первом полугодии (С. 22–29); Горавский А.И. Черемховская районная электростанция (С. 30–33); Жемчужников Ю.А., Деев Ю.П. К вопросу о сырье для гатовой промышленности (С. 34–37); Пучнин Л.Х. Опускные колодцы на смену кессонам (С. 38–41); Трубачейн Р.Ж. К строительству кондитерского комбината (С. 42–44); Альтшуллер Г.И. Стахановские нормы в действии (С. 45–48); Говорят стахановцы Восточносибирского края: П.С. Гречин, Шевчук, С.А. Никифоров, Т.С. Овечкин. (С. 49–51); Казаков Н.А. За превращение связи в передовую отрасль народного хозяйства края (С. 52–57); Грудинин Н.Т. Организация массовой добычи белки (С. 58–63); Фаворский В. Проблема соболя в Бурят-Монголии (С. 64–67); Иванов В. Кедр (С. 68–70); Зимин Н.А. О потребности в минеральном топливе в 3-ем пятилетии (С. 71–74).

1936. № 6–7.

Сталинская Конституция (С. 3–6); Постановление чрезвычайного VIII съезда Советов СССР об утверждении Конституции (основного закона) Союза ССР (С. 7); Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (С. 7–21); О проекте Конституции Союза ССР. Постановление III-го Краевого Съезда Советов Восточной Сибири (С. 22–24); Горавский А.И. К вопросу расширения угледобычи в Черембассе (С. 25–28); Немцев В.А. Основные вопросы лесозаготовок (С. 29–39); Шульман И.Г. О круглогодичной выработке кирпича (С. 40–45); Чернов Я.С. О качестве продукции местной промышленности (С. 46–48); Нинэп В.И. Бадан (С. 49–54); Зеркальцев И.С. Подъем социалистической индустрии края (С. 55–62); Лукин А.П. Механическая посадка картофеля (С. 63–64); Морецкий В.А. Новый путь перевозок северных грузов — Ангаро-Ленский тракт (С. 65–69); За-

кошанский М.П. Вопросы реконструкции автотранспорта золотой промышленности (С. 70–78); Орлов П.К. Социально-бытовое строительство (С. 79–81); Чураев А.И. К переписи населения (С. 82–84); Одинцов М.М. Новая геологическая карта края (С. 85–86).

О. Закаблуконская
БГУЭП

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ИРКУТСКА: «МАТЕРИАЛЫ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО БЮРО»

В первой половине 1920 г. на основании постановления Совета Народных Комиссаров было организовано Иркутское Губернское статистическое бюро, подчинявшееся Иркутскому революционному комитету, а с 1921 г. Иркутскому революционному комитету Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов с местонахождением в городе Иркутске.

Иргубстатбюро состояло из пяти уездных (Иркутского, Верхотурского, Киренского, Зиминского, Тулунского) и двух районных (Нижне-Илимского и Бодайбинского) бюро. Материалы собирали агенты-статистики и добровольные корреспонденты, впоследствии информация обрабатывалась сотрудниками Иргубстатбюро.

Губернское статистическое бюро состояло из ряда секций для разработки статистических материалов: земельной статистики, сельскохозяйственной, демографической, промышленной, статистики труда, народного образования, экономической статистики и из общего отдела, выполнявшего канцелярскую работу.

В разное время в состав Иркутского Губстатбюро входили: Черкунов А.Н. (заместитель заведующего); Афанасьев В.Е. (заведующий секцией земельной статистики); Казанский Ф.М. (заведующий); Миротворцев К.Н. (консультант); Осинковский А.С. (помощник заведующего секцией демографической статистики); Клюжев И.С. (заведующий секцией статистики народного образования); Черноморченко Н.Ф. (помощник заведующего секцией статистики народного образования); Машков М.Н. (заведующий секцией промышленной статистики); Аныхтин Н.Н. (помощник заведующего секцией промышленной статистики); Кокоулина Л.А. (заведующая секцией сельскохозяйственной статистики); Попов В.М. (помощник заведующего

го секцией сельскохозяйственной статистики); Занкевич А.И. (заведующий секцией коммунального хозяйства); Мелик-Агамалов А.А. (помощник заведующего секцией коммунального хозяйства); Кац Я.Д. (заведующий объединенным бюро статистического труда); Решетников Г.Н. (заведующий секцией экономической статистики); Ключин Б.И. (заведующий); Самохин А.Т. (статистический редактор); Устинов Б.Н. (управляющий делами); Черных А.В. (член редакционной коллегии и заведующий секцией экономической статистики).

Издательская деятельность Иргубстатбюро первоначально проявлялась в выпуске «Материалов», в которых помещались результаты статистических переписей и других крупных статистических обследований, а также статьи по отдельным вопросам хозяйственной жизни губернии.

Первый выпуск увидел свет в 1920 г. На страницах «Материалов» помещались статьи по отдельным вопросам хозяйственной жизни губернии, результаты статистических переписей и других крупных статистических обследований. Печатались «Материалы» в Иркутске, в первой Государственной типографии. Как правило, их тираж составлял 500–600 экз.

Путем просмотра ряда местных библиографических указателей и каталогов библиотек мы составили предварительный список выпусков «Материалов», увидевших свет в 1920–1924 гг.

Предварительный список выпусков «Материалов Иркутского губернского статистического бюро» (1920–1924 гг.)

- Предварительные итоги переписи населения 1920 года по городам, поселениям городского типа, уездам и волостям РСФСР. Иркутская губерния Иркутск, 1920. 23 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 1).

- Предварительные данные об урожае хлебов в Иркутской губернии 1920 года. Перепись города Иркутска в апреле 1920 года. Население Иркутской губернии по всероссийской переписи 1920 года. Начальное училище Иркутской губернии по данным 1919 года. Предварительные итоги промышленной переписи 1920 года. Иркутск, 1921. 32 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 2).

- Миротворцев К.Н. К вопросу о бюджете сельского населения Иркутской губернии. Иркутск, 1921. 30 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 3).

- Черемховский каменноугольный район в 1921 году в 9 таблицах. Иркутск, 1921. 26 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 4).

- Сельскохозяйственная перепись в 1921 году. Движение престоупности по городу Иркутску за первую половину 1921 года. Дан-

ные об использовании городской земли под огороды в сезонах 1920 и 1921 годов. Иркутск, 1921. 54 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 5).

- Питание населения города Иркутска в ноябре 1920 года. Колебания цен на рынках города Иркутска. Рост торговли в городе Иркутске. Соляная промышленность Иркутской губернии. Прожиточный минимум по городу Иркутску за октябрь 1921 года. Иркутск, 1921. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 6).

- Весенний опрос земледельческих хозяйств. Черемховский каменно-угольный район. Материалы по статистике труда. Детская преступность по городу Иркутску за 1920 год. Первичные итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Илимскому району. Иркутск, 1922. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 7).

- Обследование питания населения города Иркутска в сентябре 1921 года. Рост цен на рынках города Иркутска. Материалы по статистике здравоохранения. Иван Семенович Клюжев (некролог). Вторая Иркутская губернская статистическая конференция. Иркутск, 1922. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 8).

- Соколов М.П. Демографическая перепись 1920 года в Иркутской губернии. Иркутск, 1922. 39 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 9).

- Кац Я.Д. Обзор положения труда в Иркутской губернии за 1922 год с предисловием профессора Миротворцева К.Н. Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 10).

- Соколов М.П. Предварительные итоги Всероссийской городской переписи 1923 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 11).

- Миротворцев К.Н. Иркутские «ясачные» в освещении статистических цифр. Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 12).

- Кац Я.Д. Рынок в Иркутске за период 1922 года и январь—апрель 1923 года; Кац Я.Д. Коллективные договоры в Иркутской губернии (по данным на 1 мая 1923 года). Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 13).

- Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии в связи с естественно-географическими условиями. Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 14).

- Черных А.В. Земледелие и зерновое хозяйство Иркутской губернии и обеспеченность населения хлебом. Иркутск, 1923. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 15).

- Решетников Г.И., Черных А.В. Торговля и рынок Иркутской губернии. Иркутск, 1923. 84 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 16).

• Блюмберг В.К. Низовые профячейки города Иркутска 1924 года. Иркутск, 1924. 37 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 17).

• Кац Я.Д. Иркутский рабочий и его бюджет; Соколов М.П. Якутская губерния по переписи 1917 года. Организация переписи. Краткий статистико-экономический очерк губернии; Поулусные итоги Иркутска в 1922 году; Черных А.В. К вопросу о налогах на крестьянские хозяйства в Иркутской губернии 1923 года; Черкунов А.Н., Соколов М.П. Иркутская губерния на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Иркутске 1923 года; Черных А.В. Второй хлебный заем в Иркутской губернии в 1924 году. Иркутск, 1924. 54 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 18).

• Кокоулина Л.А. Весенний опрос сельских хозяйств Иркутской губернии в 1923 году. Иркутск, 1924. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 19).

• Соколов М.П. Иркутск, как областной центр; Кац Я.Д. Динамика розничных цен Иркутского рынка за 1923 год; Благодоров А.А. Иркутская губерния по торговой переписи 1923 года. Иркутск, 1924. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 20).

• Черкунов А.Н. Третья Иркутская губернская статистическая конференция: (протоколы и резолюции). Иркутск, 1924. 53 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 21).

• Черных А.В. Торговля Иркутской губернии в освещении второго торгового учета. Иркутск, 1924. 59 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 22).

• Иркутская губерния в освещении сельскохозяйственной переписи 1920 года: таблицы волостей и уездов в административных границах 1923 года. Иркутск, 1924. 129 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 23).

• Черных А.В. Сельская торговля Иркутской губернии; Кац Я.Д. К вопросу о происхождении безработицы и питающих ее источников; Кац Я.Д. Влияние денежной реформы на бюджет рабочего и служащего; Благодоров А.А. Питание сельского населения Иркутской губернии. Иркутск, 1924. 38 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 24).

• Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах: статистические этюды. Иркутск, 1924. 85 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 26).

• Кокоулина Л.А. Бюджеты крестьянских хозяйств Иркутской губернии по статистическому обследованию 1923 года. Вып. XXVII. Иркутск, 1924. 82 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 27).

• Черкунов А.Н. Урожай 1923–1924 сельскохозяйственного года в Иркутской губернии. Иркутск, 1924. 45 с. — (Материалы Иркут. губ. стат. бюро. Вып. 28).

Т. Ивлева
КрГУ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ СИБИРСКИХ НЕМЦЕВ

Экономика — одна из главнейших составляющих жизни каждого государства. Но иногда она определяет и жизнь отдельно взятого народа. Так произошло с российскими немцами. В 1764 г. жители отдельных немецких княжеств, разоренных Семилетней войной, откликнулись на приглашение Екатерины II и направились на постоянное место жительства в Российскую империю. Толкали их на это голод и экономическая разруха. На территории Поволжья они образовали свои колонии. Для утверждения в новом государстве им необходимо было занять определенную экономическую нишу. Ей стало земледелие, более 60% немецкого населения проживало в сельской местности, занимаясь сельскохозяйственным трудом. В XIX в. население европейской части Российской империи значительно увеличивается, и возникает проблема перенаселенности и малоземелья. Поэтому некоторые крестьяне начинают переезжать в Сибирь, где было много пустующих земель. Таким образом, в конце XIX в. в Сибири появляются первые немецкие жители, но они не образовывали собственных поселений, а селились в уже существующих деревнях и жили дисперсно.

Постепенно государство начинает проводить политику добровольных переселений на пустующие территории для их заселения и развития. В 1906 г. Столыпин П.А. начинает аграрную реформу, одной из составляющих которой становится переселение населения в Сибирь для решения проблемы малоземелья. Немецкие крестьяне, также испытывающие «земельный голод», направляются в Сибирь, чтобы решить свои экономические трудности. С этого моменты немцы-переселенцы образуют свои поселения и живут компактно. В Енисейской губернии появляются такие немецкие села, как Николаевка или Гнадендорф в Краснотуранском районе и Александровка. Но численность немцев в данный период была незначительна и составляла около двух тысяч чело-

век. На новой территории они продолжают занятие сельским хозяйством, имея для этого свои земельные наделы.

После этого добровольного переселения немецкого населения не проводилось. Начинается период принудительных миграций. Во время первой мировой войны царское правительство обвиняло их в предательстве родины, объясняя, таким образом, свои неудачи на фронте. Результатом становилось преследование по национальному признаку и переселение немцев в отдаленные районы. Советской властью они также подвергались ссылке в Сибирь. Апогеем всех этих действий стало выселение всего немецкого населения из Европейской части России в восточные районы, в первую очередь в Казахстан и Сибирь. 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот Указ был официально опубликован, но не он положил начало выселению. Еще 26 августа 1941 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Далее последовали Указы о переселении немцев из других областей европейской части страны. По первоначальным расчетам предполагалось переселить в Красноярский край — 75 тыс. чел., в Алтайский край — 95 тысяч, в Омскую область — 85 тыс., в Новосибирскую область — 100 тыс. и в Казахстан — 125 тыс. чел. План соблюдался не всегда. Так, в Красноярский край к ноябрю 1941 г. прибыло 77 359 чел.

Объяснений таких репрессивных действий правительства несколько. Самое распространенное — война с фашистской Германией, которая могла привести к переходу немцев на ее сторону. Следовательно, была опасность появления врага внутри государства. Поэтому правительство просто себя обезопасило. Но является ли это истинной причиной? Вопрос остается открытым. Во время Великой Отечественной войны принудительному выселению в восточные районы страны подверглись не только немцы, но и некоторые другие народы. Они все были в чем-то виноваты. Преступления были различны, но наказание для всех одинаково. Тысячи людей переселили в малозаселенные районы страны. Представляется, что одной из основных причин массовых принудительных миграций становится развитие восточных районов государства за счет переброски туда значительного количества рабочих рук. Это понимали и сами немцы. Еще в 1941 г. от некоторых переселенцев в Красноярский край звучали фразы, что «сюда переселили потому, что в Сибири не хватает народа в кол-

хозах». Ради интересов государственной экономики немецкое население СССР оказывается в положении преступников и изгоев, многие даже без средств к существованию. Уже в начале 1942 г. выходят два указа, которые ухудшают положение немцев. Первый из них объявлял мобилизацию всего мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет в так называемую трудармию, согласно второму для развития рыбной промышленности на севере страны туда отправлялись немцы, годные по состоянию здоровья. Благодаря этим указам государство получало большое количество дешевой рабочей силы, при этом о состоянии немцев практически никто не заботился. Смертность была высокой, особенно в трудармии. Скучное питание и тяжелая работа вели к быстрому истощению и высокой смертности. По воспоминаниям, в одном из отрядов трудармии, численностью 2000 чел. в живых остался один. Но СССР стремился к победе, и цена была не важна. В послевоенное время было необходимо восстанавливать экономику страны, поэтому всех спецпереселенцев навечно оставляют в местах их поселения. Даже смерть Сталина и начало в стране реабилитаций не дает немцам желанных результатов. Наметившаяся тенденция к тотальному использованию выселенцев на благо экономики государства продолжала действовать. В марте 1954 г. Министерство внутренних дел СССР вносит предложения о реабилитации многих спецпереселенцев и рассылает их в районы, имеющие данный контингент. На это Красноярский крайком КПСС отвечает, что необходимо освободить только их часть, а остальных закрепить «на работе по месту их поселения с правом перемены места жительства в пределах края», иначе это вызовет значительный отлив рабочей силы. В результате, 13 декабря 1955 г. выходит Указ, реабилитирующий советских немцев, но запрещающий им возвращаться на свое прежнее место жительства. Таким образом, Указ 1955 г. в очередной раз показал превосходство экономических интересов над всеми остальными. С середины 1960-х гг. немцы начали борьбу за восстановление своей автономной республики. Но и эти действия не имели положительных результатов. На все запросы, прошения и выступления правительство отвечало однозначно: «Это экономически невыгодно, требует огромных затрат». И снова все повторяется. Итогом такой политики стала эмиграция значительной части немецкого населения России в Германию. Прожив более двухсот лет в России, они больше не смогли нести на себе этот груз. Таким образом, экономический фактор стал определяющим в судь-

бе российских немцев. В XVIII в. он привел их в Россию, в XX в. направил в Сибирь, в дальнейшем способствовал эмиграции и растворению целого народа в германской и российской нациях.

О. Изосимова
БГУЭП

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ НАЧАЛА XX В.: ВЫБОРЫ 1912 Г. В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ)

В начале XX в., после учреждения Государственной Думы, российский народ не только получил возможность познакомиться с процессом выборов, но и ощутил на себе результаты применения политических технологий. В этом плане показательны выборы в Государственную Думу 1912 г., проходившие и в Иркутской губернии.

В то время в нашем городе развернулась ожесточенная борьба между кадетами, социал-демократами и патриотами из «Союза приходов». «Союз приходов» защищал интересы церковной элиты и крупных промышленников-консерваторов. Кадеты представляли интересы либеральных помещиков и фабрикантов, социал-демократы — средних и низших слоев населения.

Ареной политической борьбы между партиями стала региональная печать.

Газета «Россия» (сентябрь 1912 г.) видела в кадетях выражение своих «идеальных взглядов» на задачи народного представительства. Газета «Сибирский вопрос» также поддерживала кадетов. В номере от 14 августа 1912 г. она утверждала: «Избирательная обстановка складывается вообще благоприятно для местных кадетских кругов».

Что касается «Союза приходов», то эта партия с самого своего основания мечтала о своей газете. Издание стало возможным, благодаря привлечению средств Синода. 15 августа 1912 г. вышел первый номер предвыборной газеты сибирского духовенства «Вестник».

После выхода первого номера «Вестника» газета «Иркутский Вестник» (в августе 1912 г.) тут же выпустил критическую статью, в которой утверждалось, что «Вестник» сибирского духовенства почти не касается Сибири... Неловко как-то выступать перед сибирским избирателем с туманными лозунгами, лишенными местной реальной основы. Видимо, разглагольствовать на

общие темы куда легче, чем обосновывать близкую для сердца местного избирателя программу».

На выборах 1912 г. вообще была широко распространена негативная агитация. Так в газете «Сибирские Вести» (от 2 сентября и 5 октября 1912 г.) была опубликована статья, направленная против православного духовенства вообще и «Союза приходов» в частности. В номере от 30 сентября 1912 г. корреспондент «Сибирских Вестей» раскритиковал и социал-демократов: «Они используют Думу, как трибуну и пытаются урвать хоть кусочек маленьких демократических реформ». Официально редакция газеты не поддерживала ни одной партии, относясь вообще скептически к самой Государственной Думе, однако это не мешало ей высказывать свое мнение о кандидатах, тем самым, влияя на общественное мнение.

На выборах партии выставили свои собственные списки. На предвыборных собраниях главное внимание оппонентов было сосредоточено на критике программных положений. Не последнюю роль в этом сыграли газетные издания, так как, излагая в уместной им форме те или иные программы, газеты, таким образом, воздействовали на читателей. В этой перепалке мнений левые выглядели более убедительно. На проходивших 6 октября 1912 г. городских выборах социал-демократы получили половину голосов, а их главные оппоненты потерпели полное поражение.

В современный период развития общества успешное решение политических, экономических и социальных задач все больше зависит от действия такого субъективного фактора как социальная активность личности. Важную роль в формировании активности играют средства массовой информации. О возрастающей роли печати, радио и телевидения в общественной жизни страны свидетельствуют их бурный рост, распространенность и доступность массовой информации. Как видим, не менее важную роль в такой сфере, как политические технологии, СМИ играли еще на заре российского парламентаризма.

Е. Комарова
БГУЭП

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТАТУС КАК ОСНОВА ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Одна из первостепенных задач, которую пришлось решать большевистскому правительству после роспуска Учредительного

собрания, была связана с созданием новой избирательной системы, которая могла бы юридически обеспечить политическое господство большевиков в высшем органе представительной власти страны. Таким органом в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. стал Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако ни одна из ранее действовавших в России избирательных систем не могла решить поставленную большевиками задачу. Поэтому авторы Конституции РСФСР 1918 г. были вынуждены конструировать принципиально новую избирательную систему, основные принципы которой получили закрепление в первой советской Конституции.

Прежде всего, это введение впервые в России, да и в мире, так называемого трудового ценза. В соответствии с ним к участию в выборах допускались:

1) все, добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом;

2) лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: для рабочих и служащих всех видов и категорий, занятых в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч.;

3) крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли;

4) солдаты Красной Армии и Флота;

5) граждане, входившие в перечисленные выше категории, но потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность» (Ст. 64).

Названные лица при условии соблюдения иных требований избирательного права (достижение определенного возраста и проживание в конкретной местности) приобретали как активное, так и пассивное избирательное право.

Таким образом, все остальные категории граждан автоматически попадали в разряд «эксплуататорских и асоциальных элементов» и лишались избирательных прав. Тем не менее, подробно Основной закон устанавливал конкретный перечень «элементов», лишенных избирательных прав.

К ним относились лица:

1) прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

2) живущие на нетрудовые доходы, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;

3) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

4) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;

5) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России Дома» (Ст. 65).

Важно отметить, что категории лиц, перечисленные в Ст. 65 Конституции, лишались избирательных прав и в том случае, если они входили в одну из пяти категорий граждан, наделенных избирательными правами.

Даже столь подробный список категорий избирателей и «лишенцев» требовал уточнений, которые содержались в инструкциях, принимаемых избирательными комиссиями и исполнительно-распорядительными органами власти.

В частности, большие трудности вызывала процедура деления потенциальных избирателей на лиц, пользующихся наемным трудом для извлечения прибыли и для поддержания собственного существования. Так, в первую категорию наряду с заводчиками и фабрикантами попадали подрядчики строительных работ, владельцы кустарных мастерских, содержатели извозных предприятий (например, артелей ямщиков) и так далее, то есть те категории, которые не могли обойтись без наемного труда в силу производственной необходимости. В то же время, законодательство отделяло от них рабочих, крестьян и служащих, которые пользовались наемным трудом не для получения прибыли, а в силу необходимости. Например, нельзя было лишать избирательного права мужа и жену, работающих на фабрике и для присмотра за малолетними детьми нанимающих прислугу. Не могла быть лишена избирательных прав крестьянка-вдова, имеющая малолетних детей и нанимающая батрака для обработки ее земельного участка. Таким образом, при формировании избирательного корпуса главенствующим был классовый подход. Также классовым был подход законодателя к представителям религии. Хотя монахи и служители церкви не могли избирать и быть избранными в Советы, но граждане, состоявшие ранее служителями религиозных культов, сложившие духовный сан и подавшие ходатайства о восстановлении в гражданских правах, избирательного права не лишались.

Проблема ограничения избирательных прав в масштабах всей страны принципиального значения не имела. По РСФСР в 1924–1925 гг. лишенные избирательных прав в сельской местности составляли 0,8%, а в городах — 2,7% избирателей. Напомним, что при выборах в Государственную думу в Российской империи обладали избирательным правом лишь 15% населения страны.

Еще одной специфической чертой рассматриваемой избирательной системы, отражающей ее классовый характер, являлось наделение трудящихся иностранцев, проживающих на территории России «для трудовых занятий» и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующихся чужим трудом крестьянству, правом избирать и быть избранными в Советы всех уровней (примечание 2 к Ст. 64).

Главной особенностью рассматриваемой избирательной системы являлся не состав избирательного корпуса, а порядок формирования избираемых органов власти. Избирательная система, действовавшая в советской России с 1918 по 1936 г., во многом по форме была построена аналогично действовавшей в Российской империи при выборах в Государственную думу, несмотря на то, что по сути принципиально от нее отличалась. Объединяли эти системы многоступенчатые выборы. Выборы в Советской России были трехступенчатыми для городского пролетариата и четырехступенчатыми — для сельского. Нижним звеном системы были сельские Советы, формируемые населением непосредственно. Из их состава избирались представители в волостные Советы и в уездные (районные) Советы — из расчета один депутат на одну тысячу жителей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд (Ст. 25, 53). Следующим звеном были губернские (окружные) Советы, формировавшиеся из представителей городских и волостных съездов Советов. Завершал эту конструкцию Всероссийский съезд Советов, состоявший из представителей городских Советов (один депутат на 25 тыс. избирателей) и губернских Советов (один депутат на 125 тыс. жителей). В итоге ставилась задача обеспечить в стране в составе высшего органа власти подавляющее преимущество представителям городского пролетариата.

В то же время, несмотря на весьма недемократический характер выборов в Советской России, описанная система обладала рядом безусловных преимуществ. В частности, нельзя не отметить закрепление в различных избирательных актах подробного рассмотрения жалоб избирателей и установление жесткой связи избирателей с депутатами.

Подводя итог, необходимо отметить, что российская избирательная система советского типа первоначально формировалась как узкоклассовый институт, имеющий целью отстранить от активного участия в политической жизни страны не только бывших «эксплуататоров» и асоциальных с точки зрения господствующей идеологии лиц, но и широкие массы трудящихся, ради

которых создавалась пролетарская республика Советов. Новая система имела ряд безусловных преимуществ по сравнению с прежней, действовавшей в Российской империи. Это несравненно более широкий охват населения активным избирательным правом, установление равноправия между мужчиной и женщиной, снижение возрастного ценза, более эффективная связь между избирателями и представительными органами власти, развитая система обжалования нарушений избирательных прав граждан.

*А. Логвинова
БГУЭП*

Н.М. ЯДРИНЦЕВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СИБИРСКОГО ХАРАКТЕРА

Своеобразие и особенности характера сибирских земледельцев многими исследователями Сибири рассматривались как вполне самостоятельная тема для изучения. Особые черты характера сибирского населения отмечались и исследовались такими учеными, как Г.Н. Потанин, П.А. Кропоткин, Н.М. Ядринцев еще в прошлом веке. Исследуя архивные, научные, литературные источники прошлого столетия, можно составить представление о том, каким виделся сибиряк своим землякам, а также приехавшим в этот край людям.

Физиологическое смешение с коренными народами, влияние новых физических и исторических условий не могли не отразиться и на психической природе русской народности. Она неизбежно должна была приобрести новые инстинкты и новые склонности, а потому и развитие способностей должно было принять новое направление (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000. С. 105).

О психических особенностях сибирского населения Н.М. Ядринцев сообщает следующее: «Нельзя не заметить в этом населении некоторых своеобразных умственных и нравственных черт или особенностей... Сравнивая, во-первых, вообще мыслительную способность ссыльных великорусских и малорусских поселенцев Сибири с природными сибирско-туземными и сибирско-русскими поколениями, можно заметить, что русский или, как говорят в Сибири, «российский» человек, преимущественно городской, более развязан в своих суждениях, чем сибиряк. У него

умственный кругозор шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные взгляды и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее с большей примесью слов книжного языка. Сибиряк наоборот первобытнее. Ум его менее развит и гибок. Логические приемы его мышления менее развиты, ассоциации идей не так многосложны, как у великоруса, какого-нибудь нижегородца. Зато в сибирском русском населении гораздо более преобладает рассудочная, практическая расчетливость сибиряков, и преобладающая склонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение...». От того сибиряки менее мистичны и религиозны (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 106).

По мнению Н.М. Ядринцева, при рассудочном практическом взгляде умонастроение сибиряков в значительной степени отличается еще юмористическими склонностями. Но эта способность не проявляется ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлениях обыденной «просмешиливости» (пересмеивании), выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, нередко в простых и грубых формах. Сибирское население на многие традиционные учреждения или принципы и правила смотрит гораздо свободнее и смелее, чем великорусский народ; оно руководствуется более натуральными чувствами, потребностями и побуждениями. Так, простонародье смотрит весьма свободно в Иркутске и вообще в Сибири на «свободные» или гражданские браки. В умонастроении сибиряка более отпечаталось влияние дикой сибирской природы. Это умонастроение характеризуется забывчивостью всякой исторической традиции, утратой поэзии и отсутствием всякого идеального чувства и поэтической мечтательности. Кроме того, этнографической чертой местного населения является некоторая грубость и диковатость. Это происходит и от того, что население восточных окраин живет вдали от центров просвещения и цивилизации, где нет почти никаких источников для «умственного развития интеллектуальных интересов». Но в этой диковатости нельзя не заметить проблесков смелой любознательности и пытливого ума. В низшей среде народа этот инстинкт любознательности проявляется массою самоучек и самородков.

Как считал Н.М. Ядринцев, сибирский характер в перспективе может стать для сибиряков основой формирования нового типа цивилизованного человека. Сибирское население, благо-

даря свободной жизни и довольству, легче совершает «прогресс в материальном отношении и обстановке жизни». Быстрое восприятие новых культурных черт, всяких нововведений, как и усвоение новых привычек в Сибири совершается необыкновенно быстро. Всякое культурное заимствование и обычай цивилизации в Сибири развивается шире в массе населения и делается общим достоянием. Нет круга идей, в котором бы сибиряк не ориентировался при помощи здравого смысла. Многие из низшего класса усваивали в Сибири грамотность, развивали себя и приобретали начитанность. Многие из зажиточных крестьян имели библиотеки, интересовались наукой.

Таким образом, Н.М. Ядринцев наделяет жителей Сибири XIX в. общими свойствами русских людей, но с более грубоватой таежной спецификой. Но при этом отмечает, что даже крестьянский ум в Сибири работал над своим развитием.

И. Маскаева
БГУЭП

РАЗВИТИЕ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В Г. ИРКУТСКЕ

Ярмарка — это один из основных торговых институтов. Ярмарки и торги составляли своеобразную кровеносную систему сибирской коммерции. Огромные партии товаров перемещались по сибирским просторам, переходя с одной ярмарки на другую. Наиболее крупной была Иркутская ярмарка. А сам город — «средоточие всей многообразной сибирской торговли» — являлся гигантской перевалочной базой, распределяя товаропотоки по обширной территории Восточной Сибири (Шахеров В. Новый труд о ярмарках Восточной Сибири // Земля Иркутская. 1996. № 5).

В Иркутске очень рано сложился слой предприимчивых торгово-промышленных людей, но превращение их в подлинную общественную силу, осознание своей роли в обществе и стремление служить ему шло постепенно. Еще до официального признания Иркутска как города к стенам Иркутского острога стали приходить бухарские караваны. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через Иркутск транзитом шли купеческие партии в Кяхту. Из разных мест России и Сибири стекались сюда люди предприимчивые, неординарные, рассчитывающие только на себя, на свою удачу. Привлекало их выгодное географическое расположе-

ние города, стоящего в центре пересечения торговых путей с севера и востока Сибири, а также его ориентация на внешнюю торговлю.

К началу XVIII в. в самом Иркутске появляются торговые люди. Значительная их часть переселялась из городов северо-востока России. Именно русскому Северу обязан Иркутск появлению в городе таких известных купеческих династий, как Сибиряковы, Трапезниковы, Саватеевы, Баснины. К 1735 г. за каменным Богоявленским собором по берегу Ангары сложилась торговая площадь с гостиным двором, в стену которого была встроена таможня, перед ней — винный подвал, а подле Гостиного двора — Мелочный ряд, сзади него — Мясной ряд. Здесь же находились пивной кабак, десять винных кабаков, три соляных амбара и торговая баня. В 1747 г. западнее крепости было выстроено два больших Гостиных двора. В одном из них в 1765 г. размещались 102 больших лавки и 87 мелочных. К 1790 г. торговая зона Иркутска состояла из множества различных строений (Шахеров В. Новый труд о ярмарках Восточной Сибири. С. 19).

Со временем купечество решительно начинает бороться за свое монопольное положение на местном рынке. В 1756 г. оно отказывается открыть в городе ярмарку, на которую иногородние купцы могли бы привозить свои товары и продавать их в розницу. Незаконная торговля вне стен гостиного двора заставила иркутян пойти на регламентацию сроков ярмарочной торговли. В 1760-х гг. «знатные» ярмарки в городе проходили в октябре, ноябре и декабре. В 1768 г. последовал высочайший указ «Об учреждении в Иркутске торговых ярмарок». Но создание ярмарок как торговых институтов относится уже к 1775 г., когда была открыта первая официальная ярмарка в городе. К концу XVIII в. официально было учреждено две ярмарки: одна — с 15 ноября по 15 декабря, другая — с 15 мая по 15 июня. На ярмарки стекалось много народа и транспорта.

С введением ярмарок местное купечество установило монополию на розничную торговлю в пределах своего края. Иногородним купцам разрешалось продавать на ярмарке в розницу «единственно свои привозимые российские и европейские продукты (кроме китайских)». По окончании же ярмарок предписывалось «приезжим купцам, ни под каким уже видом и никому, кроме здешних купцов, в розницу не продавать» (Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII–первой половине XIX вв. Очерк социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. С. 162).

Ассортимент товаров на иркутских ярмарках того времени был богат и разнообразен. Здесь было все: начиная от продуктов

и кончая дорогими иностранными холстами. Ценным и ходовым товаром на иркутской ярмарке была пушнина, поступающая из различных мест Сибири; особенно разнообразен был ассортимент китайских шелковых и хлопчатобумажных тканей; металлические изделия; мед; хмель; сахар и различные сорта чая. Основной торг совершался между крупными иногородними и местными предпринимателями. К началу XIX в. иркутские торговцы окрепли и стали сами привозить товары в город.

Значительными событиями в истории коммерции в Иркутске были указы об учреждении банковской конторы для обмена государственных ассигнаций (1779 г.) и учреждение Коммерческой Американской компании (1797 г.) (Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII–первой половины XIX вв. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1996. С. 114).

Торговая специализация города сказалась на его планировке и застройке. Свообразными центрами торговой жизни города были его гостиные дворы. В 1778 г. на купеческие средства началась постройка нового каменного двора. Проект был заказан известному архитектору Джакомо Кваренги. Гостиный двор представлял собой монументальное каменное двухэтажное сооружение. В нем разместилось более 200 торговых помещений. Кроме того, на втором этаже находилась просторная зала, служившая для торжественных церемоний и балов. К 1790 г. неподалеку от Гостиного двора был открыт также двухэтажный каменный мещанский гостиный ряд на 80 лавочек. Кроме них, торговая жизнь кипела на хлебном, сеном и толкучем рынках, в мясном и рыбном рядах. Многие купцы и мещане имели небольшие лавки и магазины при своих домах.

В Иркутске очень рано сложился мощный слой предприимчивых торгово-промышленных людей. Доля населения, записанного «в купечество» составляла 11,1%, Иркутск находился на шестом месте в Сибири по этому показателю. Но среди городского «купечества» реально занимались торговлей 809 чел. (Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири...). Но и это был довольно высокий показатель. В это время и сформировались наиболее крупные иркутские купеческие династии: Сибиряковых, Трапезниковых, Мыльниковых, Басниных, Солдатовых, Дудоровских и др. Бесспорно, что иркутские купцы и предприниматели заметно выделялись среди своих собратьев. На формирование духовного и культурного облика иркутского купечества повлиял комплекс факторов. Прежде всего, с самого начала торгово-предпринимательская прослойка была весьма значительной среди горожан. Формировалось

иркутское купечество из представителей самых различных податных сословий, отличавшихся склонностью к предпринимательству и обладавших довольно заметным капиталом. Кроме того, городские власти всячески поддерживали купечество.

Становление купеческого капитала и торговая ориентация Иркутска не могли не отразиться как на внешнем облике города, так и на его внутреннем содержании. Город отличала уникальная для Сибири торговая инфраструктура. На купеческие деньги строились многочисленные церкви, общественные и культурные здания, торговые заведения и жилые особняки. Экономическое положение купечества подкреплялось его ведущей ролью в городском управлении. Большинство купеческих пожертвований шло на нужды просвещения, социальное приращение, медицинской помощи, благоустройства города и т.д.

По объему товарооборота Иркутская ярмарка входила в число крупнейших в Сибири и во всей Российской Империи. Совершенно очевидно, что размах, сила и охват торговли во многом зависят от количества и структуры размещения торговых точек в городской пространственной структуре. Простому горожанину трудно было «улизнуть» от цепкого притяжения этих лавок, шкафов, столов и балаганов.

В заключение хотелось бы сказать, что коммерция для иркутских предпринимателей была не только средством личного обогащения, но и особой и достойной стезей служения обществу.

Е. Мешкова
БГУЭП

И.И. СЕРЕБРЕННИКОВ — УЧЕНЫЙ-БЕССРЕБРЕНИК

Есть в истории России имена, с которыми связаны понятия истинного, глубокого патриотизма, гражданственности, высокого чувства долга и чести. К таким именам относится имя Ивана Серебренникова. Это человек высоких нравственных качеств и глубоких убеждений. Иван Иннокентьевич — сибиревед, статистик, общественный деятель, журналист, историк, министр снабжения, городской секретарь... этот список можно продолжать бесконечно. Его жизнь — научный подвиг, служащий примером для многих.

Иван Серебренников родился 14 июля 1882 г. в селе Знаменском Верхоленского уезда Иркутской губернии. Окончил Иркутскую губернскую классическую гимназию. Сотрудничал в

либеральных сибирских периодических изданиях; в годы Первой мировой войны работал в Иркутском военно-промышленном комитете и был правителем дел Восточно-Сибирского Отделения Географического Общества. И.И. Серебренников был известен, как человек очень широких научных взглядов, он писал сочинения по истории, статистике, этнографии, экономике. После февральской революции Иван Иннокентьевич — один из лидеров сибирских областников (правых). В годы гражданской войны был министром снабжения во Временном Сибирском правительстве и участвовал в подготовке колчаковского переворота. В 1920 г. эмигрировал в Китай, затем в Чехословакию.

В эмиграции И.И. Серебренников продолжал изучать самые различные стороны общественной жизни Сибири. Он серьезно исследовал кадровый состав промышленных предприятий Сибири, работающих на оборону в 1916 г. Пришел к выводу, что рынок рабочих рук в этот период был ограничен, т.к. часть постоянных рабочих была призвана в армию и их отсутствие не компенсировала замена инородцами, военнопленными и китайскими работниками потому, что они были малоквалифицированными и не приспособленными к специфичному труду на сибирских предприятиях. В связи с этим, Серебренников был активным противником того, чтобы эти категории населения явились составляющим звеном сибирского рынка рабочей силы.

Много внимания Иван Иннокентьевич уделял проблеме развития внутренних путей сообщения, предполагая, что в дальнейшем оно будет способствовать подъему местной промышленности, что подтверждает его доклад о необходимости строительства Ленской железной дороги, которая должна будет ускорить рост обрабатывающей промышленности в крае.

Обращаясь к сельскому хозяйству, краевед отмечает большое значение животноводства, рыболовства, звероловства, лесного и горного промыслов, обращает внимание на этнический фактор развития аграрного производства. В своей исследовательской работе «Земледельческая Сибирь» автор делает следующий вывод: «Великороссы почти везде, за исключением областей: Семипалатинской, Приморской и Якутской, дают наибольшее количество лиц, занятых в земледелии. Народности, представители которых являются в Сибири пришлыми переселенцами, дают почти повсеместно наибольшие проценты земледельцев — таковы малороссы, белорусы, мордва, латыши и другие. То же можно сказать относительно татар и киргиз в Тобольской, бурят в Иркутской губер-

ниях, тунгусов — в Забайкалье и корейцев — на нашем Дальнем Востоке. Евреи дают ничтожный процент земледельцев» (Серебренников И.И. Земледельческая Сибирь: к вопросу о численности сельскохозяйственного населения Сибири. С. 16).

С сожалением следует констатировать, что главный труд Ивана Иннокентьевича — его дневники, которые он вел всю жизнь — остался неизданным до сих пор, отрывки из него опубликованы в некоторых номерах газеты «Земля». Глубокой болью за Отечество проникнуты следующие строки: «Мы не любим слов «революция», «революционеры», но если мы пожелаем вступить в путь активной, решительной борьбы с коммунистами, мы неминуемо станем революционерами. Меняются времена, меняются положение и лица! Теперь в России только два класса: внизу — голодные крестьяне и служащие (те же рабочие), сверху — коммунисты» (Климентьева А. Дневники И.И. Серебренникова // Земля. 1992. 14 июля). Страницы дневников И.И. Серебренникова заполнены наблюдениями о жизни русской эмиграции в Китае, подчас весьма откровенными. «Я вымарал оттуда, все те места, — писал Иван Иннокентьевич в октябре 1946 года, — в коих содержались неблагоприятные для японцев отзывы. Возможно, я спаникерствовал... Так или иначе, я все же несколько обескровил свои дневники. Я боялся, что японцы могут обратить свое внимание на журналистов (я причислял себя к таковым), как возможных свидетелей их деяний, и при том таких, которые могут собирать соответственные материалы и будут в состоянии в будущем их опубликовать. Однажды один русский эмигрант, служивший здесь в японской жандармерии, сообщил мне, что его начальник спрашивал: «А что делает сейчас Серебренников? Что он пишет?» Кажется, этот эмигрант ответил начальнику жандармерии в том смысле, что этот Серебренников интересуется всего больше в данное древней историей Китая... За последнее время, когда по Тяньзиню прошел слух, что наш город будет занят советскими войсками, я стал думать, что мне мои дневники надо будет куда-то спрятать, или, в крайнем случае, вымарать из них все те места, где я выражался неблагоприятно о большевиках, о коммунистах вообще, о Сталине и иже с ним» (Климентьева А. Дневники И.И. Серебренникова // Земля. 1994. 28 ноября). К счастью, советские войска не пришли в Тяньзинь, и дневники эмигранта остались в целости и сохранности.

Подступила старость, и Серебренниковы (И.И. и его супруга — Александра Николаевна) — детей у них не было — забеспокоились о сохранности своего наследства. Неожиданно пришло

предложение из Гуверовского института войны и мира взять на хранение их архив. После некоторого раздумья они приняли решение, и 6 июля 1946 г. в дневнике появились следующие строки: «Все же, наряду с грустью, мы с женой почувствовали и облегчение, отправив свой архив: мы знаем теперь, что все труды наши, плод многолетней работы, все, что наполняло нашу жизнь, не потеряется, не пропадет и сохранится... я написал профессору, что мой личный архив должен храниться в Америке до прекращения коммунистической диктатуры в бывшей России, после чего должен быть переслан в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске» (Климентьева А. Дневники И.И. Серебренникова // Земля. 1995. 24 июня).

Иван Иннокентьевич Серебренников скончался 19 июня 1953 г. в Тяньзине. Вот как описала его смерть Александра Николаевна: «В среду 17 июня 1953 г. муж не приходил в себя и пробыл без сознания до самой смерти, 19-го, в 12 ¹/₄ часа утра. Я безотлучно была около него, сидела, не раздеваясь, в кресле три ночи, и вместе со мной дежурила Зина, мой верный друг. В пятницу 19-го он стал умирать. Я, Зина и сестра Лиза Курбатова стояли в полном молчании в ногах его постели и следили за его агонией. Вот он стал дышать все тише и реже; потом дыхание остановилось. «Еще не конец, — шепнула мне сестра Лиза, — подожди немного». Еще два-три слабых вдоха долетели до нас, и опять дыхание остановилось. «Конец», — сказала Лиза. И в этот же миг взвилась из-под изголовья мужа высоко кверху белая бабочка — и исчезла».

Но время не властно над трудами исследователя, который бескорыстно внес весомый вклад в развитие отечественной исторической мысли.

А. Перегудова
БГУЭП

ИСТОРИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Рост и развитие окраин России находились в зависимости от распространения знаний, высокой культуры и вообще умственного прогресса русского населения. При помощи знаний русские люди открыли богатства Сибири, сумели воспользоваться ее дарами.

Сибирь и Дальний Восток, при условии развития здесь просвещения, могли бы уподобиться Индии по своему богатству. Но при освоении Сибири русское общество не могло выдвинуть про-

свещенные знанием силы потому, что в самой России просвещение только зарождалось. Знание и наука не участвовали в открытиях на востоке. Завоевателями Сибири были простые казаки, невежественные простолюдины, а колонизаторами — «гулящие люди»: промышленники и беглые крепостные крестьяне.

Культурное развитие населения в XVI и XVII вв. соответствовало общему невежеству Руси. Только в XVIII в. знание и образование начинали пролагать дорогу на Восток. Сибирь посещали ученые-иностранцы, такие как Мессершмидт, Паллас, Миллер и др. Общий уровень грамотности населения в то время был весьма низок. Историк и писатель С.С. Пашков посвятил один очерк нравам Сибири того времени. В нем он обрисовал темноту и невежество, царящие в сибирском обществе. Масса суеверий, предрассудков господствовала здесь, «заговоры», «колдовство», «порчи», «привораживания» составляли предмет целых уголовных дел. Животным и зверям присваивались человеческие свойства, то же самое переносилось на стихии, например, на ветер. К этому присоединялось влияние на русского человека инородческих взглядов и верований. Шаманы производили впечатление на русских казаков и промышленников, и они усваивали веру в могущество шаманов и их чудесную силу, обращались к ним в трудных случаях. Впоследствии русские так же легко усвоили веру в монгольских лам и верили в их медицину. Все это было естественно при отсутствии всякого просвещения. Предрассудки коренились в Сибири до XIX столетия. Все это не могло не отразиться на характере и умственном складе населения и в последующие эпохи.

Школы начинают появляться в Сибири только во 2-й половине XVIII столетия. Поводом для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношению к Сибири. В числе первых школ в Сибири учреждены специальные школы: «навигационные» — в Иркутске и Нерчинске и «геодезические» — в Тобольске и Томске. Навигационная школа в Иркутске была основана в 1754 г. В 1781 г. здесь была открыта первая городская школа, а в 1789 г. она преобразована в главное народное училище. К памятникам просвещения этого времени относились горные училища в Барнауле и Нерчинске. Самыми крупными учебными заведениями в Сибири были две семинарии, в Тобольске и Иркутске, но их существование не ознаменовалось ничем заметным в деле местного просвещения. В начале следующего века были основаны две гимназии: тобольская и иркутская, в 1806 г. в то же время открыты уездные и приходские училища в Тоболь-

ске, Иркутске, Красноярске, Енисейске. В 1816 г. в Иркутской губернии было основано 18 народных школ. Была предпринята попытка открыть народные училища. Ни школы, ни училища не нашли сочувствия и поддержки в администрации губернии. Открыв школы, губернатор отказался отпускать содержание учителям из общественных сумм, городская администрация также перестала заботиться о содержании училищ.

В таком положении находились образовательные средства Сибири к приезду М.М. Сперанского. Сделавшись генерал-губернатором Сибири, он обратил внимание на устройство учебной части в этом крае. Его деятельным помощником был Словцов, образованный сибиряк, всей душой преданный своей родине. Как образованный человек, Сперанский был поражен невежеством сибирского населения. Отправляя экспедиции, он вынужден был сам показывать обращение с компасом и учить, как следует дрессировать верблюдов для путешествия. Одною из первых его попыток было учреждение в Иркутске ланкастерской школы. Он возобновляет устройство народных училищ, и поручает их попечению Словцова и Зеркалова.

С отъездом Сперанского сибирские училища, основанные при нем, начали быстро приходить в упадок: сельские училища Иркутской губернии были большею частью закрыты, так как теперь они не находили энергичной поддержки в местном начальстве.

О женском образовании до середины XIX в. в Сибири почти не было и речи. В 1838 г. было учреждено первое женское учебное заведение в Иркутске — сиропитательный дом. Но это учебное заведение под влиянием попечительства купеческого сословия было превращено просто в заведение для подготовки прислуги. В 1845 г. открыт в Иркутске девичий институт. Иркутский институт был основан на началах, принятых в дворянских институтах европейских губерний, и с самого начала стремился к аристократичной исключительности. В 1860-х гг., при общем пробуждении осознания необходимости женского образования, открывались женские училища и гимназии в Омске, Красноярске, Томске и Иркутске.

Какую пользу приносили Сибири немногие учебные заведения за эти 50 лет, можно судить по числу учащихся в гимназиях. Из опубликованных отчетов о числе учеников в разные годы видно, что в первые годы после открытия гимназий в Сибири число учащихся в тобольской и иркутской гимназиях не превосходило 27–35 чел. В 1838 г. число учеников едва доходит до 11 в первой

и 150 — во второй. Затем, с конца 1850-х гг., начинается медленный рост. В Томской губернии только в 1853 г. число учеников дошло до 95, а в 1861 г. достигло 160. В 1873 г. в четырех сибирских гимназиях обучалось следующее количество учеников: в тобольской — 179, в томской — 298, в иркутской — 238 и в красноярской — 183, т.е. всего 898 учащихся на всю Сибирь (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2000. С. 403). Общество не видело никаких наглядных примеров применимости гимназического образования в практической жизни. Самая его богатая часть, купечество, не расположено было отдавать детей своих в гимназии, а учило их в лавках.

Недостаток средних и вообще учебных заведений в Сибири виден особенно ярко при сравнении Сибири с другими областями. До 1880 г. на всю Сибирь приходилось четыре гимназии, в Финляндии их было 6, на Кавказе — тоже 6, в Одесском учебном округе — 9, в Киевском — 12. (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 406).

Тем не менее, процесс развития народного образования идет. Например, в Иркутской в 1881 г. одна народная школа приходилось на 6368 душ населения и один учащийся — на 232 души, в 1886 г. — одна школа на 1854,9 душ и один учащийся — на 101,1, а к 1890 г. — на 1410,9 душ и на 49 душ населения соответственно (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 408).

И все-таки, как отмечает Н.М. Ядринцев: «Недостаток образованных людей отражался во всех сферах жизни. Сибирь много теряет от недостатка специалистов, в ней нет техников, почему промышленность находится в застое... Сибирь находится под торговым игом отдаленных местностей с их мануфактурными центрами... Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдают отсутствием всяких рациональных способов ведения дела» (Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 412). Стремление к просвещению, однако, все сильнее чувствовалось, а потребности в образовании проникали в сознание общества.

И. Соколов
ИГУ

ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ РОССИЕЙ НИЖНЕГО ПРИАМУРЬЯ

За несколько веков до появления русских на Амуре, здесь существовали государственные образования бохайцев чжур-

чжэнской «Золотой империи». В 1616–1640 гг. ряд походов в Приморье и на средний Амур совершили войска маньчжурских богдыханов. Но ни китайцы, ни маньчжуры здесь не закреплялись, не создавали своих поселений, не оставляли представителей своих властей. Цинское войско, как правило, ограничивалось ограблением и истреблением населения, угоном его на юг, изъятием пушнины и других ценностей. Словом, амурское население никогда не управлялось ни маньчжурами, ни, тем более, китайцами, а территория Приамурья никогда не входила ни в состав Китая, ни в границы маньчжурской Цинской империи.

Исследование Дальнего Востока русскими началось в XVII в. Отряд Василия Пояркова был набран из промышленных и «гулящих» людей. В него вошли также 16 казаков и стрельцов из отряда Головина. Этой экспедицией Поярков указал русскому народу путь к Восточному океану по великой реке. В 1656 г. из Енисейского острога выступила большая экспедиция воеводы Афанасия Пашкова. Он получил приказ найти на востоке пашенные места и поставить остроги. Весной 1649 г. Ерофеем Хабаровым на свои средства была организована исследовательская экспедиция, которая носила характер частного предприятия. Первыми представителями даурских племен, с которыми Хабаров провел переговоры, был Лавкай. От них русские землепроходцы узнали о напряженной политической ситуации, сложившейся в средней части бассейна Амура к середине XVII в. вследствие грабительных набегов маньчжуров. Второй поход Ерофея Хабарова состоялся в 1650 г. Хабаров заложил Ачанский город. Он приложил много труда для присоединения Приамурья к Русскому государству.

К последней трети XVIII в. русская географическая наука располагала крайне противоречивыми сведениями относительно Амура и Сахалина. Одним из первых исследователей, посетивших район Амура и Сахалина в последней трети XVIII в, был выдающийся французский мореплаватель Ж.Ф. Лаперуз, совершивший в 1785–1788 гг. кругосветное путешествие. Он нанес на карту, хотя и неточно, побережье Сахалина и материковой части Татарского пролива, открыл пролив между Сахалином и Хоккайдо. Только на основе промеров, показывающих постепенное уменьшение глубин к северу, Лаперуз сделал предположение о существовании перешейка между Сахалином и материком. Достигнув залива, названного им Де-Кастри, Лаперуз проверил свою гипотезу путем опроса местного населения — гиляков. Приняв объяснения гиляков за подтверждение своей теории о постоянно повышающемся дне в северной части

Татарского «залива», Лаперуз сделал окончательный вывод о том, что между Сахалином и материком существует перешеек и что по этой причине в устье Амура не могут входить морские суда.

Через десять лет, в 1797 г., этот же регион посетила другая иностранная экспедиция во главе с англичанином У.Р. Броутоном. Английская экспедиция подтвердила выводы французской. Чтобы окончательно выяснить вопрос о географическом положении данного района, Российско-Американская компания в 1803 г. поручила И.Ф. Крузенштерну, отправляющемуся в кругосветное путешествие, исследовать юго-западное побережье Охотского моря и лимана Амура, а также описать Сахалин. После исследования Крузенштерна осталось еще неизведанное пространство, составляющее от 80 до 100 миль, и положение устья Амура так и не было определено с достоверностью.

Выводы столь авторитетных исследователей, как Ж.Ф. Лаперуз, У.Р. Броутон и И.Ф. Крузенштерн невольно подводили к мысли о том, что река Амур не имеет выхода в океан, что она теряется в песках лимана и, следовательно, несудоходна, по крайней мере в своем устье. Это создавало превратное представление об Амуре как реке совершенно бесполезной. Несмотря на это, интерес русских людей к Амuru сохранился. В 1829 г по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского и с помощью Российско-Американской компании была организована экспедиция по исследованию Шантарских островов. Вместе с описанием этих островов начальник экспедиции П.Т. Козьмин в 1831 г. доставил сведения об Амуре, при этом представил «проект, каким образом и какими средствами он мог бы обследовать течение Амура и устья реки и вообще собрать подробные и точные сведения об этих предметах, так и о народах, обитающих по берегам реки Амура».

Увеличивающееся число иностранных китобоев в Охотском и Японском морях, занимавшихся хищнической эксплуатацией природных богатств края и грабежами местного населения, возрастающие трудности снабжения русских поселений на Дальнем Востоке и в Северной Америке вызывали беспокойство русского правительства. Особую озабоченность вызывала у него растущая колониальная экспансия Англии, самой передовой капиталистической державы того времени. Бурное развитие промышленного производства в этой стране, последовавшие за промышленным переворотом, отразилось и на ее колониальных владениях, все более превращавшихся в важные источники сырья для английской промышленности и выгодные рынки сбыта ее товаров.

Особые надежды английская торгово-промышленная буржуазия возлагала на китайский рынок, давно привлекавший внимание западноевропейских купцов. Свои надежды на сравнительно легкое завоевание китайского рынка она связывала с экономической, политической и военной отсталостью Цинской империи. Конфискация китайскими властями у английских купцов в Гуанчжоу в марте 1839 г. опиума, запрещенного в Цинской империи, послужила поводом для развязывания так называемой «опиумной войны» (1839–1842). «Опиумная война» закончилась тяжелым поражением цинских войск и завершилась подписанием в 1842 г. Нанкинского договора, по которому Китай уступил Англии Гонконг, открыл для английской торговли пять портов (Кантон, Шанхай, Амой, Фучжоу, Нинбо).

Укрепление позиций западных держав в Китае не могло не оказать влияния на внешнюю политику русского правительства. В 1843 г. русское правительство учредило так называемый Особый комитет для обсуждения и выработки мер по укреплению своих позиций на Дальнем Востоке в связи с изменившейся там обстановкой. Член этого комитета мореплаватель и дипломат Е.В. Путятин предложил отправить на военном судне в Кантон (Гуанчжоу) доверенное лицо для ведения переговоров с китайским правительством.

Для перехода к практическим мерам, связанным с обеспечением безопасности русских владений на Дальнем Востоке, необходимо было предварительно решить вопрос о судоходности устья и лимана Амура. В условиях значительного укрепления политических и экономических позиций западных держав в Китае после «опиумной войны» 1839–1842 гг. отправка официальной русской экспедиции для исследования данного района представлялась нецелесообразной, поскольку такая мера могла привлечь внимание западных держав, стремившихся не допустить укрепления позиций царской России на Дальнем Востоке. Поэтому русское правительство в декабре 1844 г. решило провести исследование устья Амура силами и средствами Российско-Американской компании.

Одновременно с попытками решения вопроса об исследовании Амура русское правительство принимало меры к созданию на побережье Охотского моря нового порта, более удобного, чем Охотск.

Между тем администрация Восточной Сибири продолжала поиски места для нового порта, так как Аян, имевший некоторые преимущества перед Охотском, также не решал проблемы современного снабжения русских владений на Тихом океане

всем необходимым. Было организовано еще две экспедиции по Амуру и составлен доклад. На основе материалов доклада был подготовлен проект нового порта и отправлен в Петербург. Морское министерство положительно отнеслось к этому проекту и направило его на отзыв Н.Н. Муравьеву, назначенному генерал-губернатором Восточной Сибири.

Прошло менее года, как перед русским правительством был вновь поставлен вопрос о необходимости повторного исследования устья Амура. Инициатором посылки новой экспедиции в этот район выступил талантливый морской офицер Г.И. Невельской. Экспедиция Невельского собрала немало полезных сведений по физической географии северного побережья Сахалина, лимана и устья Амура. Плаванием «Байкала» было положено начало систематическим гидрографическим съемкам, благодаря чему весь обследованный экспедицией район был нанесен на карту.

19 января 1851 г. по предложению царя состоялось заседание Особого комитета, которому предстояло обсудить направленную в правительство записку Н.Н. Муравьева, касающуюся проблем Дальнего Востока и вынести по ней свое решение. В 1853 г. Н.Н. Муравьев был в Петербурге. В то время начиналась Крымская компания. Опасаясь, что англичане могут блокировать Петропавловск на Камчатке и, что всего хуже, занять Амур и все морское побережье, Н.Н. Муравьев горячо просил государя о защите наших восточных владений.

В августе 1853 г. последовало распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева по забайкальскому казачьему войску «о назначении офицеров, урядников и конных казаков» для сформирования сводной амурской сотни и пешего сводного полубатальона для следования в навигацию 1854 г. к устью реки Амура. Эта военная экспедиция положила начало заселению русскими южной части российского Дальнего Востока.

Ю. Субботина
БГУЭП

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА

До сих пор существуют проблемы датировки и обстоятельств основания города Иркутска. Большинство летописей отсчитывают историю города от некоего зимовья, поставленного в

1652 г. на острове Дьячем в устье р. Иркут. М. Стож, например, обобщая легенды и предания об Иркутске, отмечал, что «как поселение оно было известно еще в 1640 г.» В середине XIX в. священник Кудинской церкви записал от местных жителей предание, по которому их предки пришли в эти места, когда Иркутского острога не было. Свои зимовья они ставили на Ангаре. Наиболее трудно поддается объяснению версия исследователя А.И. Лосева, он относит возникновение поселения к 1620, связывая его с действиями промышленных людей (Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 17).

К концу 1630-х гг. русские землепроходцы укрепились на Ангаре и искали пути к оз. Байкал. Весной 1644 г. на 13 дощаниках к озеру отправился казачий атаман Василий Колесников. По дороге казаки основали Осинский острог, где провели зиму. Летом следующего года они вышли к Байкалу. В эти же годы во главе Братского острога становится И. Похабов. В 1647 г. его с отрядом 96 чел. направили в южное Прибайкалье. Затем отсюда сын боярский с частью служилых предпринял поход в долину Иркута, где привел в подданство местных бурят, захватил князя Нарая. Возможно, к этому времени и относится постройка зимовья.

В июне 1660 г. управителем в Братские остроги (Братск, Балаганск) был назначен Я.И. Похабов. В сентябре этого же года он совершил поход на Иркут, и «призвал в ясак» «новых неясачных людей князца Яндаша с его улусными людьми». В декабре 1660 г. к нему в Балаганский острог прибыл гонец от тувинцев, и просил поставить острог в устье Иркута для сбора ясака и для защиты от притеснявших красноярских казаков. Строительство острога напротив устья Иркута началось 6 июля 1661 г. силами небольшой группы казаков во главе с енисейским сыном боярским Яковом Похабовым. Острог решили ставить на берегу Ангары «против Иркута, на Верхоленской стороне... место самое лучшее, утожее для пашен и скотины выпас и рыбные ловли все близко», — так писал в донесении Похабов (Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990. С. 14). Будущий город имел первоначально название — Яндашский, по имени местного князца Яндаша, но в 1662 г. острог переименовывается по названию реки Иркут — Иркутским. Первый острог строился как деревянная крепость, имел четыре башни, которые располагались по углам. Так началась история Иркутска. На первой карте Сибири он был отмечен словом «зимовье».

В 1669–1670 гг. новый управитель енисейский сын боярский А. Барнешлев увеличивает крепость в 35 раз. Главными оборо-

нительными сооружениями были острожные башни. По углам располагались четыре глухих башни. В центре острожной стены стояла Спасская башня. Над воротами башни возвышался амбар, над ним — жилое помещение и две небольшие часовни, венчал это сооружение деревянный шатер. Еще две проезжие башни выходили на степные стороны. Вокруг всего острога «поставлены надолбы мерою четыреста сажень», они представляли собой короткие заостренные кверху столбы, служившие препятствием против действий конного войска (Шахеров В.П. Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 5). В 1672 г. по распоряжению А. Барнешлева была поставлена деревянная шатровая Спасская церковь. Она размещалась в центре острога. В том же году ниже по течению Ангары старцем Герасимом был заложен мужской Вознесенский монастырь.

В сентябре 1675 г. Н. Спафарий, возглавлявший русское посольство в Китай, отмечал, что «острог строением зело хорош, а жилых казацких и посадских дворов с 40 и больше, и место самое хлебородное ...». К концу XVII в. в Иркутск на постоянное место проживания прибывают служилые и посадские люди из Сургута, Березова, Туринска и других районов Северной Руси. Приезжим служилым людям, согласно распоряжению Сибирского приказа, данного в 1679 г., в дополнение к жалованию выдавалась пахотная земля площадью 5–10 десятин каждому (По выставочным материалам Музея истории города Иркутска).

С 1682 г. Иркутский острог становится центром самостоятельного уезда, что привело к необходимости расширения острожных строений. По некоторым сведениям недалеко от крепостных стен находилось озеро. Исследователи пишут, что первоначально местность вблизи острога была болотистой. Здесь из реки Иды в направлении на юг текла небольшая протока — р. Грязнуха, впадавшая в Ангару. В дальнейшем, речка и болото были засыпаны землей, высохли, и затем совсем исчезли. А что касается озера, то в апреле 1690 г. прорубили глубокие каналы, а воду из озера выпустили в Ангару. Это место разровняли, и позднее там образовалась Торговая площадь (По выставочным материалам Музея истории города Иркутска).

Иркутск, благодаря своему расположению, быстро рос, и уже к 1699 г. в нем насчитывалось около 1000 иркутян (Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 6). В новой крепости насчитывалось семь башен, из которых старой оставалась только проезжая, которая располагалась в береговой стене. Внутри остро-

га располагались церковь, административные, хозяйственные и жилые постройки. Здесь находились пороховой, погреб, гостиный двор с 11 лавками, изба для приезжих торговых людей, таможенная изба с амбаром, винный погреб и соляной амбар. В береговой стене в старой башне был устроен амбар для хранения собранного с местного населения ясака, в ту же стену была встроена приказная изба, или так называемая воеводская канцелярия. Городские стены крепости были сделаны рублеными, и острог стал называться «Иркутским рубленным городом». Вооружение крепости, по сведениям за 1697 г., состояло из трех медных пушек, сотни мушкетов, 654 пик и копий, 80 бердышей и другого оружия (По выставочным материалам Музея истории города Иркутска).

Со временем Спасская церковь уже не могла обслуживать все население города, в связи с чем строятся еще две деревянные церкви — Богоявленская и Чудотворская. За Ушаковкой в 1693 г. был основан Знаменский женский монастырь. В начале XVIII в. в Иркутске появляются первые каменные здания — приказная палата и Спасская церковь.

Разросшийся посад не имел никаких укреплений, но ситуация на русско-китайской границе была крайне напряженной, вследствие этого Иркутск находился под угрозой. Поэтому в 1726 г. Иркутск был полностью обнесен крепким палисадом, перед ним был вырыт ров, и устроены препятствия. За палисадной стеной были построены дома для солдат, и со временем здесь возникла небольшая солдатская слобода.

В 1728 г. острог вновь перестроили. Крепость сместилась в северо-восточном направлении примерно на 20 метров. Внутри располагались каменное здание воеводской канцелярии, дом воеводы, кладовые и погреба, гауптвахта и старая контора. Крепость представляла собой «малый город», а вне его находился «большой», обведенный деревянным палисадом. Именно в «большом городе» располагались каменный Богоявленский собор, четыре приходские церкви, гостиный двор, таможня, городская ратуша, мясной и мелочный ряды (Шахеров В.П. Форпост в Прибайкалье // Земля Иркутская. 2001. № 16. С. 6).

К середине XVIII в. острог в значительной мере сгнил, местами развалился, а ров осыпался. Пожар 1775 г. уничтожил остатки укреплений. Летом 1790 г. во время наводнения береговая стена и башни были подмыты, и позднее они были разобраны. Спустя некоторое время иркутский губернатор Б.Б. Леццано распорядился очистить территорию острога. На этом месте в 1824 г. был

разбит публичный сад. Сегодня местом, которое напоминает нам об Иркутском остроге, является Спасская церковь.

Е. Шабалина
БГУЭП

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В.

Иркутская губерния по своей величине превосходила не только любую из губерний Европейской России, но и такие европейские государства, как Германия и Франция. Однако плотность населения Иркутской губернии была крайне низка, хотя она, в свою очередь, превосходит среднюю плотность населения девяти губерний и областей Сибири.

По сведениям о числе и размерах населенных мест Российской империи, изданным Центральным статистическим комитетом в 1902 г. по результатам переписи 1897 г., число поселений Иркутской губернии, в состав которых вошли города, села, деревни, а также и временные расположения кочующих и инородцев, составило 2842 населенных пункта.

На одно населенное место в Иркутской губернии приходилось громадное пространство, это зависело главным образом от малой населенности края и, отчасти, от малого количества мелких селений.

В состав Иркутской губернии входило пять округов. В Иркутском округе сельское наличное население составило 111 626 чел. В Балаганском округе — 144 377. В Верхотенском округе — 67 749. В Киренском округе — 52 544. В Нижнеудинском округе — 75 166. Общее число сельского наличного населения составило 451 472 чел. Как видим, в Балаганском округе число сельского населения больше, чем в других округах, за ним следует Иркутский округ. В остальных округах сельское население значительно малочисленнее. Доля общего сельского наличного населения по отношению к общей численности населения Иркутской губернии составила 87,79% (Рассчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 1).

Селения в Иркутской губернии группировались в основном по рекам Ангара, Лена и некоторым их притокам. Наиболее многолюдные селения губернии были расположены по большому сибирскому тракту, этому способствовало движение по нему

множества обозов с товарами. Наиболее мелкие населенные пункты (например, заимки) встречаются преимущественно в Балаганском округе.

В сельском населении преобладали крестьяне, составляющие 63,69%. Затем следуют инородцы (25,53%), лица разных сословий, большинство которых состоит из ссыльных и переселенцев (7,42%), мещане (2,46%) и, наконец, дворяне, купцы, лица духовного звания, иностранные подданные и прочие, которые все вместе составляют лишь 0,9% всего сельского населения (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 11).

В сельском населении процент православных был ниже (82,61%), чем в городском (88,15%), так как значительная часть инородцев была язычниками. В сельском населении довольно велико число буддистов-ламаитов (2,55%) и, особенно, лиц других нехристианских исповеданий, из которых большинство принадлежит к шаманствующим (11,48%) (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 11).

В этнографическом отношении население Иркутской губернии было весьма разнообразно, имея в своем составе 70 различных народностей. Необходимо заметить, что по данным переписи 1897 г., распределение населения по народностям могло быть произведено лишь на основании показаний о родном языке. Кроме русских и местных сибирских инородцев в Иркутской губернии встречаются в большем или меньшем количестве почти все народности Российской империи, благодаря тому, что заселение Иркутской губернии, как и большей части Сибири, производилось и ссыльными, среди которых, конечно, находились лица самых разнообразных национальностей.

Кроме русских, составляющих главное ядро населения губернии, наиболее многочисленны были буряты, которые, главным образом, проживали в Балаганском округе (51 928 чел.), а также в Иркутском (30 835 чел.) и Верхотенском (24 595 чел.). Доля бурятского сельского населения по отношению к бурятскому городскому составляла 99,7%. Второе место по численности среди инородцев, после бурят, занимали якуты (сельское население — 2730 чел.). Доля якутского сельского населения по отношению к якутскому городскому составляла 99,8%. Якуты встречались почти исключительно лишь в северной части губернии, а именно в Киренском округе (2719 чел.). Далее по численности идут тунгусы

(сельское население — 2006 чел.). Среди тунгусского населения насчитывалось до девяти племен, не включая маньчжуров, которые почти все принадлежали к иностранным подданным. Доля тунгусского сельского населения по отношению к тунгусскому городскому составляла 99,4%. В основном тунгусы проживали в Верхоленском округе (578 чел.) и Киренском округе (1289 чел.) (Серебренников И.И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск, 1917. С. 11–34).

Большая часть евреев в Иркутском округе проживала в городе, в других же округах, напротив, большинство евреев являлись сельскими жителями. Татары встречались чаще в Иркутском, Балаганском, Нижнеудинском округах, также, как и поляки. Цыгане были распределены по округам довольно равномерно, и исключение составляет лишь Киренский округ, где их почти не было (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXV. Иркутская губерния. СПб., 1904. С. 13).

Сельское население губернии по численности весьма значительно превышало городское. Исключением являлся Иркутский округ, где городское население составляло 31,56%. Подавляющее большинство сельского населения занималось земледелием. Таким образом, на рубеже веков Иркутская губерния, по демографическим показателям, была регионом ярко выраженной аграрной направленности.

В. Шаламов
ИГУ

ОРДЕНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1797–1801 ГГ.)

В отечественной исторической науке тема землевладения и землеустройства была по целому ряду причин весьма актуальна. Этим вопросом занимались такие талантливые ученые как Н.М. Дружинин, И.Д. Ковальченко, Н.А. Проскуракова, А.В. Пешехонов и многие другие. Однако такое явление, как орденское землевладение так и не стало предметом отдельного исследования. Именно о нем пойдет речь в данной работе. Основным источником для исследования заявленной темы являются нормативные акты, входящие в Полное Собрание Законов Российской империи.

Как известно, поместья в России перестали отличаться от вотчин после выхода в свет указа Петра I 1714 г. Однако в царс-

твование императора Павла I они на некоторое время восстановились, но уже в виде временного земельного держания в качестве награды. Назывались эти держания непривычным для России термином — «командорство».

29 ноября 1798 г. Павел I принял титул великого магистра Мальтийского ордена (Орден св. Иоанна Иерусалимского). С юношеского возраста Павел увлекался историей рыцарства. Его идеалом всегда были рыцарские добродетели: мужество, великодушие, защита слабых и обиженных. Вот почему Мальтийский орден — прямой потомок средневековых рыцарских орденов — не только интересовал Павла, но и снискал к себе особое его расположение.

Все началось с так называемой «Острожской Ординарии» (этот майорат был учрежден в 1609 г. богатым польским магнатом, князем Янушем Острожским, на Волыни, с условием, что, в случае пресечения рода, ординария отходила к Мальтийскому ордену). Случилось так, что майорат, вместо того, чтобы перейти во владение ордена, оказался частью распродан, а частью заложен. В 1793 г. Волынь перешла, как известно, под власть российской короны. Екатерина Великая приняла на себя уплату некоторых польских государственных долгов, в том числе признала справедливыми претензии ордена, но в 1796 г. она умерла, не успев завершить дело до конца.

Вступивший на престол Павел I, всегда сочувствовавший ордену, заключил с ним 4 января 1797 г. конвенцию, согласно которой император признавал заведение этого ордена в России и жаловал в его пользу ежегодный доход в размере 300 тыс. польских злотых. Деньги эти собирались со всех староств Польши и передавались мальтийскому министру, казначею или другому назначенному для этого лицу. Из этой суммы 250 тыс. дохода шло на содержание 10 командорств и Великого Приорства Российского (так стали называться заведения Мальтийского ордена в России). Тем самым Павел старался привлечь орден к себе. Для нас это интересно в связи с тем, что в России впервые появились командорства, то есть земельные владения ордена, которые давали ему ежегодный доход и иногда передавались кавалерам в порядке старшинства в качестве поместья, бес права передачи по наследству.

Все кавалеры ордена составляли иерархию. Командорства получали старшие кавалеры, при условии предоставления доказательств происхождения от благородного рода, существовавшего не менее 150 лет и денежного взноса (для лиц моложе

15 лет — 2400 р., для лиц старше 15 лет — 1200 р.). Кавалер не мог сосредоточить два командорства в своих руках. Доходы с командорств шли его обладателю, а в переходный период, когда командорство не находилось ни в чьем личном владении, им заведовало Общественное Казначейство ордена, которое собирало с него налоги. Кроме этого, существовал особый вид командорства, даваемого по милости («di grazia»), которое за особые заслуги жаловал сам гроссмейстер вне зависимости от того, имел ли кавалер другое командорство или нет.

Учреждались также и родовые командорства. Такое имение переходило по наследству, но часть дохода командорства уходила в орденскую казну; родовой командор пользовался большей частью привилегий кавалера ордена. Все католики-дворяне Российской империи могли обратиться к поверенному Мальтийского ордена в России для образования родового командорства. В случае его утверждения, оно носило название фамилии основателя (среди них были: граф Октав де-Шуазель-Гуфье, князь Людвиг Радзивилл, граф Михаил Лопот, граф Казимир Плятер и другие). Родовые командоры составляли как бы низшую ступень ордена, и для него являлись курицей, несущей золотые яйца. В случае смерти родового командора, принявшего обет, имение переходило ордену.

17 ноября 1797 г. Павел I приказал учредить еще три командорства для капелланов (духовных лиц) ордена в России, как было заведено на Мальте. В этот же день учредили еще 10 командорств и для их поддержания из казны ежегодно стали выдавать 216 тыс. р.

29 ноября 1798 г., когда Павел стал великим магистром, он учредил 98 командорств для православных кавалеров, при этом император сам выбрал первых командоров. Командорства эти имели различную доходность: два из них приносили ежегодно по 6 тыс. р. каждое, четыре — по 4 тыс. р., шесть — по 3 тыс. р., десять — по 2 тыс. р., шестнадцать — по 1,5 тыс. р., шестьдесят — по 1 тыс. р. Все они платили в орденское казначейство респонсии по 20% от дохода имения. В случае если в течение пяти лет одно из 98 командорств было свободно, то магистр имел право «по милости» пожаловать его за отличие перед монархом, государством и орденом. При этом его можно было совместить с командорством по старшинству. Платежи же с него оплачивались полностью. Подобным образом проявлялись права императора, как гроссмейстера ордена.

21 июля 1799 г. Павел I изволил учредить русские родовые командорства. В командорства переводились имения с доходом

3 тыс. р., 10% от которого отчислялись в пользу ордена. Кроме этого, для претендентов были обязательны взнос в 1200 р., освидетельствование своего дворянского происхождения, внесение платы за вхождение в орден, пять лет старшинства в ордене и два года службы в воинских частях России в офицерском чине. Количество таких родовых командорств было небольшим, хотя среди его владельцев были такие земельные магнаты, как Демидов, граф Шереметев, князь Юсупов, барон Строганов, князь Долгорукий и другие.

Павел I использовал мальтийские традиции для утверждения собственных наград. Так, указом от 5 апреля 1797 г. Павел даровал кавалерам российских орденов, в числе прочих доходов, деревни для составления командорств с общим числом крепостных в 50 тыс. (для сравнения: всего при Павле I было роздано в личное владение 600 тыс. крепостных крестьян). Размер командорства в зависимости от ордена и его степени колебался от 1000 до 100 душ мужского пола. Кроме этого, командорства также полагались официалам или орденским чиновникам. Так, например, канцлеру орденов полагалось командорство в 1000 душ, обер-церемониймейстеру — 600 душ, казначею — 500 душ и трем церемониймейстерам — каждому по 250 душ. Иностранцы не могли иметь командорства. Нельзя также было сосредотачивать два командорства в одних руках.

Все без исключения командорства делились между светскими и духовного звания кавалерами. Лица духовного звания в управление командорствами не входили, но получали из орденской казны доходы. Таким образом, духовенство, получая за свою службу земельные держания, превращалось еще более в «чиновничество по духовному ведомству». Похоже, что Павел и это позаимствовал на Мальте. 30 апреля 1797 г. высочайше были утверждены правила управления командорственными имениями, по которым «командорам дозволялось заниматься исключительно сельским хозяйством и хлебопашеством или, предоставляя это крестьянам, получать с них оброк». Наблюдение за имениями лежало на обязанности гражданских губернаторов. В 1798 г. дозволено было командорства передавать в казенное управление, с получением доходов командорами.

С восшествием на престол императора Александра I значение ордена св. Иоанна Иерусалимского в России постепенно сходит на нет. 26 февраля 1810 г. орденская деятельность в России была ограничена, а командорские имения начали изыматься в казну.

Наконец, 20 января 1817 г. было утверждено положение, согласно которому после смерти родовых командоров наследники не имели права на это звание и ношение знаков Мальтийского ордена, орденские командорства были переданы в ведомство казенных палат. Более командорства в истории России не появлялись. Взамен их стали выдавать пенсии по указу от 4 июня 1801 г.

Вся система орденового землевладения была основана на инициативе одного человека — императора Павла I. После его смерти подобное явление, чуждое российскому обществу, исчезло. Орденовое землевладение играло роль награды, заменяющей денежное вознаграждение. Земельные дачи к концу XVIII в. уже изжили себя и русскому чиновнику скорее нужны были денежные пенсии, чем обременяющие его хозяйственные нужды. Попытка Павла I таким образом поддержать дворянство также не удалась, так как система требовала массу условий, под которые русское дворянство не подходило.

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

*А. Балаклеева
БГУЭП*

ЭНЕРГЕТИКА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ — ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Мы — люди Сибири, коренные сибиряки, должны понимать, что является основой благополучного существования на нашей территории. Иркутская земля богат и знаменита многим, но становой хребет ее — река Ангара — энергетический поток, который в данный момент состоит из четырех крупнейших гидроэлектростанций: Иркутской, Братской, Усть-Илимской и Богучанской. Важнейшая и крупнейшая из этих гидроэлектростанций — Братская. Город Братск — мощный экономический центр Сибири, обязанный своим существованием промышленным гигантам, в частности — ГЭС.

Государством были созданы условия для создания величайшей в мире ГЭС в тяжелейших условиях Сибири, когда от нулевой точки до приемки Братской ГЭС в постоянную эксплуатацию Государственной комиссией с оценкой «отлично» прошло всего 13 лет (Смолянин И. Сибирь глазами сибиряка. Иркутск, 2004. С. 83).

Строительству Братской ГЭС предшествовала большая исследовательская, теоретическая и практическая работа, которой были заняты десятки ученых, инженеров, проектировщиков. При строительстве ГЭС была достигнута очень высокая для того времени механизация строительных работ. Вот какие факты содержатся в отчете заместителя начальника Братскгэсстроя Григория Сергеевича Несмелова: «...В 1961 г. выполнены механизированным способом: Земляные работы — 93,7%, в том числе комплексным способом — 93,5%. Погрузо-разгрузочные работы — 98,1%. Монтаж металлических и железобетонных конструкций — 100%. Бетонные и железобетонные — 99,7% ... В течение девяти месяцев 1961 года проделана следующая работа: 1. Освоена механизированная штукатурка с применением высокопроизводительного штукатурного агрегата конструкции Тольмера. На строительстве работает 12 агрегатов Тольмера и находится в стадии изготовления еще 15 агрегатов. 2. На маляр-

ных работах в основном механизированы все процессы работ: шпаклевка поверхностей, окраска масляная стен, дверей и радиаторов, подача колерных составов, покраска поверхностей с помощью меховых валиков и др. 3. На обойных работах внедряются новые приемы на основе опыта московских строителей...»

Уже в 1935 г. был составлен первый проект гидростанции у Падунского порога — тогда его мощность была определена невиданной цифрой в 2,5 миллиона киловатт. В проектном задании на строительство Братской ГЭС в 1956 г. стояло уже 3,6 миллиона. Неустанный творческий поиск позволил довести мощность второй ступени Ангарского каскада до 4,5 миллиона киловатт (Никифоров Б. Это было на Ангаре. М., 1974. С. 11).

2 декабря 1966 г. Братская ГЭС выполнила годовой план по выработке электроэнергии. Народное хозяйство страны в первом году восьмой пятилетки получило из Братска 13 миллиардов 780 миллионов 144 тысячи киловатт-часов дешевой электроэнергии (Никифоров Б. Это было на Ангаре. С. 171).

Опыт, полученный строителями на возведении Братской ГЭС, был использован при строительстве гидроэлектростанции в Усть-Илимске. Если лозунгом Братска было: «Братскую ГЭС строит вся страна!», то лозунгом Усть-Илимска: «Усть-Илимскую ГЭС строит Братскгэсстрой!». Братскгэсстрой также возводил и лесопромышленный комплекс Усть-Илимска — более половины всех мощностей Братскгэсстроя было задействовано на этой стройке (Смолянин И. Сибирь глазами сибиряка. С. 123).

Сейчас на Братской ГЭС введены в строй восемнадцать гидротурбин, а мощность станций достигла 4500 тысяч киловатт. По линиям электропередач энергия братского гиганта устремилась на юг и запад, на север и восток, пробуждая производительные силы края, меняя условия труда и быта людей во многих городах и населенных пунктах. Людям, далеким от проблем гидростроительства, не дано понять и оценить в полной мере технический уровень нового сооружения, они могут лишь поверить специалистам, приезжающим со всех концов страны и со всего мира сюда перенять опыт и поучиться, да еще оставить в книге посетителей восторженные записи. Но не нужно быть специалистом, а стоит просто выйти на берег Ангары, увидеть издали величественную плотину, по которой несется поезд, как невольно поразишься простоте и красоте ее форм, ее гармонии с окружающей сибирской природой, словно перед тобою не техническое сооружение, а монументальное произведение искусства. Да это и есть монумент в честь поколения 1950–60-х гг.

ГЭС стала символом концентрации человеческого интеллекта, высочайшей культуры и высокой нравственности. Она связалась в сознании народа с идеалом коммунистического труда и быта, и дело тут не только в том, что стройка оказалась такой молодой, такой интернациональной, но и в том, что тут действительно укрепилось новое отношение к труду и высшая форма человеческого общежития. Недаром многие люди, живущие далеко за пределами Сибири, убеждены, что название города Братск происходит от «братства».

В последние годы уровень развития экономики области и страны в целом показывает, что наша экономика выходит из тяжелого экономического кризиса, вызванного распадом СССР и крушением системы административно-командной экономики, которая вместо реформирования была полностью разрушена. Ресурсный потенциал Иркутской области должен быть приведен в действие с использованием опыта реализации таких крупных проектов, каким было строительство Братской ГЭС. Предпосылки для этого имеются. На третьем Байкальском экономическом форуме, проходившем в сентябре 2004 г. в Иркутске при представительстве ряда министерств Российской Федерации, членов Совета Федерации и депутатов Государственной думы и Законодательного собрания Иркутской области, делегаций некоторых зарубежных стран (США, Японии, КНР, Франции), велись активные дискуссии по освоению Ковыктинского газоконденсатного месторождения, Сухоложского месторождения рудного золота, о строительстве малых гидроэлектростанций, по развитию агропромышленного комплекса. Теперь стоит главная задача — организация новых строек, без чего все эти рекомендации останутся лишь пожеланиями на бумаге.

М. Безъязыкова

М. Борхонова

БГУЭП

ДЕЛО ЮКОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Российское судопроизводство никогда не пользовалось на Западе большим уважением. Дело ЮКОСа его не прибавило. Нельзя было не заметить, что судебное преследование оказалось выборочным. Общество так и не получило внятного ответа на вопрос,

почему выбор пал именно на Ходорковского, при том, что практически дармовая приватизация и схемы уклонения от налогов, которыми пользовался ЮКОС, еще недавно были типичны для всего российского бизнеса. Надо ли удивляться, что в комментарии из Москвы итальянское агентство АНСА подчеркивало: «В России Владимира Путина есть олигархи и олигархи. Враг Ходорковский плачет, а друг Абрамович смеется» (Жамоза Т. «Дело ЮКОСа». Кто проиграл? // Новое время. 2003. № 47. С. 4).

Девять лет заключения в колонии общего режима, к которому суд приговорил Ходорковского и Лебедева, оказались неожиданностью даже для опытных юристов. Ясно, что это некая воспитательная акция, безусловно, связанная с политическими пристрастиями опального олигарха, которых последний, на свою беду, никогда не скрывал.

Ни для кого не секрет, что действовавшая в России в последнее десятилетие прошлого века налоговая система в полном смысле слова душила предпринимательскую деятельность. Получая от покупателя вашей продукции определенную сумму денежных средств, вы должны были заплатить с нее государству налог на добавленную стоимость (двадцать процентов от цены реализации), налог на пользователей автомобильных дорог (один процент от выручки) и налог на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы (полтора процента). Чтобы пустить полученные деньги на оплату труда, следовало отдать во внебюджетные фонды тридцать пять и шесть десятых процента от начисленной заработной платы. Затем вычесть из заработной платы подоходный налог (от двенадцати до тридцати процентов) и взнос в пенсионный фонд (один процент). После чего выдать на руки сотрудникам то, что осталось. В результате один рубль, полученный работником за свой труд, должен был сопровождаться выплатой государству от девяноста до ста двадцати копеек обязательных отчислений. Именно поэтому большинство бизнес-схем того времени носило полужульнический характер. Однако были и вполне законные способы минимизации налоговых платежей, связанных с доходами физических лиц. Действовавшее законодательство предусматривало, например, возможность приобретения патента на занятие предпринимательской деятельностью без образования юридического лица.

С начала 1996 г. по конец 2001 г. действовала старая редакция закона «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства». Со-

гласно этому закону индивидуальный предприниматель, приобретший патент на занятие предпринимательской деятельностью, освобождался от уплаты практически всех налогов: годовая стоимость патента являлась фиксированным платежом, заменяющим уплату налогов за отчетный период. Патент выдавался сроком на один календарный год налоговыми органами по месту постановки предпринимателя на налоговый учет. Годовая стоимость патента устанавливалась решением органа государственной власти субъекта РФ в зависимости от вида деятельности (Александров А. Олигархи, на выход // Эхо планеты. 2005. № 24–25. С. 16–17).

Михаил Ходорковский использовал именно эту возможность. Он зарегистрировался в качестве предпринимателя без образования юридического лица и купил патент на занятие предпринимательской деятельностью. А затем заключил с несколькими иностранными компаниями договоры подряда на оказание консультационных и информационных услуг. Патент за 1998 г. обошелся ему в две тысячи рублей, патент за 1999-й в четыре тысячи. А вознаграждение за оказанные им консультационные услуги составило десять миллионов семьсот сорок семь тысяч рублей за 1998 г. и сто сорок два миллиона триста пятьдесят две тысячи рублей за 1999 г. Неудивительно, что прокуратура искренне не верит, что консультационные и информационные услуги могли стоить так дорого.

Итак, приговор вынесен — для ЮКОСа наступили тяжелые дни: были остановлены переговоры о подписании контракта на поставку сибирской нефти в Китай по трубопроводу Ангарск-Дацин, что, по разным оценкам, обернется российскому бюджету ежегодными потерями от 1,5 до 2 млрд дол. Сам Михаил Борисович не раз отмечал, что рост добычи нефти возможен лишь за счет увеличения экспорта, поскольку внутреннее потребление нефти в России остается стабильным.

По мнению бывшего главы ЮКОСа, возможности экспорта в восточном направлении пока ограничены 30 млн тонн нефти в год. Именно этот объем нефти готов был поставить ЮКОС в Китай на втором этапе реализации проекта Ангарск-Дацин. Проект строительства трубопровода до Находки становится эффективным при поставках нефти в объеме 50 млн тонн. Доразведка запасов нефти в Восточной Сибири заняла бы, по расчетам компании, не менее 25 лет. На эти цели нефтяным компаниям необходимо было бы потратить 8 млрд дол.

Еще один важный для нашего региона аспект — сегодняшнее положение дел в Ангарской нефтехимической компании, которая является дочерней компанией ЮКОСа. Руководство АНХК заявило о возможном введении на предприятии процедуры банкротства. Как выяснилось, всему виной затянувшийся конфликт АНХК и компании New Century Securities (Лихтенштейн). Последняя утверждает, что почти десять лет назад получила вексель АНХК на сумму 58 млн дол., а с учетом пени и штрафов сумма долга увеличилась в пять раз (Устюжанина Е. Уголовная экономика // Новое время. 2005. № 23. С. 9–11).

В самой АНХК претензии кредитора считают неправомерными. Однако Арбитражный суд Москвы принял решение о взыскании с АНХК в пользу New Century Securities долга по векселю в размере более 300 млн дол. По мнению экспертов, в этих условиях банкротство Ангарской нефтехимической компании является вполне реальной перспективой — у ЮКОСа уже не осталось ни сил, ни желания сражаться за свои активы. Мало того, ряд аналитиков не исключает, что предъявление векселя — это своеобразный способ передачи АНХК компании «Роснефть».

Ангарская нефтехимическая компания была основана в 1955 г., а в 2001 г. вошла в состав НК ЮКОС. На сегодня АНХК — это крупнейший нефтеперерабатывающий актив ЮКОСа, которому принадлежит 100% уставного капитала предприятия. В АНХК входят нефтеперерабатывающий завод мощностью 19 млн тонн нефти в год, завод полимеров, завод катализаторов и органического синтеза, а также ряд других нефтехимических производств. Основная продукция АНХК — автомобильные бензины, дизельное топливо, мазут. По итогам 2004 г. АНХК переработала 8,8 млн тонн нефти. В феврале 2005 г. на АНХК было переработано 626,5 тыс. тонн нефти, получено 146,48 тыс. тонн бензинов. Всего в 2005 г. ЮКОС направил на переработку в Ангарск 8,5 млн тонн (Креон-инфо. www.rcc.ru).

Однако банкротство Ангарской нефтехимической компании не стоит воспринимать как неминуемую гибель предприятия. Как уже говорилось, предполагается, что за кредиторами, имеющими претензии к АНХК, стоит нефтяная компания «Роснефть». В ближайшее время ожидается раздел активов ЮКОСа, на базе которых будет создана государственная нефтяная компания. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что АНХК войдет в состав этой компании.

СИБИРЬ–КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В наше время уже довольно многое осуществляется в сфере китайско-сибирских отношений. Например, товарооборот регионов Сибирского федерального округа с Китаем в 2004 г. составил 4 млрд дол., а в 2005 г. уже около 5 млрд (Информация ИА REGNUM. 29.08.2005). 1 февраля 2006 г. в прессе появилась информация о том, что Алтайская торгово-промышленная палата подписала соглашение о сотрудничестве с Харбинским филиалом Китайского Комитета содействия развитию международной торговли (ККСМТ). Стороны договорились развивать сотрудничество для более эффективного содействия предприятиям, организациям и фирмам в вопросах развития и углубления всех форм внешнеэкономической деятельности. «...Шаги, которые делают навстречу друг другу торгово-промышленные палаты двух стран, непременно приведут к положительным результатам в развитии предпринимательства двух стран», — резюмировал президент Алтайской торгово-промышленной палаты Борис Чесноков (Информбюро «Аверс». 31.01.2006).

Стоит отметить, что следующий форум региональных торговых палат России и Китая пройдет в 2007 г. в Иркутске.

Развивается сотрудничество и в сфере энергетики. ЗАО «Комплексные энергетические системы» (КЭС) инициировало запрос на имя председателя правительства РФ Михаила Фрадкова по поводу разрешения на экспорт электроэнергии в Китай, которое предполагает строительство линий электропередач из Сибири в северо-восточные регионы КНР. КЭС выразило готовность выступить соорганизатором проекта, координатором его инвестиционной части и соинвестором. Китайская сторона в 2004 г. постоянно заявляла о необходимости увеличения поставок электроэнергии из России и о готовности рассмотрения такой программы. КЭС управляет крупным пакетом акций ОАО «Иркутскэнерго» в интересах СУАЛ-Холдинга. Очевидно, что предлагаемый проект экспорта электроэнергии в Китай может иметь неплохие перспективы для «Иркутскэнерго», если китайская сторона обеспечит высокую цену поставок. В качестве ориентировочных сроков строительства энергомоста из Сибири в Китай называются 3–4 года.

Увеличение спроса на лесные материалы в Китае и Европе привело к оживлению российского экспорта. В этом году лесопромышленники ожидают его значительного роста и повышения рентабельности внешнеторговых сделок. Самым лакомым видом экспорта сегодня является продажа леса в Китай. Страна, традиционно импортирующая лесное сырье, теперь ускоренными темпами покупает и круглый лес, и пиловочник, и даже фанеру, по производству которой Китай держит второе место в мире. Уже сейчас почти половина всего российского леса идет в Китай, более трети приходится на Японию. На глубокую переработку идет только 20% древесины, в то время как в странах с развитым ЛПК на эти цели уходит до 85%. По мнению экспертов, эта тенденция сохранится еще долго. Вывоз необработанных лесоматериалов является сегодня преобладающей статьёй доходов ЛПК. Доля «кругляка» в лесном экспорте страны выросла за последние 5 лет с 32,5 до 46,2% (Финансовые известия. 03.02.2004). Ничего хорошего для лесозаготовителей и леспрома в целом эксперты не ждут. Они считают, что в будущем дефицит сырья для перерабатывающих производств будет усиливаться. Но пока речь шла о легальном экспорте. О размерах нелегальной вырубki и экспорта древесины можно только догадываться: специалисты говорят о двух-трехкратном превышении браконьерского экспорта над легальным. В связи с ростом спроса на лес в Китае эксперты ожидают значительного увеличения нелегального вывоза леса из Сибири и Дальнего Востока. Сейчас ситуация с браконьерством оценивается как критическая.

Нефть и газ, — именно они, по мнению ученых, политиков, промышленников, будут определять место Иркутской области, да и всей Восточной Сибири, в стране и мире лет через пятнадцать. Мировые процессы указывают на то, что цена на нефть не будет падать в ближайшее время. Если года два назад 40% влияния на стоимость нефти падало на политику стран ОПЕК, 25% отводилось странам НАТО и большой восьмерки, а остальное — на геополитические риски и на быстроразвивающиеся страны, то теперь геополитические факторы занимают долю почти в 50% — конфликтные ситуации, которые могут нарушить поступление на рынки нефти (нестабильность на Ближнем Востоке), потенциальная угроза морским торговым путям со стороны террористических организаций. С другой стороны, высокая цена на нефть крайне опасна, так как она стимулирует поиск и развитие технологий энергосбережения, и разработку альтернативных ис-

точников энергии. Таким источником может стать газ. Россия с этой точки зрения становится энергетической «сверхдержавой», поскольку она обладает колоссальными запасами нефти, газа, не считая многочисленных АЭС и гидроэлектростанций. Определенное преимущество в этом просматривается у Байкальского региона — дешевая гидроэнергетика, запасы нефти и газа. Безусловно, в Восточной Сибири будут строиться магистрали, развиваться добыча газа и нефти. Потребности АТР — это мощный ресурс для развития Восточной Сибири. Они дают благоприятные возможности для целого ряда секторов экономики Иркутской области. Но есть и опасность — наличие такого потребителя, как Китай, может сыграть с регионом злую шутку — закрепить Сибирь в качестве придатка развивающихся стран.

Национальные интересы России требуют наладить экспорт энергоносителей — нефти и газа — в страны АТР. Есть все основания утверждать, что в первые двадцать-тридцать лет на востоке России будут созданы новые центры нефте- и газодобычи, возникнут новые отрасли в смежных отраслях энергетики, будут построены нефте-газопроводы и линии электропередачи. По имеющимся оценкам, стоимость такой энергостратегии за 15 лет, с 2004 по 2020 г., оценивается общей сложностью в 135–145 млрд дол. (Аргументы и Факты в Восточной Сибири. 13 апреля 2005. № 15). В эту сумму входят и затраты на создание новых центров нефтедобычи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, и строительство магистральных газопроводов. Это 30% тех затрат, которые предусматриваются на развитие энергетики всей страны и указаны в Энергетической стратегии России до 2020 г. Функции координатора Правительство возложило на Газпром, а он стремится реализовать собственные интересы, не всегда совпадающие с интересами регионов и других компаний. И пока «наверху» пытаются создать концепцию, в регионах идет работа по освоению местных газовых месторождений. И эта работа впоследствии может не вписаться в концепцию Газпрома. ВСГК приступает к реализации регионального проекта, а Газпром разрабатывает генеральную схему газификации потребителей Иркутской области. «РУСИА Петролеум» намерена поставлять ковыктинский газ в Китай и Корею, а Газпром — на запад в систему ЕС. Не так давно представители «Газпрома» и председатель Наблюдательного совета китайской нефтегазовой компании SINOPEC Ван Цзожань на рабочей встрече в Москве обсудили перспективы формирования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи,

транспортировки и газоснабжения, а также вопросы организации поставок из этой системы российского природного газа в Китай. Стороны достигли договоренности продолжить взаимодействие по направлениям, представляющим взаимный интерес. Хотелось бы надеяться что инвестиции будут привлекаться не только в добычу, но и в переработку, машиностроение и металлургию. Тем самым речь идет и о предпочтительности поставки в Китай готовой продукции, а не сырья, что важно как для регионов России в целом, так и для сибирских территорий.

Если мы хотим видеть реальные долгосрочные перспективы развития и региона, и Сибири в целом, надо разрабатывать комплексную, долгосрочную стратегию. А сделать это можно только при желании и поддержке правительства путем объединения усилий научно-исследовательских и проектных институтов России, администраций регионов и в тесной кооперации с топливно-энергетическими компаниями.

*Н. Глобенко
БГУЭП*

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время в области сформировалось несколько территориально-производственных комплексов (ТПК) и промышленных районов. Каждый из них объединяет низовые административные районы, промышленные города и рабочие поселки и выполняет специфические функции в едином народнохозяйственном организме. Эти функции обусловлены особенностями конкретной территории, ее ресурсным и производственным потенциалом, сложившимися внутренними и межрегиональными взаимосвязями.

На территории области выделяют шесть относительно самостоятельных территориально-производственных образований: Иркутско-Черемховскую промышленную зону, Братско-Усть-Илимский, Зиминско-Тулунский районы, Мамско-Бодайбинский горнопромышленный район, Тайшетский промышленный район и Верхнеленский ТПК.

Иркутско-Черемховская промышленная зона занимает 10% площади Иркутской области и отличается высоким уровнем инфраструктуры и транспортной освоенности. Трошковское место-

рождение глины (7,9% запасов России) отрабатывается Восточно-Сибирским огнеупорным заводом и Хайтинским фарфоровым производством. Савинское месторождение магнезитов находится в 90 км к юго-западу от г. Черемхово. Сосредоточивая 46,5% разведанных запасов бывшего СССР оно в состоянии обеспечить потребность всех стран СНГ во всех видах магнезитовой продукции на срок более 100 лет. При условии строительства в области электрометаллургического комплекса производств (Тайшетский район) его потребность в огнеупорных доломитах может быть удовлетворена за счет освоения разведанного в рассматриваемом районе Правдинского месторождения. Запасы достаточны для строительства ГОКа мощностью до 1,5 млн тонн в год. Особое значение имеет добыча особо чистого мелкозернистого кварца, обнаруженного в долине р. Маракан (полигон деятельности ЗАО «Севзолото»). Поставка особо чистого мелкозернистого кварца может стать важным направлением горнорудного освоения территории (подобный кварц добывается только на Урале шахтным способом на Кыштымском ГОКе). Цена 1 тыс. тонн кварца равноценна полутора тоннам золота. С северо-запада на юго-восток области проходят Транссибирская железнодорожная магистраль и Московский тракт. Имеются водные пути по южному Байкалу, Иркутскому водохранилищу и Ангаре. Здесь размещаются крупные тепловые энергетические мощности, возведена Иркутская ГЭС, развита сеть линий электропередач, создана мощная строительная база, построены важные промышленные объекты, имеется значительный жилой фонд. В этой зоне проживает более 52% населения области и производится 54% всей промышленной продукции (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области. Т. 2. Иркутск, 1999).

Братско-Усть-Илимский ТПК занимает второе место в области по численности населения и объему производства промышленной продукции. ТПК охватывает обширную территорию среднего Приангарья. Его развитие основано на использовании уникальных гидроресурсов Ангары, богатейших лесных запасов, высококачественной руды Ангаро-Илимского железорудного района. Расположен он вдоль среднего течения Ангары, на берегах Братского и Усть-Илимского водохранилищ, и включает Братский, Нижнеилимский, Усть-Илимский административные районы, города Братск, Усть-Илимск, Железногорск-Илимский, Вихоревку.

Братско-Усть-Илимский ТПК занимает 11% площади области, имеет менее благоприятные экономико-географические усло-

вия в сравнении с Иркутско-Черемховской промышленной зоной. На ее территории проживает 20% населения, производится 38% промышленной продукции. Его отличительная особенность состоит в комплексном использовании гидроэнергетических, лесных, минерально-сырьевых природных ресурсов. Здесь построены промышленные гиганты, такие как крупнейший в мире Братский алюминиевый завод (БрАЗ), выпускающий треть металла страны, а также Братский и Усть-Илимский ЛПК, на которых сейчас производится почти половина российской целлюлозы. Создана мощная база строительной индустрии. Имеется машиностроительное производство. Город Железногорск-Илимский — центр горнодобывающей промышленности района (ekologyserver.icc.ru).

Зиминско-Тулунский ТПК охватывает Куйтунский, Заларинский, Тулунский, Усть-Удинский, Зиминский и Балаганский административные районы, а также города Тулун, Саянск, Зима. По площади территории ТПК самый маленький в области (8%). Однако среди других экономических районов он занимает третье место как по численности проживающего населения (10%), так и по объему выпуска промышленной продукции (4%). На территории ТПК развита угольная, химическая, деревообрабатывающая, гидролизная промышленность. Возможны расширение химического производства в Саянске, увеличение добычи угля в районе Тулуна, рост объема лесозаготовок на берегах Братского водохранилища для снабжения сырьем Братского ЛПК при одновременной утилизации лесных отходов на гидролизных заводах в Тулуне и Зиме.

Мамско-Бодайбинский горнопромышленный район расположен на северо-востоке области, в бассейне Витима. По площади территории (18%) он занимает второе место среди территориально-производственных образований Иркутской области, по численности проживающего населения (2%) находится на последнем месте. Доля промышленности составляет 2%. Район имеет важное промышленное значение как крупнейший в стране поставщик слюды-мусковита.

Верхнеленский ТПК находится на стадии развития. Он охватывает северные районы области, зону БАМа, а также территории, прилегающие к бассейнам Лены, Киренги и Нижней Тунгуски. В общей площади Иркутской области ТПК занимает 40%, в численности населения — 7%, в объеме промышленной продукции — 1%. По данным выполненных поисково-оценочных работ в южной части Усть-Кутского района имеются продуктивные

газоносные отложения — северные территории Ковыктинского газоконденсатного месторождения, подготовленного к освоению в Жигаловском районе. Ковыктинское газоконденсатное месторождение — самое крупное не только в Иркутской области, но и на всей территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. К настоящему времени в пределах ТПК также получили развитие деревообработка, водный и железнодорожный транспорт, предприятия легкой и пищевой промышленности. Наиболее крупными отраслями являются судостроение и судоремонт, а также лесозаготовка. В пределах Верхнеленского ТПК сосредоточены большие запасы древесины, углеводородного сырья, калийной соли, обнаружены месторождения свинцово-цинковых руд и флюорита. Имеются перспективы выявления алмазов. В центральной части ТПК находятся основные массивы кедровых лесов Иркутской области и всей России. Кедровники богаты промысловыми видами животных, ценными растительными ресурсами. В Усть-Куте расположен крупнейший речной порт России — Осетрово, который справедливо называют «Воротами на Север»

Таким образом, Иркутская область могла бы стать одним из регионов, где имеются все необходимые условия для экономического прорыва. Здесь сосредоточены огромные ресурсы углеводородного сырья Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Иркутская область располагает практически неисчерпаемыми запасами высококачественной поваренной соли. А также в области действуют крупные химические предприятия с хорошо развитой производственной, социальной инфраструктурой и высококвалифицированными кадрами. И нужно отметить такой фактор государственного значения, как необходимость увеличения производственного потенциала восточных районов России, создания здесь новых рабочих мест, обеспечивающих привлечение и закрепление трудовых ресурсов.

Ю. Елфилова
БГУЭП

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ СИБИРИ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чтобы не ошибиться, определяя место России в глобальной экономике, нужно учитывать двухуровневость российской экономики. Это означает, во-первых, необходимость определить

место России как единого целого в качестве участника общемировых экономических процессов, во-вторых, взглянуть на Россию в ее трех основных геоэкономических составляющих — Европейская часть РФ, Сибирь и Дальний Восток. (Михеев В.В., Якубовский В.Б. Роль и место России в развитии интеграционных процессов в АТР и СВА. М., 2004).

Такой двухуровневый подход позволяет увидеть место России в АТР в двух измерениях: как глобальной экономики и как экономики региональной. Европейская часть российской экономики и, в значительной степени, Сибирь представлены в АТР как составные части глобальной российской экономики, но пока глобальный характер ограничен сырьевыми рынками нефти, газа, редкоземельных металлов, лесных, рыбных ресурсов и весьма ограниченным набором отраслей высоких технологий (оборудование для АЭС, космические услуги, современные военные технологии и технологии двойного назначения). Дальневосточная и восточносибирская экономики, в отличие от европейской части РФ и Западной Сибири, напротив, предстает в АТР как экономика региональная.

Для России, кроме СВА, огромное перспективное значение имеет развитие сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии, объединенных в региональную группировку АСЕАН. Сибирь занимает исключительно важное положение в экономике и системе безопасности России. На ее долю приходится 40% территории страны и 16,3% населения. Район выделяется уникальным по объему и качеству природно-ресурсным потенциалом. В его недрах сосредоточено 62,2% валовой ценности балансовых запасов полезных ископаемых страны, в том числе 71% нефти, 78% природного газа, 69% угля, 87% свинца, около 70% меди, цинка и никеля. Сибирь богата водными и гидроэнергетическими ресурсами, запасами лесопромышленного сырья. Благодаря широкомасштабному освоению природно-ресурсного потенциала за последние три-четыре десятилетия Сибирь стала главной энергетической и сырьевой базой страны, фундаментом финансовой устойчивости государства. В валовом внутреннем продукте и объеме промышленного производства страны на долю региона приходится почти 1/4 производимой продукции. Задачами мирового значения для Сибири являются: укрепление экспортной базы нефти, газа, цветных металлов и активизация постоянного участия России в мировых рынках этой продукции, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе; сохранение уникальных природных ресурсов бассейна озера Байкал и рациональное использование лесов Си-

бири, выполняющих функции «легких» планеты; включение Северного морского пути в систему мировых транспортных связей, а воздушного пространства над Сибирью и ее территории в коммуникационно-коммерческий регион международного масштаба.

По макроэкономическому прогнозу в структуре промышленности Сибири до 2000 г. будет преобладать тенденция увеличения доли добывающих отраслей, а после 2000 г. начнет набирать силу обрабатывающий сектор. Определяющая роль сохранится за сырьевым экспортом, в котором, при стабилизации рынка нефти в Европе намечается наращивание ее экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и обеспечение роста экспорта газа. Стратегические задачи Восточного направления включают освоение ниш на рынке энергоносителей в Северо-Восточной Азии и в странах АТР, активизацию инвестиционного сотрудничества (Тригубенко М. Экономическая интеграция в Северо-Восточной Азии и российский Дальний Восток. М.: Изд-во РАН, Институт международных экономических и политических исследований, 2005).

Россия является крупнейшим производителем нефти и газа в мире. В 2003 г. правительством была утверждена энергетическая стратегия до 2020 г., согласно которой было усилено внимание к разработкам энергоресурсов Восточной Сибири: в Якутии, Иркутской области и Красноярском крае. Перспективными являются месторождения Юрубиевско-Тахомское в Красноярском крае, в Эвенкии, Верхнеченское в Иркутской области, Талаканское в Республике Саха (Якутия). На базе этих месторождений будет формироваться мощная нефтяная промышленность Восточной Сибири, где добыча нефти может быть доведена до 50–60 млн тонн, что составит 13–14% к общероссийской добыче 2020 г. Перспективные газовые ресурсы — это Чаянское и Ковыктинское месторождение. Важное значение приобретает инвестиционное сотрудничество ЮВА с Россией в разработке и импорте газа, добываемого с Ковыктинского газоконденсатного месторождения, расположенного в Иркутской области, запасы газа которого оцениваются в 1,2 трлн м³. Работа над технико-экономическим обоснованием проекта была завершена еще в 2003 г. По предварительным подсчетам, газопровод длиной 4240 км пропускной способностью 30 млрд куб. м. в год, будет проходить как по российской территории, (1960 км), так и по китайской территории (2000 км), а также пойдет в Южную Корею.

Основной системы транспортировки углеводородов на востоке России могут стать также нефте- и газопроводы из Восточной

Сибири до Тихоокеанского побережья. На этой базе в будущем можно будет создать кольцевую систему трубопроводов, охватывающую весь регион Северо-Восточной Азии.

Проблема состоит в том, чтобы постараться адресно использовать привлеченные средства и в ближайшей перспективе не менять сложившуюся структуру специализации народнохозяйственного комплекса в ДВР и Восточной Сибири. Базовыми отраслями этого комплекса, кроме ТЭК, являются лесная, рыбная, рыбоперерабатывающая промышленность, транспортные услуги.

Такой подход, конечно, сохраняет сырьевую специализацию промышленного комплекса, но дает возможность повысить конкурентоспособность дальневосточной экономики на внешних региональных рынках.

Мешает развитию ДВР и, особенно, развитию Восточной Сибири, не столько слабое ресурсное обеспечение из центрального бюджета, сколько инертность и нерешительность центральных властей в принятии решений на правительственном уровне в освоении крупных инвестиционных проектов. Отпугивают потенциальных внешних инвесторов риски, связанные с давлением на крупный российский бизнес, которое усилилось в 2004 г. В связи с делом компании ЮКОС. Россия не только потеряла на какое-то время китайские и японские инвестиции, которые предполагалось вложить в строительство нефтепроводов: Ангарск-Дацин, Ангарск-Находка, но и доверие Китая и Японии к способности России выполнять ранее подписанные соглашения (Тригубенко М. Экономическая интеграция в Северо-Восточной Азии и российский Дальний Восток). Это привело к переориентации китайских инвестиций в развитие нефтегазовой промышленности в Центральной Азии, точнее в Казахстан. Такое же положение сложилось с освоением крупнейшего в Восточной Сибири Ковыктинского газоконденсатного месторождения и строительства газопровода в Китай.

В рамках российской открытой внешнеэкономической политики в перспективе на Востоке России может формироваться единое экономическое пространство с организацией региональных структур. Российские ученые полагают, что подключение России к интеграционным процессам ускорит концепция специальной таможенной территории, представляющей экономике России больше стратегической, тарифной и монетарной автономии.

ГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

К настоящему времени в пределах Иркутской области разведано более десяти различных нефтегазоконденсатных, газоконденсатных и нефтяных месторождений. Однако крупномасштабная добыча углеводородного сырья пока не ведется. Подготовленные к промышленному освоению запасы практически не эксплуатируются. Нефтегазодобыча еще не играет сколько-нибудь значимой роли в экономике региона. Доказанные запасы газа составляют 2,27 трлн кубометров (начальные запасы — 11 трлн кубометров).

Ковыктинское газоконденсатное месторождение. Находится в Жигаловском районе, в 350 км к северо-востоку от г. Иркутск. Извлекаемые запасы: по газу — 86 966 млрд м³, конденсату — 3469 млн тонн. Лицензией на его разработку владеет ОАО «РУСИА Петролеум» («ТНК-ВР» принадлежит 62,42% акций, холдингу «Интеррос» — 25,82%, Комитету по управлению государственным имуществом Иркутской области — 11,24%). Ковыктинский газ может использоваться для промышленных, энергетических и коммунальных нужд Иркутско-Черемховского промышленного района и Зиминско-Тулунского ТПК, поставляться в соседние регионы и экспортироваться в страны АТР.

Братское месторождение. Находится в 40 км к северо-востоку от г. Братск. Извлекаемые запасы: по газу — 10,7 млрд м³, конденсату — 0,8 млн тонн.

Аянское месторождение. Находится в 170 км к северо-востоку от г. Усть-Кут. Извлекаемые запасы по газу — 10,2 млрд м³.

Атовское месторождение. Находится в 195 км к северо-западу от г. Иркутск. Извлекаемые запасы: по газу — 2,1 млрд м³, конденсату — 0,2 млн тонн (Винокуров М.А. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 1. Иркутск, 1998. С. 145).

Бильчирское месторождение. Эта перспективная относительно добычи газа площадь, расположенная в Осинском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, требует более детальной разведки. Обнаруженные здесь запасы газа могут использоваться для местных нужд (Винокуров М.А. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 1. С. 146).

Ресурсы Ковыктинского месторождения могут стать ключевым звеном будущего Азиатского энергетического сообщества,

где, кроме России, наиболее крупными потребителями энерго-ресурсов являются Китай, Республика Корея и Япония. Объем потребления газа только в Японии оценивается примерно в 1/6 разведанных запасов Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Освоение Ковыктинского месторождения предполагает реализацию трех основных этапов: его доразведку, строительство магистрального газопровода при одновременном формировании внутреннего рынка потребителей газа, эксплуатацию ресурсов месторождения, их добычу и реализацию. Общая стоимость работ предварительно оценивается в 7–12 млрд дол. При средней цене газа на мировом рынке в пределах 60–140 дол. за 1 тыс. м³ и при его ежегодном экспорте в объеме 20–30 млрд м³ все затраты по освоению Ковыкты окупятся за несколько лет (Винокуров М.А. Экономика Иркутской области: В 2 т. Т. 2. Иркутск, 1999. С. 60).

«Газпром» в Иркутской области владеет двумя лицензиями на право пользования недрами с целью геологического изучения Восточного и Западного участков Южно-Ковыктинской площади. В Иркутске была одобрена Генеральная схема газификации Иркутской области, которую разработало ОАО «Промгаз» (дочерняя компания «Газпрома»). Схема предусматривает газификацию 899 населенных пунктов области с населением 2,1 млн чел. на базе 11 углеводородных месторождений региона, в том числе Братского, Аянского, Марковского, Ярактинского и других. Реализация Генеральной схемы, по данным «Газпрома», позволит подать первый газ потребителям области в 2007 г. По оценкам «Промгаза», потенциальный объем потребления газа в Приангарье в перспективе до 2020 г. оценивается от 4,4 млрд до 5,1 млрд кубометров в год с последующим выходом на 9 млрд кубометров с учетом развития нефтегазохимических производств. Основной спрос сконцентрирован в Ангарском, Иркутском и Зиминском районах. Генеральная схема предусматривает создание в регионе двух центров газодобычи северного и южного с перспективой включения их в Единую систему газоснабжения (ЕСГ).

Первый центр — это Братское, Аянское и Марковское газоконденсатные месторождения. Именно с них «Газпром» предлагает начать газификацию Иркутской области с последующим включением других средних и мелких углеводородных участков. Это позволит подать первый газ потребителям Севера уже в 2007 г. Объем инвестиций в северный вариант может составить 420 млн дол. Южный центр будет завязан на Ковыктинском газоконденсатном

месторождении. Разработчики предлагают вести газ с Ковыкты сначала в Ангарск, потом в Иркутск, а уже после решать вопрос с ответвлением на Саянск, Нижнеудинск и Тайшет, затем соединить сеть с ЕСГ через Красноярский край с завязкой на северные районы. Это позволит создать замкнутую систему газоснабжения.

«Газпром» намерен стать единым оператором будущей газотранспортной системы в Иркутской области и сотрудничать со всеми недропользователями, предоставляя им возможность выходить с товаром на рынок. Сейчас в области распределено девять из 11 углеводородных месторождений, выдано 23 лицензии. Самым крупным недропользователем является ОАО «РУСИЯ Петролеум» (Ковытинское месторождение). По планам «Газпрома», конкурентоспособная цена на газ с учетом транспортировки составит в среднем 68 дол. за 1 тыс. кубометров. При этом, если проекты реализовывать локально, без единого оператора, то, по информации газовой монополии, цена на «голубое топливо» только с Аянского месторождения может составить 99 дол. за 1 тыс. кубометров. По программе газификации России на 2006–2007 г. будет выделено порядка 35 млрд р. Иркутская область может рассчитывать на часть этих средств для реализации газпромовского проекта.

По словам губернатора Иркутской области Александра Тишанина, «подписание договора с «Газпромом» — это мощнейший шаг в развитии региона», за которым последует практическая реализация газоснабжения. Комментируя выбор газовой монополии в качестве оператора, он отметил, что «здесь нет никакой политики», а «Газпром» является государственной компанией и надежным партнером. По мнению губернатора, «нельзя рассматривать газификацию региона в локальном виде, надо говорить о перспективах с точки зрения вливания в общую систему газоснабжения» (Служба новостей СИА. Проект генеральной схемы газификации Иркутской области. Служба новостей СИА. www.sia.Irk.ru).

*Н. Каморников
А. Писарев
БГУЭП*

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

За последние 15 лет в Иркутской области произошли серьезные демографические изменения — не в лучшую сторону. Чис-

ленность населения уменьшилась почти на 9%. А в некоторых северных районах — Мамско-Чуйском, Катангском и Усть-Кутском — людей стало почти в два раза меньше.

По рождаемости регион занимает 23 место в России. По этому показателю мы опережаем «собратьев» по СФО — Красноярский край, Кемеровскую, Омскую, Новосибирскую области. В 1988 г. в Иркутской области родилось около 60 тыс. младенцев, сейчас эта цифра — менее 30 тыс.

Госкомстат свидетельствует: до 1993 г. в Иркутской области продолжался приток населения. В 1993 г. число жителей сократилось более чем на 7 тыс. чел., в 1995 — на 11 тыс. С 1996 по 1998 гг. наметилось снижение человеческих потерь (до 6 тыс. чел.). Однако уже с 1999 года (сразу же после дефолта) убыль населения возросла в два раза. Только с 1999 по 2004 гг. население региона сократилось на 7,4%. Два года шло повышение — не более чем на 1 тыс. чел.

По данным записей актов гражданского состояния, в ноябре 2004 г. рождаемость в области составила 2590 чел. Из них в районных поселениях родилось 673 чел., в городских поселениях — 1752 ребенка, в Усть-Ордынском Бурятском Автономном округе появилось 165 малышей. После некоторого повышения в 2003–2004 гг. в 2005 г. снова пошло снижение рождаемости. Тенденция неустойчива. На 1 января 2005 г. в регионе насчитывалось 2,4 млн чел.

За последние годы в областном центре, как и в целом по России, рожать стали больше. Показатель рождаемости начал увеличиваться с 1998 г., с 2001 г. он находится на стабильном уровне. Так, в 2004 г. в Иркутске родилось 7640 детей, в 2005 г. — 7580 детей. Все больше семей хотят иметь детей — в стабильной экономической и политической обстановке в России. По данным комитета по молодежной политике (КМП) Иркутской области, 49,7% молодых семей планируют двух детей. (Еще в 2003 г. двух малышей планировали 63,2%). Одного ребенка два года назад собирались заводить 16,9% опрошенных, сейчас — 36,7%.

Отмечается, что, наряду с экономическими проблемами, все большую значимость при создании семьи имеют психологические установки. Среди молодежи популярной становится тип европейской семьи, где оба супруга активно занимаются карьерой. По данным КМП, около половины молодых людей региона собираются завести ребенка с 25 до 30 лет, так как до этого планируют получить образование и делать карьеру. По данным ученых Института

географии СО РАН, в Иркутской области, как, впрочем, и по всей России, в последние годы наблюдается отчетливая тенденция к увеличению «сложных» семей, живущих вместе из-за отсутствия жилья. Однако следует учитывать, что на вопрос «Что является препятствием для создания семьи» более 40,1% молодых Иркутской области ответили: отсутствие собственного жилья. И лишь 24,2% указывают в этом случае на заработную плату.

По данным комитета по молодежной политике, при создании семьи нужно ориентироваться только на свои силы (в 2003 г. 87,1% опрошенных считали так). На государство надеются 8,6%. Но при этом 65,8% опрошенных все же убеждены, что каждая молодая семья нуждается в государственной помощи. Чаще всего молодые рассчитывают, что государство даст им хорошее пособие при рождении малыша (70,8%). Чуть меньше — около 65% — мечтают о кредите на приобретение жилья. Но уже сейчас можно сказать о том, что супружеских пар по сравнению в 1989 г. стало на 73 тыс. меньше, а каждый шестой брак — гражданский.

Главный демографический «бич» Иркутской области — высокая смертность населения. Регион занимает по этому показателю 45 место в России. Ситуация хуже, чем в Красноярском крае, Новосибирской, Омской, Томской областях. По данным Госкомстата, число смертей в нашей области резко возросло в 1993 г. Кризис унес в 1993 г. на 6,4 тыс. чел. больше, чем в 1992 г. Число смертей росло до 1996 г., затем стало падать. Но в 1998 г. случился дефолт. Смертность снова выросла более чем на 4 тыс. человек (с 34,8 тыс. чел. в 1998 г. до 39,2 тыс. в 1999 г.). С 2000 по 2003 гг. число умерших постоянно росло. Два года назад в области был зарегистрирован печальный рекорд — число смертей было наибольшим с начала 1990 г. (43,3 тыс. чел.).

По данным за 2004 г., смертность в области составила 16,5 чел. на одну тысячу населения. Причем умирают в основном люди трудоспособного возраста. На первом месте заболевания сердечно-сосудистой системы, на втором — внешние причины (травмы и отравления), на третьем — злокачественные новообразования. По профессиональным заболеваниям Иркутская область находится на втором месте после Кемеровской. Общероссийский показатель превышен на 30%. Демографы отмечают интересный факт. Жизнь людей с 2000 г. постепенно улучшается, а количество смертей продолжает расти, причем по всей России. Полагают, что сейчас россияне «расплачиваются» за кризис 1990-х. Кто-то из старшего поколения начал пить, кто-то мобилизовался и много

работал. Сегодня жизненные силы и тех, и других истощены — люди начали умирать чаще. Согласно статистическим данным, на сегодняшний день в Иркутской области количество населения пенсионного и предпенсионного возраста в 6–7 раз превышает численность молодого поколения в возрасте до 16 лет.

*Н. Ли
БГУЭП*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В современной России деятельность иностранных некоммерческих организаций стала неотъемлемым атрибутом общественной жизни. Под некоммерческими организациями понимаются образования, которые используют полученную в ходе коммерческой деятельности прибыль на уставные цели организации и не распределяют ее среди учредителей или членов (Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 26–49). К такого рода организациям относят ассоциации (общественные организации), церкви и другие религиозные организации и, прежде всего, фонды.

Наиболее авторитетной и известной некоммерческой организацией является Международный Красный Крест. Деятельность этой гуманитарной организации в Иркутской области насчитывает 80 лет. Иркутское областное отделение РКК было официально организовано весной 1924 г., когда свою работу начал Иркутский губернский уполномоченный Сибирского отделения РОКК (Российского Общества Красного Креста). Средства Общества составлялись из членских взносов, ассигнований Правительства, других поступлений из местных источников (продажа литературы, организация выставок, сбор пожертвований, организация концертов, спектаклей и т.д.). Основными задачами деятельности Иркутского губернского Красного Креста на первом этапе его деятельности были борьба с социальными болезнями (туберкулез, трахома, сифилис), врачебно-санитарная помощь во время стихийных и иных бедствий, борьба с эпидемиями, детской беспризорностью, подготовка санитарных дружин, сбор и накопление средств на случай стихийных бедствий. С момента появления на Иркутской земле Красный Крест помог миллионам людей, воплощая в жизнь множество самых разных программ, отвечающих духу и требованиям времени. До конца 1917 г. вся деятельность

Красного Креста осуществлялась на частные пожертвования купцов и именитых граждан губернии.

Сегодня все благотворительные программы Красного Креста осуществляются при поддержке партнерских организаций и многочисленных добровольцев на средства, привлеченные в грантовых конкурсах, спонсорскую помощь, ежегодные взносы членов общества. Например, в 1999 г. около 380 тыс. чел. получили гуманитарную помощь от Красного Креста в виде продовольствия и одежды на сумму более 5 миллионов рублей. Более 420 стационарных учреждений области систем здравоохранения, образования, социальной защиты населения, управления исполнением наказания получили около 5 тыс. тонн продовольствия. Примерно столько же получили малообеспеченные жители области. На следующий год была запущена программа «Продовольствие ради прогресса». В 2001–2002 гг. в ходе программы «Продовольствие ради прогресса» распределено около 10 130 тонн продовольствия в пяти регионах Сибири: Хакасии, Красноярском крае, Таймыре, Иркутской области (включая Усть-Ордынский АО) и Бурятии. Сегодня Красный Крест реализует на территории области ряд программ, направленных на пропаганду здорового образа жизни, профилактику ВИЧ и наркомании, обучение населения приемам оказания первой помощи и уходу за больными на дому, осуществление ухода за больными на дому силами сестер милосердия и сиделок Красного Креста, оказание гуманитарной помощи особо нуждающемуся населению, проведение семинаров для молодежи по трудоустройству, обучение детей с ограниченными возможностями навыкам компьютерной грамотности, вовлечение населения в члены РКК и т.д. В настоящее время идет активная реализация проекта «Забота и поддержка людям, живущим с ВИЧ / СПИД». Одним из основных финансовых доноров этого проекта выступила компания «ГлаксоСмитКляйн», которая является фармацевтической компанией № 1 в Европе и № 2 в мире. Она занимает 8% фармацевтического рынка и 24% мирового рынка вакцин (Волгин Н.А. Социальная корпоративная политика: проблемы, опыт, перспективы. Москва, 2004. С. 136).

На территории области действует 12 районных и городских отделений Российского Красного Креста.

Другой известной международной некоммерческой организацией, действующей на территории Иркутской области, является Британский Совет (British Council). Центры Британского Совета расположены в крупных городах России от Москвы до Южно-Са-

халинска. Всего их 15. В основе деятельности этой организации — знакомство россиян с современной британской культурой, возможностями получения образования в высших учебных заведениях Туманного Альбиона. На сегодняшний день в Иркутской области действует только один центр Британского Совета. Он расположен в Иркутске на площади Декабристов. Штат организации составляют всего 5 человек: директор, библиотекарь, консультант для работы с web-ресурсами и обслуживающий персонал. В центре располагается англоязычная библиотека. Когда в Иркутске создавался центр Британского Совета, руководители исходили из предположения, что основными посетителями центра будут преподаватели английского языка города и области, поэтому здесь можно найти обширную учебно-методическую литературу для преподавателей, современные учебники, пособия, словари, электронные ресурсы, ориентированные на учителей школ и преподавателей вузов. Для них регулярно организовываются тренинги и семинары.

Хотя первоначально Британский Совет функционировал только как информационный центр для работы с профессионалами, с каждым годом делается все больше и больше для вовлечения в сферу их деятельности все большего количества людей. С 2001 г. работает Интернет-центр, который предоставляет свободный доступ всем желающим к ресурсам англоязычного Интернета. Электронная библиотека, созданная Британским Советом, является по-своему уникальным ресурсом. Она включает в себя ценные материалы по искусству, музыке, бизнесу, менеджменту, всего более 1 млн статей. А также в Virtual Library собраны ежедневные публикации всех англоязычных изданий и журналов.

Наиболее значительный вклад в развитие современного российского общества Британский совет вносит, содействуя получению нашей молодежью бесплатного британского образования. Для этого действует специальная стипендиальная программа Chevening. В этом году по ней обучается выпускница Факультета мировой экономики БГУЭП, она получила возможность год учиться в самом престижном экономическом высшем учебном заведении Англии — London Business School. У британского образования безупречная репутация, поэтому желание его получить возникает у многих людей, решивших расширить свои профессиональные знания. С каждым годом в Центр Британского Совета в Иркутске поступает все больше и больше заявок на участие в конкурсе. Подробную информацию можно получить на сайте Британского Совета в Интернете www.britishcouncil.ru.

Помимо Международного Движения Красного Креста и Полумесяца, а также Британского Совета (British Council), на территории Иркутской области активно функционируют другие иностранные некоммерческие организации: культурно-образовательные «Альянс Франсез» («af»), American Corner, правозащитные «Amnesty International», «Human Rights Watch», экологические «GreenPeace», «WWF», и др.

*А. Мальцев
РГТЭУ*

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Действующая Конституция РФ провозгласила равенство всех видов собственности перед законом, в том числе и частной. Ряд указов Президента России значительно расширил возможности приобретения земли в частную собственность, предоставив это право, наравне с гражданами, юридическим лицам. Но многие из этих законов так и остались на бумаге.

Те законы, которые, так или иначе, действуют во многих регионах России, фактически ограничивают право собственников на передвижение. Они устанавливают обязательства постоянно проживать на участке и эффективно трудиться на нем под страхом изъятия участка. Они не решают проблему тотального административного контроля над экономикой, делают невозможным создание цивилизованного рынка земли и эффективное управление земельной собственностью. Так, например, сейчас права граждан и организаций по распоряжению участком ставятся в зависимость от административных решений. Сделка признается недействительной при «злонамеренном занижении цены», доход «сверх среднетерриториальной цены» поступает в бюджет. Владельцы обязываются уступить государству или муниципальному образованию участка для не определенных кодексом государственных и муниципальных нужд. Устанавливаются нормы, нарушающие принцип полного возмещения ущерба при изъятии имущества. Нарушаются права по использованию участков. Узакониваются изъятия земельных участков для отвода иным лицам, для проведения военных учений, при включении участка в определенную зону с передачей его заинтересованному предприятию, изъятие права постоянного (бессрочного) пользования земельным участ-

ком с принудительной заменой его арендой. Существующее законодательство ущемляет права и федеральных властей, и муниципалитетов. Права правительства Российской Федерации по управлению и распоряжению землями ограничиваются «в соответствии с постановлениями субъектов Федерации». В связи с этим запрещается продажа участков, занятых муниципальным и жилищным государственным фондом, не допускается приватизация муниципальных земель, запрещается передача в залог участков из государственных и муниципальных земель. Собственники земельных участков и земельных долей лишаются права свободного распоряжения ими, в том числе свободной передачи в аренду. Передача же земель гражданам возможна только по согласованию с местной администрацией. Отменяется обязательность передачи земельных участков в собственность граждан при реорганизации сельскохозяйственных организаций. Российское законодательство ставится в зависимость от правовых актов субъектов Федерации и даже решений общих собраний. Под угрозой отмены оказалось даже предоставленное указами президента безусловное право собственников приватизированных предприятий на выкуп участков. Устанавливается право субъектов Федерации ограничивать формы прав на землю на своих территориях. Жилищные товарищества лишаются прав на получение участка в собственность. Сделка с участком признается недействительной при нарушении правил и нормативов по его использованию. Узаконивается вмешательство в права землевладельцев и лиц, занятых установлением и регистрацией границ. Все это ведет к созданию механизма коррупции путем бесконтрольной и формально бесплатной передачи земель. Этому способствует необходимость согласия уполномоченного органа для обмена участками на праве постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения и передача административным органам судебных функций.

Новый земельный кодекс делает невозможным введение рыночного налогообложения недвижимости, закрепляя отдельный налог на землю. Дезорганизуется законодательство о регистрации прав на недвижимость: устанавливаются основания для произвольного отказа в регистрации, например, при несоответствии ранее изданных документов новым требованиям. Вводится обязательность при приватизации административной корректировки границ, невозможность приватизации вместе с участком его принадлежности, запрет продажи при наличии спора. Новый кодекс вместо кадастрового учета объектов недвижимости как

объектов физических вводит широкое понятие «государственного земельного кадастра», что делает невозможным в обозримом будущем обеспечить учет недвижимости. При землеустройстве ущемляются права собственника, который, согласно кодексу, таковым по своей сути не является. Нормы оценочной деятельности подрывают основы независимой оценки, так как к работе в оценочных комиссиях должны привлекаться государственные и независимые эксперты. Но в большинстве случаев эти комиссии состоят из представителей местных структур.

Современное законодательство дает собственнику, получившему свидетельство на земельную долю, все права. Можно выделить свою долю земли из общей собственности и вести фермерское хозяйство. Можно эту земельную долю продать, что, конечно, непросто, но юридически возможно. Практика, впрочем, показывает: сегодня участки (доли) чаще всего передаются в аренду. Но выделение земли для индивидуальных фермерских хозяйств идет медленно. В 1990 г. был настоящий бум — выделилось 350 тыс. хозяйств фермеров. Потом число энтузиастов уменьшилось до 280 тыс. Законодательство этот процесс не ускоряет и не замедляет, позволяя проявиться естественному ходу событий. Крестьяне обладают полной свободой выбора. Они могут работать в составе крестьянской артели и самостоятельно. Крестьяне могут сдавать свою земельную долю в аренду сельскохозяйственной коммерческой организации, оформляя процедуру двусторонними или многосторонними договорами, могут вносить долю в уставной фонд организации (теряя право собственности) и получать дивиденды. С одной стороны, существуют коллективные хозяйства в любых формах, допускаемых Гражданским кодексом. С другой — немногочисленное фермерство. Оставшись с землей один на один, фермер ничего не может сделать без денег, техники, удобрений и т.д. Отличие нынешней земельной реформы от той, что была в начале XX в., заключается в решении финансовой проблемы.

Немало проблем связано и с платой за землю. Плата за землю в России на современном этапе была введена в период, когда таким понятием практически никто не владел, поэтому ее введение породило множество споров.

Фермерские хозяйства, а также другие субъекты земельных правоотношений должны вносить земельный налог в виде стабильных платежей за единицу площади в расчете за год, и этот размер земельного налога не зависит от результатов их хозяйс-

твенной деятельности. Это является большим упущением и думается, что здесь нужен другой подход.

Цена земли определяется как отношение ренты к процентной ставке в процентном выражении. Как представляется, необходимо введение новых коэффициентов или процентных ставок при продаже земли для определения ее цены. Например, при продаже земельного участка представителям разных слоев населения (с разным достатком и разным социальным статусом), или для различного целевого предназначения, цена на один и тот же участок должна быть разной.

В определении цены на землю, несомненно, последнее слово за спросом и предложением. Однако субъект, желающий приобрести земельный участок, рассматривает альтернативные варианты. В самом деле, цена земли — это покупная цена не земли, а той земельной ренты, которую она принесит. В этом экономическом ее содержании ренту можно рассматривать как процент на капитал.

Земле в России никак не удастся стать полноценным товаром. У одной земли есть цена, а для другой существует только арендная ставка. Например, землю в городском пригороде можно легко продать или купить. А любая операция с землей сельскохозяйственной обставлена огромным количеством законодательных «если» и «но», рассыпанных по множеству документов.

Цена рождается на рынке. «Открытие» цены происходит тогда, когда сходятся покупатель и продавец, спрос и предложение. Чтобы узнать, сколько стоит земля, ее нужно «вытолкнуть» из экономического небытия на свободный рынок. В России этот процесс идет, но крайне неравномерно. В нескольких, очень небольших, секторах уже давно идет бойкая торговля, и цена определяется рынком. Это в основном дачные участки, участки под жилищное строительство, отдельные типы земельных участков в городах (например, земля под зданиями приватизированных предприятий).

Но большая часть потенциального земельного рынка у нас — именно сельскохозяйственные угодья. Федеральный закон «О плате за землю» 1991 г. ввел понятие «нормативной цены», которой должны были оперировать при передаче земли в собственность, установлении коллективно-долевой собственности, при передаче по наследству, дарении и получении банковского кредита. Нормативную цену следовало рассчитывать, исходя из ставки налога на землю. Средние ставки налога по областям указывались в самом законе, а уточнять их в зависимости от качества земли, удаленности участков от областных центров и про-

чих показателей должны были уже местные налоговые службы. Мартовское постановление 1997 г. «О порядке определения нормативной цены земли» отменило обязательную привязку к налоговой ставке. Теперь местные власти могут повышать или понижать цену «по мере развития рынка земли» с условием, чтобы она «не превышала 75% уровня рыночной цены на типичные земельные участки соответствующего целевого назначения». Получается, что ориентиром для нормативной цены, которая по идее должна служить трамплином в рынок, в свою очередь является цена рыночная, но откуда ей взяться, если рынка на фермерскую землю как не было, так и нет?

Однако трудности начинаются гораздо раньше. Подавляющая часть сельскохозяйственных угодий находится в так называемой долевой собственности, то есть люди имеют не конкретный участок, а долю в общем массиве земель бывшего колхоза. Чтобы продать или подарить ее, участок должны выделить «в натуре» с согласия всего коллектива собственников. Но и потом собственнику земельной доли не так-то просто ею распорядиться. Земля согласно Земельному кодексу должна использоваться только по целевому назначению, поэтому ее нельзя продать какой-нибудь фирме, скажем, под строительство завода. Вот и выходит, что сделки с долями заключаются пока, как правило, между родственниками в рамках села, да и то потому, что куплю-продажу оформить выгоднее с налоговой точки зрения, чем дарение.

Земельным налогом и арендной платой облагаются практически все земельные участки, находящиеся как в аренде, так и собственности у граждан и юридических лиц. Это и сельскохозяйственные угодья, земельные участки, наделы и участки для жилищного и дачного строительства.

Земельный налог взимается с общей площади и не важно занята ли земля, какими либо постройками или нет. А вот такой вопрос, как взимание платы за землю с нескольких пользователей или собственников, не урегулирован в достаточной степени. Так, например, за земли находящиеся в раздельном пользовании у нескольких граждан или юридических лиц земельный налог начисляется каждому в отдельности в пропорции той площади, которая находится в пользовании у каждого из них. Но если земля находится в общей собственности нескольких лиц, будь то граждане или юридические лица, то земельный налог начисляется каждому из собственников отдельно, но уже соразмерно их доли на эту площадь.

Нормативная цена земли — самое продуманное и доработанное понятие в современном земельном законодательстве. Это «показатель, характеризующий стоимость участка определенного качества и местоположения исходя из потенциального дохода за расчетный срок окупаемости».

Можно сказать, что нормативная цена земли в современном законодательстве появилась благодаря тому, что разрешили продавать землю в собственность. Но ее нельзя рассматривать, как самостоятельный институт, так как она теснейшим образом связана с земельным налогом.

Таким образом, нормативные акты, регулирующие земельные отношения, не только не решают проблем, возникающих по вопросу о земле, но и создают дополнительные проблемы, препятствуя развитию в России частной земельной собственности, защищенной от посягательств государственных и окологосударственных структур.

Л. Скажутина
БГУЭП

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТЬЮ И КИТАЕМ

Обращаясь к внешнеэкономическим связям Иркутской области, следует отметить, что она уже не первый год поддерживает дружеские отношения с городами США (Юджин), Японии (Канадзава), Монголии (Улан-Батор), Франции (Верхняя Савойя, Дижон) и, конечно, с ближайшим ее соседом, КНР (в особенности с Северо-восточной его частью, Маньчжурией).

Иркутская область имеет долгую историю сотрудничества с Китаем. В настоящее время Китай является четвертым по значению крупным торговым партнером России, а Россия — восьмым торговым партнером Китая. В 2005 г. объем российско-китайского товарооборота достиг 29 млрд 100 млн дол. — на 37,1% больше по сравнению с 2004 г. и на 14% выше роста всей внешней торговли Китая (Сайт Министерства коммерции КНР). Большая часть в товарообороте принадлежит Москве, тогда как доля Иркутской области не превышает 2% (Киселева Г. Приангарье — Китай: грани сотрудничества // Восточно-Сибирская правда. 27 апреля 2005. С. 3). Звучит весьма печально, а с учетом нашего пограничного расположения, можно сказать и обидно. В итоге иркутским

предпринимателям остается только одно: приобретать ни один раз перекупленные товары соответствующего качества по неимоверно возросшей цене. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что, начиная с 2001 г., позиции Китая в экономическом плане по отношению к Иркутской области заметно укрепляются. Внешнеторговый оборот Иркутской области с Китаем в 2005 г. превысил 1,1 млрд дол., что составляет примерно 1/3 всей внешней торговли Иркутской области (www.china.org.cn/russian/ru). Для Иркутской области КНР занимает первое место среди стран, с которыми у нее существуют торгово-экономические отношения (ранее лидером была Япония). В настоящее время основу экспорта в КНР составляют целлюлоза, древесина, нефтепродукты, химическая продукция, алюминий, продукция машиностроения. Говоря об импорте, следует отметить китайские продукты питания, товары повседневного использования, электрические машины и горное оборудование, а также некоторые другие товары. На сегодняшний день на территории Иркутской области зарегистрировано около 150 коммерческих организаций с китайским капиталом, которые пока предпочитают действовать в торгово-коммерческой и посреднической сферах (Эксперт Сибирь. № 45. 28 ноября 2005). Иными словами, большого прилива китайских инвестиций в производственный сектор не отмечается.

Одной из причин такого феномена является своеобразный информационный вакуум, сложившийся на территории области в отношении Китая. У предпринимателей нет полной информации по поставщикам, по возможным партнерским отношениям. Они покупают то, что есть на рынке, в частности из той же Маньчжурии, которая также является перекупщиком товара из более развитых частей КНР. Стоит также отметить, что в Иркутской области существует огромная проблема нелогичной ориентации на Северо-восточный Китай. Как известно, в этой части Китая живет примерно 70 млн чел. (тогда как численность Китая 1,5 млрд чел.) (Кинцак В. Интерес — взаимный // Восточно-Сибирская правда. 11 июля 2005. С. 2). Остальные китайцы, а значит, и основные производители, находятся в центральной и особенно в южной частях страны. Особый интерес как раз и представляет выход на партнеров из южных провинций Китая, где предприятия имеют высокий международный статус и работают по лицензиям ведущих мировых фирм. Необходимо представлять перспективы развития российско-китайских отношений при непосредственном взаимодействии с производителями, раз-

личными предприятиями, концернами, холдингами. А, по прогнозам экспертов, к 2015 г. только провинция Гуаньчжоу (Южный Китай) будет давать валовой продукции столько же, сколько вся Россия (Киселева Г. Приангарье — Китай: грани сотрудничества // Восточно-Сибирская правда. 27 апреля 2005. С. 3).

Другая причина неразвитых (или, скажем, весьма слаборазвитых) экономических связей нашего региона с Китаем заключается в разрозненности предпринимателей. Кооперированный выход на мировую арену дает намного больше плюсов, чем действия поодиночке.

В итоге на сегодняшний день мы имеем примерно одинаковый ассортимент товара, независимо от того, представлен он на рынке «Шанхай» или в Торговом Центре Иркутска, а также его весьма невысокое качество и довольно большую стоимость. Более крупные сделки, пусть даже на рынке товаров широкого потребления, приведут в итоге к формированию у китайских предпринимателей представления об Иркутской области как о серьезном и надежном партнере. А это в свою очередь будет способствовать расширению сотрудничества, выходу на новые рынки.

Что же необходимо учитывать в первую очередь при налаживании связей с Китаем? Безусловно, нужно понимать, что на данном рынке существует очень большая конкуренция. Известно, что компании со всего мира предпочитают переплыть океан, чтобы представить свои достижения на международных выставках в Пекине. Иркутская же область, несмотря на приграничное положение, лидером здесь явно не является. Об этом свидетельствуют следующие статистические показатели. Число посетителей подобных выставок из России в среднем составляет около 4% от общего числа иностранных посетителей. То же можно сказать об Италии, Франции, Австралии, находящихся географически несравнимо дальше от Китая. 11% посетителей представляют граждане США. И эти данные показательны для всей ситуации на рынке Китая (www.baikal-info).

30% и более фирм, представляющих китайский рынок, — это фирмы зарубежные, в том числе и многочисленные представительства известных во всем мире автомобильных концернов «Мерседес», «Фольксваген» (www.china.org.cn/russian/ru). Это наглядно показывает, что Китай, в отличие от России, имеет четкую стратегию развития. Весь мир является свидетелем наступательной внешнеэкономической политики КНР, основным инструментом которой является экспорт товаров и капита-

лов и создание транснациональных корпораций. Россия должна, пока это возможно, занять свою нишу в транснациональных корпорациях Китая. Для этого очень важно более активно юридически и физически присутствовать на территории страны-импортера, владеть полной рыночной информацией, знать особенности торгового законодательства страны.

Какие перспективы существуют для продвижения Иркутской области на рынок КНР? Конечно, существуют определенные товары, которые она может продать и купить у Китая. И необязательно упоминать здесь промышленных гигантов или поставщиков леса. Китайский рынок очень специфичен, и, прежде чем выходить на его уровень, необходимо проявить компетенцию в знании потенциальных конкурентов, потребителей, в знании местного законодательства. США, например, продают в Китае свою воду. Возникает вопрос, почему бы и нам не организовать реализацию байкальской воды? Помимо этого весьма привлекательными как для Иркутской области, так и для Китая могут стать такие сферы вложения капитала, как реализация совместных проектов в сфере освоения нефтегазовых ресурсов нашего региона и развития газо-химического комплекса. Возможно также развитие сотрудничества в текстильной промышленности, в производстве и переработке продуктов питания, в продвижении сотрудничества в области высоких технологий. Для удержания и практического усиления экономических связей нужно создавать необходимые условия: развивать приграничную инфраструктуру, что позволит наращивать торгово-экономический оборот более быстрыми темпами, создавать зоны свободной торговли.

Итак, Иркутская область должна четко определить свою стратегию развития отношений с Китаем, что может послужить отправным моментом для выхода области на мировой рынок товаров и услуг.

*К. Схулухия
ИрГУПС*

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Инвестиции — это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предприниматель-

ской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

В макроэкономике под инвестициями понимается часть ВВП, которая не потребляется в текущем периоде и обеспечивает прирост капитала в экономике. В расширительной трактовке инвестиции рассматриваются как долгосрочные вложения капитала в собственной стране или за рубежом в предприятия разных отраслей, предпринимательские проекты, социально-экономические программы и др. В микроэкономике инвестиции трактуются как процесс создания нового капитала (средства производства и человеческого капитала). Субъектами инвестиционной сферы является: государство, отраслевые министерства и ведомства, администрации предприятий и население. Юридические или физические лица вкладывают собственные средства в инвестиционный капитал, под которым понимается имущество, финансовые инструменты, интеллектуальный и информационный продукт, приносящий доход. В инвестиционном процессе инвесторы могут выступать в роли заказчиков, вкладчиков, кредиторов, покупателей, что определяет характер их участия в данном процессе.

Прибайкалье имеет свои природные, материальные и трудовые ресурсы. Потенциальные инвесторы заинтересованы в развитии производства и выпуске своей продукции. Исключительное географическое положение Иркутской области в совокупности со сформированным гражданским сообществом и уникальной ресурсной базой (около 20% ресурсов РФ, которые по оценке территориального агентства недропользования составляет 2 трлн 267,7 млрд дол.: нефть, газ, уголь, металл, древесина, слюда, калийные соли и др.) предполагает широкие возможности для развития региона.

К доминирующим задачам сырьевых отраслей промышленности относятся: 1) уменьшение оттока наиболее конкурентноспособной рабочей силы за пределы области; экспертная оценка численности населения отдельных национальностей показывает, что в настоящее время на территории области на постоянной и временной основе проживает около 17 тыс. азербайджанцев, 11 тыс. таджиков, 4–5 тыс. армян; 2) обеспечение роста инвестиций в усиление охраны труда, сохранение жизни и здоровья работающего населения, в улучшение производственной среды; 3) проведение инвестиционной подготовки проектов модернизации действующих предприятий и разработки высокорентабельных месторождений.

Но существуют проблемы развития сырьевого сектора: низкий уровень жизни и кризисные явления в народонаселении («подправляемые» вынужденными мигрантами); неэффективный механизм природопользования (в том числе с позиций его ориентации на нужды региона)

Природно-ресурсный потенциал Прибайкалья используется в среднем на 35–37%. Эта величина складывается из высоких (более 60%) значений реализации гидроресурсов, средних 20–30% по лесному, охотничье-промысловому потенциалу и низким (менее 10%) — по многим видам полезных ископаемых

Пути решения проблемы сводятся к тому, чтобы органы государственной власти создали благоприятные условия для творчества и работы трудоспособных граждан. В социальной политике необходимо: повысить уровень жизни населения; рекомендовать администрации области включить в бюджет софинансирование специальных программ содействия занятости граждан, а главам муниципальных образований включать в бюджет расходы на проведение общественных работ; создать благоприятный инвестиционный климат с помощью мер финансово-кредитного и налогового стимулирования.

Повышение уровня жизни населения возможно за счет роста промышленного производства. Для этого необходимо: реализовывать приоритетные инвестиционные и инновационные проекты; защищать интересы местных товаропроизводителей; сформировать условия для увеличения занятости населения и обеспечение рабочей силой предприятий, повысить ее качество и конкурентоспособность; создать новые рабочие места.

Доходы области могут повыситься, за счет притока инвестиций крупных компаний, глубокой переработки природных ресурсов имеющихся в области. Ученые-экономисты, социологи доказали, что получение достаточных доходов домохозяйствами обеспечивает наиболее полное удовлетворение их потребностей в целом, и каждого члена в отдельности. Получение потребительской прибыли домохозяйствами создает условия для всестороннего развития личности.

Основным стратегическим ориентиром в сфере СЭР является рост человеческого капитала и развитие гражданского общества Прибайкалья на основе расширения внутреннего регионального спроса.

Инвестиции в воспроизводство человеческого капитала — доминирующий фактор, определяющий конкурентоспособность региона.

Инвестиции в человеческий капитал осуществляются в разнообразных формах: поддержание здоровья граждан, развитие образования, культуры населения, подготовка кадров, обеспечение ЖК услугами.

Регулирование вышеперечисленных аспектов и создание необходимой институциональной инфраструктуры ресурсопользования в регионе позволят существенно укрепить экономическую безопасность области как составной части Российской Федерации.

Е. Тугарина

Е. Шевчук

БГУЭП

ИРКУТСК–МОНГОЛИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Столица Монголии Улан-Батор является одним из старейших партнеров города Иркутска. С середины 1960-х гг. наблюдается увеличение интереса монгольских студентов, аспирантов и стажеров к обучению в вузах Иркутска. В связи с этим с 1965 г. в Иркутске начал работать второй секретарь Посольства МНР в СССР. И уже в 1971 г. здесь было открыто Консульство Монгольской Народной Республики, которое в 1974 г. было преобразовано в Генеральное Консульство. В таком статусе оно функционирует и в настоящее время. В этот же период был подписан и договор об установлении побратимских отношений между Иркутском и Улан-Батором. С тех пор Иркутск и Улан-Батор приобретают и расширяют опыт сотрудничества в различных областях деятельности. В 1987 г. для координации усилий и взаимного обмена информацией с Монголией, с целью создания условий для объединения научных ресурсов в целях развития отношений с Улан-Батором в нашем городе создается Иркутское региональное отделение Международной Ассоциации монголоведов. В 1998 г. было подписано Соглашение о дружбе и сотрудничестве между городами-побратимами Иркутском и Улан-Батором, в рамках которого и проходили все последующие контакты.

В октябре 1998 г. были организованы «Дни Иркутска в Улан-Баторе», в ходе которых монгольский город-побратим посетила официальная делегация из Иркутска. В иркутскую делегацию, отправляющуюся в Улан-Батор, входили представители муниципалитета, руководители иркутских высших учебных заведе-

ний, крупных предприятий, бизнесмены. В плане мероприятий, проводимых в Улан-Баторе в честь города Иркутска, были форум монгольских выпускников иркутских вузов, «круглый стол» для иркутских и монгольских бизнесменов, выставка товаров, производимых в Иркутской области, состоявшаяся в улан-баторском центре российской науки и культуры. Заместитель главы областной администрации Алексей Соболев, входивший в состав иркутской делегации, отметил, что отношения между Иркутской областью и Монголией развиваются неплохо, но еще есть нереализованный потенциал в части экономического сотрудничества (www.admirk.ru).

Результатом мероприятия стало подписание восемью крупными иркутскими предприятиями договоров о закупке сырья и реализации продукции в Монголии. Также были рассмотрены вопросы возрождения и дальнейшего развития отношений в области высшего образования, ряд иркутских вузов заключили договоры о сотрудничестве с вузами Улан-Батора.

В июне 1999 г. состоялись «Дни Улан-Батора в г. Иркутске», которые способствовали дальнейшему развитию торгово-экономического и культурного сотрудничества между городами-побратимами.

Своеобразным результатом взаимовыгодного сотрудничества деловых кругов Иркутска и Улан-Батора стало открытие в феврале 2000 г. Торгового Дома Иркутска в Улан-Баторе. Ответным шагом Монгольской стороны стал визит в Иркутск в 2001 г. делегации представителей бизнес-структур Монголии во главе с министром торговли и промышленности господином Гензоригом для обсуждения вопроса открытия торгового центра Монголии. В настоящее время работа по реализации данного проекта продолжается при активном участии Генерального консульства Монголии в Иркутске.

2000 г. отмечен проведением на базе ИГУ Международной научно-практической конференции «Россия и Монголия в многополярном мире: итоги и перспективы сотрудничества на рубеже тысячелетий» с участием ученых-практиков Монголии и России. В ходе этой конференции были обсуждены итоги многостороннего сотрудничества в политике, экономике, культуре, науке и образовании в контексте новой геополитической ситуации в Центральной Азии.

Торговлю России и Монголии определяет Сибирь, на долю которой приходится почти 82% экспорта и свыше 31% — импорта. Как сообщили РИА «Новости» в Окружном информаци-

онном центре «Сибирь», объем экспорта продукции сибирских регионов, по данным российской таможенной статистики, вырос с 24 млн дол. США в 1993 г. до 175,3 млн дол. в 2000 г., импорт сократился до 13 млн дол.

В последние два года Монголия резко активизировала свои внешнеэкономические связи. Основными партнерами на мировом рынке являются Россия, Китай, США, Япония и Республика Корея. Объемы торговли России с Монголией упали за 10 лет с 1,2 млрд дол. в 1990 г. до 0,25 млрд дол. в 2000 г. Однако участники встречи в Иркутске отмечают, что экономические связи Монголии и России, в частности Сибири, медленно, но начинают восстанавливаться.

6 ноября 2004 г. в Иркутске завершились переговоры о расширении торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между регионами Сибирского федерального округа и Монголией. По итогам встречи был принят меморандум о сотрудничестве. По сообщению окружного информационного центра «Сибирь», в меморандуме определены приоритетные направления взаимодействия в топливно-энергетическом комплексе, в таких сферах, как транспорт, связь, промышленность, торговля, сельское хозяйство и образование. Для реализации положения данного документа было решено создать рабочую комиссию, действующую на постоянной основе.

Иркутск и Монголия поддерживали тесные связи и в сфере спорта с 1966 г. В 2002 г. между спорткомитетом Улан-Батора и Департаментом физической культуры и спорта администрации Иркутска было подписано первое соглашение о сотрудничестве.

Стоит отметить, что на протяжении всего периода сотрудничества Иркутска и Монголии уделяется особое внимание воспитанию подрастающего поколения двух городов в духе взаимопонимания и добрососедства. Осуществляются регулярные обмены группами школьников, монгольские студенты изучают русский язык, а русские — монгольский, проводятся дружественные встречи молодых спортсменов Иркутска и Улан-Батора. В 2004 г. с целью возобновления активного сотрудничества в различных областях деятельности, а также для координации деятельности монголоведов, работающих в вузах Иркутска, создан международный научно-информационный центр изучения Монголии при Областном Краеведческом Музее.

Монголия намерена развивать сотрудничество с Иркутской областью в сферах образования, здравоохранения и культуры. По

словам Генерального консула Монголии в Иркутске Ендонпунцага Адилбиша, Монголия заинтересована в том, чтобы увеличивать количество своих студентов, обучающихся в иркутских вузах, поскольку российское образование и российские преподаватели высоко оцениваются во всем мире. В настоящее время в семи иркутских вузах обучается 400 монгольских студентов и аспирантов, еще 4500 граждан Монголии их уже окончили (www.Regnum.ru).

В области здравоохранения монгольская сторона заинтересована в том, чтобы максимально большее число граждан Монголии могло проходить лечение в Иркутском диагностическом центре, отличающемся высококвалифицированными специалистами и современными технологиями. Консул намеревается достигнуть договоренности о том, чтобы представители Монголии могли проходить в нем прием по таким же расценкам, как и граждане России. Консульство также намерено в дальнейшем поддерживать культурные обмены между Иркутской областью и Монголией и способствовать дальнейшему развитию этой традиции. Нам необходимо сделать все возможное, чтобы тесное сотрудничество с Монголией послужило бы делу возрождения культуры и экономики наших стран в новых качественных условиях.

М. Федорова
БГУЭП

СИБИРЬ И ЕВРОПА: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сибирь — стратегически важный, ключевой регион России, что предопределено его природными богатствами, территорией, геополитическим и геостратегическим положением. В XX в. Сибирь стала самым динамично развивающимся регионом нашей страны. На сегодняшний день, регион является стратегически важным для развития не только России, но и ряда стран, для которых Сибирь является важным партнером.

Сибирь вполне можно назвать одним из «экспортообразующих» регионов Российской Федерации. Именно отсюда поставляются на внешний рынок уголь, нефть и нефтепродукты, газ и лесоматериалы — традиционный набор российского экспорта, который составляет основную статью доходов страны от внешне-торговой деятельности (Из доклада академика Н.Добрецова, председателя СО РАН. Наука в Сибири. www.nsc.ru)

Многие регионы Сибирского федерального округа, такие как Республики Тыва, Бурятия, Алтай, Читинская область, поддерживают традиционные связи с Монголией и Китаем. В то же время большинство субъектов Федерации Сибирского федерального округа постоянно взаимодействуют с западными странами.

В последние годы Сибирь значительно продвинулась в экономических связях с Европой, особенно с Германией и, очевидно, это экономическое взаимодействие будет развиваться. На второе место по товарообороту с Сибирью вышла в 2004 г. Швейцария, показав фантастический рост объемов торговли — почти в 32 раза. В настоящее время товарообмен с ЕС составляет 51%. Список товаров, поставляемых в зарубежные страны Европы, составляет 60 наименований. Среди этой продукции преобладают алюминий и изделия из него, нефть и нефтепродукты, древесина в разном виде и изделия из нее, удобрения, цемент, уголь, продукция химии и другие (Наука в Сибири. www.nsc.ru).

Западное направление на сегодняшний день по-прежнему является самым валютоемким для Сибири. В связи с этим необходима разработка перевода старых экономических связей с традиционными партнерами Западной Европы на более высокий уровень, то есть на основу экономической интеграции. Также существует необходимость восстановления интеграционных связей со странами Восточной Европы.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что Сибирь постепенно вклинивается в структуру мирового хозяйства не как регион одной из стран мира, а как самостоятельное звено. И это звено является связующим между Западом и Востоком.

Западная Европа издавна стремилась включить Сибирь и российский Дальний Восток в свои «геоэкономическую» и «геополитическую» площадки (Кулешов В. Сибирь на пороге нового тысячелетия». Новосибирск: Издательство ИЭиОПП СО РАН. 1998. С. 258). Сегодня Россия — один из главных торгово-экономических партнеров Европы, а европейские рынки сбыта, источники капитала и технологии являются самыми важными для России.

Экономика Европы уже включает в свой состав сибирские и дальневосточные энергосырьевые и транспортные ресурсы. Транссибирская магистраль и воздушные пути, проходящие по территории России и над ней, играют заметную роль в транспортных связях Европы с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В этом контексте азиатская часть России, ее Восточно-Сибирский и Дальневосточный районы становятся форпостом Европы в Азиатско-Тихооке-

анском регионе. С другой стороны, рассматривая непосредственно экономические отношения Сибири и Европы, необходимо заметить, что есть две вещи, которые более чем важны для России: первое — избыток в Европе инвестиционных ресурсов и, второе, — наличие дешевого кредита (Наука в Сибири. www.nsc.ru).

В настоящее время основа развития сибирской экономики — эффективное освоение природных ресурсов. В свою очередь, освоение природных ресурсов предполагает не только добычу, переработку и транспортировку природных ресурсов, но и проведение широкого комплекса мероприятий, в том числе в области лесохозяйственной, водохозяйственной и природоохранной деятельности. Эффективность использования природных ресурсов непосредственно связана с технической модернизацией промышленности и введением новых технологий. В настоящее время наблюдается интерес европейских предпринимателей к Сибири, что влечет за собой рост зарубежных инвестиций в экономику региона (Информация с официального сайта Сибирского Федерального Округа. www.sibfo.ru). Сферой деятельности иностранных инвестиций являются: заготовка и переработка древесины, внешняя торговля, производство товаров народного потребления, медицина, туризм (информация Межрегионального центра делового сотрудничества. www.mcds.ru). Задачами внешнеэкономических связей являются привлечение иностранных инвестиций для осуществления приоритетных программ развития экономики области и поддержка производства экспортной продукции (интервью полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе Л.В. Драчевского журналу «Бизнес-Матч», сентябрь 2002).

Интерес европейских стран к России кроме всего прочего обусловлен сложившейся экономической ситуацией, высокими ценами на энергоносители в странах Евросоюза. Европа возвращается к концепции перемещения энергоемких производств к источникам. Поэтому и Россия, и Сибирь в частности, представляются наиболее эффективным рынком благодаря сочетанию исключительно выгодных условий — наличию крупных сырьевых месторождений и достаточно квалифицированных инженерных и рабочих кадров. Прежде всего, необходимо найти оптимальные пути развития энергосберегающих технологий. Цены на энергоносители в нашей стране ниже, чем во многих государствах Запада. Там производство стало невыгодным в связи с большими издержками. Если мы сможем с помощью энергосберегающих технологий

дополнительно удешевить производство в нашем регионе, нам будет обеспечен приток инвестиций (Стратегические ориентиры развития Сибири и Дальнего Востока: Материалы Всероссийского научно-практического семинара. Красноярск, 2001).

В настоящее время значительную поддержку процессу взаимодействия Сибири и других стран мира оказывает проведение различных экономических форумов. Основной из них — Байкальский экономический форум. За годы, прошедшие с момента его рождения, Байкальский экономический форум стал авторитетным центром объединения государства и бизнеса, способствовавшие устойчивому развитию Сибири и Дальнего Востока, укреплению взаимодействия стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2004 г. в форуме принимали участие делегации из Великобритании, Финляндии, Франции, Германии, Швеции и других стран (Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2002. № 37). Первый же региональный форум по сотрудничеству с Евросоюзом был открыт в Новосибирске еще в 1998 г. В нем приняли участие представители регионов «Сибирского соглашения» и стран Евросоюза. Были приглашены эксперты МИД, Минэкономики и Миннаца России. Основной целью форума был выбран обмен опытом и установление прямых связей между межрегиональными ассоциациями Сибири и Европы.

Посредством создания особых экономических зон, льгот для предпринимателей из европейских стран можно создать новый экономический регион, который оттянет на себя из других регионов ныне незаконную миграцию и даст возможность совместно освоить богатейшую территорию. Вхождение в европейские институты позволит создать условия для направления европейских финансовых ресурсов на взаимовыгодное освоение ресурсов Сибири и заметное развитие экономики региона (Князев И. Сибирь — Россия — Европа // Неприкосновенный запас. 2003. № 4).

Научное издание

**АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ:
ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ**

Материалы научно-практической
студенческой конференции

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 16.03.06. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.